

Филип С. Фонер

**РАБОЧИЙ
КЛАСС
и
американская
революция**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Philip S. Foner

Labor
and
the American
Revolution

WESTPORT, CONNECTICUT,
1978

Филип С. Фонер

**РАБОЧИЙ
КЛАСС
и
американская
революция**

Перевод с английского

М. И. Яновской и Ю. П. Глотина

Вступительная статья

доктора исторических наук

Р. Ф. Иванова

«ПРОГРЕСС»

МОСКВА 1987

Редактор Л е в и н а Е. Л.

Редакция литературы по истории

© Philip S. Foner, 1976

© Перевод на русский язык и вступительная статья
«Прогресс», 1980

Ф $\frac{10650-718}{006(01)-80}$ 40—80

0506000000

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга известного американского историка-марксиста Филипа Фонера занимает особое место в ряду многочисленных исследований американских авторов, посвященных войне североамериканских колоний Англии за независимость 1775—1783 годов. Это первая в США монография, автор которой с марксистских позиций исследует вопрос о роли рабочего класса, народных масс в Американской революции 1775—1783 годов в борьбе за революционное обновление социально-экономических и общественно-политических основ общества.

Известно, что роль рабочего класса в революции определяется не столько его численностью в общем составе населения, сколько его огромным революционным потенциалом и колоссальной революционной энергией. Это относится к рабочему классу и на раннем этапе его истории. Именно это убедительно доказывает книга Ф. Фонера «Рабочий класс и Американская революция».

Точно определить численность рабочего класса в восстановивших колониях практически невозможно, так как переписи населения в то время не проводились. Однако приводимые Ф. Фонером статистические данные по крупнейшим городам свидетельствуют о том, что рабочие составляли значительную часть населения североамериканских колоний Англии. Так, например, около половины населения революционного Чарлстона и две трети населения Бостона, Ньюпорта, Нью-Йорка и Филадельфии принадлежали к классу мастеровых.

Роль рабочих в революционной Войне за независимость не может быть правильно понята без анализа важнейших проблем американской истории предреволюционного периода, когда складывалась расстановка классовых, политических сил, определившая весь ход революционной борьбы в североамериканских колониях Англии.

И естественно, что автор уделяет большое внимание анализу развития революционной ситуации в Северной

Америке, положению рабочего класса в канун революции, его борьбе за свои экономические, гражданские и политические права.

Война за независимость — объект ожесточенной идеологической борьбы между историками различных школ и направлений. Одним из главных аспектов этой борьбы является вопрос о роли рабочего класса в революционной войне североамериканских колоний Англии за независимость.

Отношение историка к этому важнейшему вопросу Американской революции 1775—1783 годов определяется его классовой позицией, оценкой характера этой революционной войны.

Многие американские буржуазные историки вообще отрицают, что Война за независимость была социальной революцией. По их мнению, пишет Ф. Фонер, «Американская революция была по своей сути консервативной и ставила целью не свержение или даже изменение существующего социального строя, а лишь сохранение издавна существовавших в стране свобод». Один из сторонников этой точки зрения Бурстин утверждает, что «Американская революция не была настоящей революцией, а лишь актом отделения от старой Британской империи».

При такой постановке вопроса выхолащивается революционная суть Войны за независимость и не остается места для анализа социальных аспектов революции, в частности роли рабочего класса в этой войне.

История буржуазных революций, в том числе и Американской революции 1775—1783 годов, свидетельствует о том, что, хотя гегемоном революции является буржуазия, подлинным выразителем национальных интересов выступают рабочий класс, народные массы.

Рабочий класс в восставших колониях был твердым и последовательным сторонником самой решительной борьбы за уничтожение колониальной зависимости североамериканских провинций Англии, в то время как многие представители имущих классов в период Войны за независимость были в лагере торн, лоялистов, выступавших на стороне англичан против революции.

Американская революция показала, что рабочий класс уже на раннем этапе своей истории был верен принципам рабочей солидарности. Ф. Фонер приводит интересные факты о том, как английские ткачи, моряки, портные,

горняки активно выступали в поддержку своих братьев по классу в далекой Америке.

Вопрос о месте и роли рабочего класса в Американской революции подвергается грубейшей фальсификации в работах американских буржуазных историков.

Американский историк Герберт М. Морэ, имея в виду оценку буржуазными историками США роли рабочего класса в Войне за независимость, заявлял: «Их история, подобно кратким и простым летописям бедняков, была погребена на свалке Истории».

4 июля 1836 года, когда отмечалось 60-летие США, на собрании Бостонской библиотечной ассоциации учеников мастеровых было заявлено: «Именно мастеровые [Бостона]... эти люди со стойкими сердцами и мускулистыми руками,— «люди, которые знали свои права и дерзнули защищать их», первыми выступили как друзья и защитники свободы».

Эти слова можно с полным основанием повторить, говоря о роли всего американского рабочего класса в революции 1775—1783 годов.

Важная задача любой научной работы — точно определить предмет исследования. Ф. Фонер пишет: «В данной работе мы будем пользоваться современной терминологией, употребляя слова «рабочий класс» и «рабочие» по отношению к ремесленникам и мастеровым независимо от того, идет ли речь о мастерах, владевших мастерскими, где они производили или продавали свои товары, или о тех, кто, имея собственные инструменты, работал по найму».

На наш взгляд, Ф. Фонер, рассматривая вопрос о том, кого следует называть рабочим в конкретных исторических условиях США периода Войны за независимость, полностью учитывает сложную социальную структуру американского общества на том этапе его развития, который исследован в данной книге.

Буржуазные американские историки (в тех редких случаях, когда они пытаются определить расстановку классовых сил в период революции) вопрос о том, кого можно считать рабочим на том этапе американской истории, рассматривают поверхностно и схематично, не ставя своей целью определение задач рабочего класса в революционной борьбе колоний за освобождение, его роли и места в революционной коалиции.

Давая марксистский анализ расстановки классовых сил в революционной борьбе, Ф. Фонер подчеркивает, что уже в 60-х годах рабочие, помимо сопротивления британской тирании, начали выдвигать требования демократизации колониального общества. Эта политическая инициатива рабочего класса серьезно тревожила буржуазно-плантаторские круги, страшившиеся роста радикальных настроений среди трудящихся. «Эти новые боевые настроения испугали многих купцов и вызвали у них стремление покончить с движениями, которые поощряли „низшие сословия“ выйти за рамки, отведенные им правящим классом колоний».

Создание классового блока в ходе революции с целью осуществления самых важных задач революционной борьбы ни в коей мере не означает сглаживание и тем более стирание классовых противоречий между участниками такого блока. Во время Американской революции 1775 — 1783 годов рабочие и буржуазно-плантаторские круги составили один революционный блок, важнейшая цель которого заключалась в уничтожении колониальной зависимости, в завоевании государственной независимости.

Однако требования рабочих шли значительно дальше этой программы, объединявшей представителей самых различных классов и групп американского общества периода Войны за независимость. «Они [рабочие], — пишет Ф. Фонер, — выступали не только против власти правительства, находившегося за три тысячи миль от них, но и против господства „респектабельных и солидных купцов“».

По мере развития революции происходила непрерывная перегруппировка классовых и политических сил. Содержание этого процесса определялось в первую очередь тем, в каком направлении шло развитие революционной борьбы: по восходящей или нисходящей линии.

Несмотря на некоторые спады в революции и на то, что буржуазно-плантаторские круги препятствовали широкому использованию негров в военных действиях или предпринимали другие негативные акции, Американская революция в целом развивалась по восходящей линии. Ее логическим завершением явилась победа восставших колоний, завоевание ими государственной независимости.

По мере развития революционной борьбы возрастала роль рабочих в усилиях, предпринимавшихся антиколони-

альным блоком в борьбе за завоевание колониями свободы и независимости. Одна из глав книги Ф. Фонера называется «Усиление роли мастеровых». Ее содержание свидетельствует о возрастании роли рабочих в революции, об активизации их деятельности, направленной на защиту своих классовых интересов в ходе революционной борьбы за уничтожение колониальной зависимости североамериканских провинций Англии.

Усиление роли рабочего класса в революции находило свое отражение и в увеличении числа рабочих, избранных в различные комитеты, решавшие практические революционные задачи. Приведя многочисленные факты, свидетельствующие об увеличении числа рабочих в таких комитетах, Ф. Фонер делает вывод: «Таким образом, в то время как в различных неофициальных комитетах, созданных в 60-х годах для контроля за осуществлением соглашений о бойкоте импорта [из Англии], не было практически ни одного мастерового, в 1774 году они составляли уже 33 процента состава всех комитетов».

В этих комитетах и во всей своей практической деятельности рабочие ни в коей мере не проводили соглашательской линии на сотрудничество с господствующими классами, не были послушными исполнителями их политических планов. «К началу 70-х годов,— пишет Ф. Фонер,— они уже осуждали претензии богачей, которые «имели наглость утверждать, будто мастеровые — люди безответственные»... и ...не имеют права выступать от своего имени или думать о себе».

В любой буржуазной революции буржуазия, играющая роль гегемона, всемерно использует в своих интересах революционную энергию трудящихся масс, но стремится не допустить их к принятию решений, от которых зависят результаты революционной борьбы. Американская революция 1775—1783 годов не была исключением. Достаточно вспомнить, что среди тех, кто поставил подпись под Декларацией независимости, не было ни одного рабочего, ремесленника или фермера.

Активизация роли рабочего класса в революции проявлялась не только в укреплении их позиций в комитетах, решавших на местах практические задачи революционной борьбы.

В ходе революции классовый инстинкт рабочих помогал им правильно решать и стратегически важные вопро-

сы, от которых зависел ход революционной борьбы. Немало таких примеров дает и Американская революция 1775—1783 годов. Ф. Фонер, в частности, приводит интересные факты о том, что вопреки мнению имущих кругов в таких важнейших центрах революции, как Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, «Сыны свободы» в этих городах потребовали и добились созыва Континентального конгресса. «Сыны свободы» являлись настоящими штурмовыми центрами Американской революции, в которых было много рабочих, мастеровых и ремесленников. Характерно, что роль рабочих возрастала не только на Севере, но и на Юге — этом оплоте американского рабовладения и средоточии консервативных элементов Американской революции. Активизация роли рабочих вызвала страх и резко негативную реакцию со стороны имущих кругов американского общества. Характеризуя положение в городе Саванне, крупнейшем центре рабовладельческого Юга, один консервативно настроенный купец 26 декабря 1775 года писал своему другу в Англию: «Губернатор здесь, так же как и в других провинциях, — просто нуль; все вершит комитет, состоящий из брадобреев, портных, сапожников и пр., чья наглость и нахальство возмутили бы любого англичанина».

Рабочий класс Америки в годы революции сражался фактически на два фронта: против господства английских колонизаторов и против своего классового противника в лице предпринимателей, купцов, плантаторов. Демонстрируя высокую классовую сознательность, мастеровые выступили с четкой программой социального обновления американского общества. Они широко обсуждали вопрос о необходимости как достижения независимости, так и установления иной формы правления, которая предусматривала бы всеобщее право голоса для взрослого населения, ежегодные выборы, смену должностных лиц, справедливое распределение представительства, тайное голосование и всенародное избрание всех должностных лиц на местах.

Определяя расстановку классовых сил в Войне за независимость, подчеркивая, что рабочие были на крайнем левом фланге антибританской революционной коалиции, Ф. Фонер делает вывод: «Революционные мастеровые, мелкие ремесленники, рабочие и даже слуги стремились к двойной цели: к достижению независимости и к уста-

новлению более равноправного и демократического общества». Рабочий класс Америки четко представлял себе классовую суть этого демократического общества: «Они мечтали о независимой Америке, стране с подлинно республиканской формой правления, где все будут иметь возможность „получить свою справедливую долю счастья“, ради чего и стоило сражаться за независимость».

Закономерен вопрос, почему борьба рабочего класса за углубление революции, за демократизацию общественно-политической жизни американского общества и решение кардинальных социальных проблем не дала осязаемых результатов?

Ф. Фонер с полным основанием отмечает, что в борьбе за осуществление целей революции рабочие «были практически одиноки и в целом потерпели поражение». В канун революции главными центрами антиколониальной борьбы, за исключением Вирджинии, были Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия и другие крупные города, где рабочие выступали как серьезная политическая сила. Действуя через «Сынов свободы», они оказывали решающее влияние на ход событий, несмотря на то что руководство движением оставалось в руках буржуазно-плантаторского блока.

После начала военных действий борьба переместилась в районы, где большинство населения составляли фермеры, а рабочие и их организации были немногочисленны и слабы.

В годы Войны за независимость не было прочного союза между рабочими и фермерами, что являлось необходимым условием успешной борьбы за осуществление демократических задач революции.

Демократическая тенденция в развитии революции была ослаблена из-за отсутствия единства действий между неграми и белыми трудящимися.

И наконец, необходимо учитывать, что рабочим, фермерам, неграм — главной движущей силой революции — противостоял мощный классово сплоченный буржуазно-плантаторский блок, всемерно противившийся осуществлению демократических задач революции. Представители этого блока «приняли срочные меры к тому, — отмечает Ф. Фонер, — чтобы государственная власть по недосмотру не ускользнула из-под их контроля».

Анализ места и роли рабочего класса в предреволюционный период и в Войне за независимость тесно связан в книге Ф. Фонера с исследованием важнейшего вопроса американской истории — негритянской проблемы.

Колонизация европейцами Североамериканского континента началась в ту историческую эпоху, когда рабство давно уже превратилось в анахронизм. Однако, несмотря на это, Соединенные Штаты Америки, самое индустриально развитое государство капиталистического мира, прошли через длительный этап рабовладения не только в колониальный, но и в послереволюционный период своего развития.

Генезис американского капитализма во многом помогает понять изучение колониального периода американской истории и Войны за независимость. В основе этого генезиса лежало рабство — самая архаическая и исторически бесперспективная социально-экономическая и общественно-политическая система. И тем не менее в кратчайший исторический период, продолжавшийся немногим более 100 лет, Соединенные Штаты стали самой мощной индустриально развитой страной капиталистического мира.

Многие сложные проблемы генезиса американского капитализма на раннем этапе его развития связаны с системой рабовладения.

С самого начала колонизации Америки исключительно острой была проблема рабочих рук. Огромный континент был заселен очень слабо. Колонизация Северной Америки осуществлялась в условиях, при которых рабство стало экономически неизбежным. В колониях сложилась обстановка, препятствовавшая «созданию промышленной резервной армии, а вместе с нею и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов...»¹. В этих условиях проблема рабочей силы могла быть решена только «посредством принудительных мер»².

Вначале колонизаторы делали ставку на то, чтобы поработить индейцев. В некоторых колониях число рабов-индейцев было довольно значительным, и эта форма рабства в первые десятилетия колонизации сыграла определенную роль в экономическом развитии североамериканских провинций Англии.

Но вскоре колонизаторам пришлось отказаться от по-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 655.

² Там же.

пытках широкого порабощения аборигенов. Свободолюбивые, воинственные индейские племена с оружием в руках сопротивлялись белым колонизаторам, пытавшимся превратить их в рабов. Не сумев поработить коренное население Северной Америки, пришельцы из Европы встали на путь их геноцида.

Не остановились колонизаторы и перед порабощением белого населения. Рабство белых — одна из особенностей колониального периода американской истории.

Ф. Фонер пишет, что безработица, религиозные преследования, беспросветная нужда в Англии и в континентальной Европе заставляли множество бедняков подписывать контракты на «любую работу, на которой работодатель будет их использовать», на срок от пяти до семи лет. Это была «плата» за проезд в Новый Свет и обещание предоставить им свободу и земельный участок по истечении срока действия контракта. По подсчетам Ф. Фонера, не менее 50%, а возможно, до 65% всех белых иммигрантов, попавших в Америку до 1776 года, были контрактными рабочими.

В колониальный период в Новый Свет было доставлено около 50 тыс. белых каторжников. Их продавали в рабство на семь лет, а наиболее закоренелых преступников — на четырнадцать лет. Метрополия рассматривала свои североамериканские колонии как выгребную яму, куда можно было сбрасывать отбросы общества. Таким путем власти метрополии не только «очищали» Британские острова, но и получали большие прибыли в далеких заокеанских владениях.

Прибыль и уголовные преступления на всех этапах капитализма неразрывно дополняли друг друга. В частности, важным способом поставки в принудительном порядке рабочей силы в американские колонии было похищение людей. «Тысячи детей и взрослых, — пишет Ф. Фонер, — «заманивали» на борт судов, направлявшихся в Америку. Здесь их продавали как полурабов на семь лет либо, если это были дети, до достижения ими зрелого возраста».

Работник по контракту, сервент, находился фактически на положении раба. Его можно было купить, продать, обменять, подвергнуть жесточайшим телесным наказаниям. Он был лишен свободы передвижения и должен был получать от своего хозяина разрешение на брак.

Работнику, совершившему побег или другие серьезные преступления, срок контракта продлевался.

Положение белого сервента в ряде случаев было хуже, чем положение черного раба. Последний находился в полной и бессрочной собственности рабовладельца. Преждевременная смерть или увечье черного раба наносили рабовладельцу большой материальный ущерб. Сервент же был временной собственностью, и хозяин стремился выжать из него как можно больше прибыли и в возможно более короткий срок.

Современные апологеты рабовладения и расовой дискриминации оправдывают рабство негров тем, что негры, по их мнению,— люди неполноценные и порочные со дня рождения, способные к труду только в условиях жесточайшего внеэкономического принуждения. Наличие в США рабства белых — один из убедительнейших аргументов, опровергающих эти расистские теории. Капитализм в принципе «выше» расовых и национальных предрасудков. Прибыль, и только прибыль,— таков важнейший критерий, определяющий отношение буржуазии к людям различных рас, национальностей и вероисповедания. Классовый, а не расовый или национальный подход к проблемам взаимоотношений между людьми характерен для буржуазии на всех этапах развития капиталистического общества. К. Маркс подчеркивал, что много раз «политические лидеры, юристы, моралисты и теологи рабовладельческой партии старались доказать не столько правомерность рабства негров, сколько то, что цвет кожи не имеет значения для существа дела и что трудящиеся классы всюду созданы для рабства»¹.

Новый Свет, земля обетованная — много красочных наименований было дано Америке. Однако бесспорным историческим фактом является то, что с самого начала в основу социально-экономического и общественно-политического развития Америки было положено рабство распространявшееся и на черных и на белых американцев.

Сервент имел надежду со временем сбросить ярмо рабства. Негр же был обречен пожизненно находиться в оковах этой самой жесточайшей системы угнетения человека человеком. И естественно, когда началась революция, негры-рабы, самая обездоленная часть американско-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 354.

го общества, связали с ней надежду на освобождение от рабства.

Почетный председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер писал: «Объективно уничтожение рабства было одной из центральных задач революции 1776 года»¹.

По многим причинам, в первую очередь экономического характера, рабство негров получило в Америке столь широкое распространение.

Все более обострявшуюся проблему рабочих рук невозможно было решить, используя рабский труд краснокожих и белых. Возникла настоятельная экономическая необходимость найти богатый и постоянный источник пополнения рабочей силы для плантаций Америки. Именно в это время Африка превращалась, по словам К. Маркса, в «заповедное поле охоты на чернокожих»².

Африканская работорговля — одна из самых страшных страниц в кровавой истории капитализма. Сотни тысяч негров погибли в борьбе против вооруженных охотников за рабами. Огромны были жертвы в войнах, которые вели вожди африканских племен с целью захвата пленных и продажи их в рабство. Колоссальна была смертность на кораблях, перевозивших живой товар из Африки в Америку. За период работорговли Африка потеряла не менее 60 млн. человек! Эта акция геноцида обескровила и обезлюдилась Черный континент. От этого страшного удара народы Африки не смогли оправиться на протяжении всей своей последующей истории.

Плантаторы-рабовладельцы быстро убедились в неоспоримых преимуществах использования труда негров-рабов по сравнению с трудом индейцев и белых. Негры значительно лучше, чем белые, переносили влажный и жаркий климат южных провинций. А в случае даже успешного побега негру-рабу из-за черного цвета кожи было трудно скрыться от преследователей.

Рабовладельческая система хозяйства была уродливым гибридом рабства с капитализмом. В этой системе не было наемного труда — важнейшего компонента капиталистических производственных отношений. Вместе с тем рабовладельцы-плантаторы вели хозяйство на капитали-

¹ Фостер Уильям З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1966, с. 65.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 760.

стических основах. Характеризуя основу американского рабовладения, К. Маркс писал, что на «плантациях,— которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка,— существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами *капиталисты*, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему»¹.

Свое тлетворное воздействие рабовладение оказывало на все классы и слои населения Америки. Не являлся исключением и рабочий класс.

Помимо конкуренции со стороны подневольного труда негров-рабов, что ухудшало жизненные условия рабочих, важное значение имел и негативный для рабочих общественно-политический микроклимат, созданный в стране рабовладением.

Резко отрицательное воздействие рабства на рабочих объяснялось и тем, что рабовладение вело к широкому распространению расизма в самых различных слоях американского общества, в том числе и среди трудящихся масс. Укрепившиеся в США расовые предрассудки, ставшие неотъемлемой частью американского образа жизни, уходят своими корнями в глубины американской истории.

Ни одна буржуазная революция ни в одной стране никогда полностью не решила и не могла решить расовых и национальных проблем. Но трудно найти аналогичный пример в истории, когда самая передовая, самая демократическая для своего времени революция носила бы столь расистский характер, как Американская революция 1775—1783 годов.

О кричащем несоответствии лозунгов свободы и равенства, провозглашенных революцией, говорилось во многих петициях негров. В 1773 году, в год «бостонского чаепития», группа массачусетских рабов писала военным властям провинции: «Мы ожидаем великих деяний от тех, кто столь благородно сопротивлялся замыслам своих *собратьев* поработить их». Рабы требовали предоставить им свободу.

Наиболее дальновидные представители белого насе-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 329.

ния колоний видели настоятельную необходимость освобождения негров-рабов. Эбигейл Адамс, жена одного из известных деятелей Американской революции, будущего президента США Джона Адамса, писала своему мужу: «Я бы искренне хотела, чтобы в этой провинции не было ни одного раба; мне всегда казалось в высшей степени несправедливым бороться за то, что мы ежедневно отнимаем и чего лишаем тех, кто имеет такое же право на свободу, как и мы сами».

С самого начала Войны за независимость стало очевидно, что и руководители восставших колонистов, и английские колонизаторы стараются превратить войну в «семейное» дело белых, не допустить активного участия негров в вооруженной борьбе ни на той, ни на другой стороне. История Войны за независимость свидетельствует о том, что и те и другие опасались доверять неграм оружие из-за боязни, что они используют его в борьбе за свое освобождение.

Негры-солдаты героически сражались в первых боях во время Войны за независимость, тем не менее руководители революции выступили против их использования в американской армии.

Главкомандующий вооруженными силами колонистов Джордж Вашингтон, сам крупный рабовладелец, в 1775 году в одном из своих первых приказов предписывал не принимать в армию «никаких проходимцев, негров и бродяг». Спустя несколько месяцев Континентальный конгресс придал этому предписанию законодательный характер. Ф. Фонер с полным основанием делает в своей книге вывод, что лидеры Американской революции «очень опасались», что вооруженные рабы могли объединиться со своими братьями — зависимыми рабочими и подняться на восстание.

Потерпев ряд серьезных поражений, лидеры революции, несмотря на сопротивление плантаторов-рабовладельцев, вынуждены были согласиться на ограниченное участие негров в военных действиях против англичан.

Важнейшим событием революции явилось принятие 4 июля 1776 года 2-м Континентальным конгрессом Декларации независимости. Декларация, составленная известным лидером Американской революции Томасом Джефферсоном, провозглашала отделение от Великобритании 13 восставших североамериканских колоний. Для своего

времени это был исключительно важный революционный документ, впервые формально провозглашавший суверенитет народа и основы буржуазно-демократических свобод.

В проекте Декларации независимости рабство резко осуждалось, но, по настойчивому требованию рабовладельцев, раздел, где говорилось об этом, был изъят из Декларации.

«Так родилось,— пишет Ф. Фонер,— новое государство с республиканской формой правления, провозгласившее свободу для всех и в то же время державшее в рабстве полмиллиона мужчин, женщин и детей — каждого шестого американца,— потому что у них был черный цвет кожи».

Рабовладельцы, являвшиеся составной частью революционной коалиции, с поразительным цинизмом относились к неграм. Например, в Южной Каролине и в Джорджии часть жалованья чиновникам выплачивалась рабами. Столь чудовищного кощунства нельзя встретить в анналах истории: за службу революции в Америке платили рабами!

Длительная война, поражения республиканцев на фронтах, настойчивые попытки англичан использовать негров в боях против американцев — все это заставляло лидеров революции рассмотреть вопрос о широком призыве негров в республиканскую армию. Получив это право, черные американцы героически сражались против колонизаторов. Они верили, что победа революции приведет к уничтожению рабства.

Около 5 тысяч негров сражались в регулярных войсках американской армии, насчитывавшей не более 25—30 тысяч человек. Много негров оказывали неоценимую помощь республике, участвуя в военных действиях партизанских отрядов, выполняя задания командования США в качестве разведчиков и проводников.

Что же дала неграм-рабам Американская революция? Ф. Фонер пишет: «Хотя система рабского труда была окончательно уничтожена в ходе кровавой Гражданской войны почти 100 лет спустя, Война за независимость все же обеспечила некоторые завоевания и черному населению».

Однако эти завоевания не следует переоценивать. Только немногие рабы, сражавшиеся с оружием в руках

в Войне за независимость, получили свободу. На Севере рабство было уничтожено, но это объяснялось чисто экономическими причинами: оно было нерентабельно на Севере, не только не приносило прибыли, но даже не окупалось. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но самая демократическая для своего времени буржуазная революция не только не уничтожила рабство как систему хозяйства, но создала все необходимые экономические и политические предпосылки для его бурного развития.

Война за независимость была не только антиколониальной революцией, цель которой заключалась в уничтожении колониального господства Великобритании. Одновременно это была и социальная революция, в ходе которой различные классы и слои населения боролись за свои классовые интересы. Антианглийский блок объединял американцев самой различной классовой и политической ориентации — от черных рабов и белых рабочих до плантаторов-рабовладельцев и буржуазии.

Социально-классовые цели в революции представителей различных классов американского общества были не только различны, но и прямо противоположны. Негры-рабы надеялись на то, что революция разобьет оковы рабства. Свободные негры сражались за освобождение из рабства своих черных братьев и за равные с белыми американцами права. Рабочие, ремесленники, фермеры видели в революции возможность для улучшения своего материального положения и демократизации общественно-политической жизни страны.

Буржуазия и плантаторы-рабовладельцы на всех этапах Войны за независимость выступали против углубления социальных аспектов революции. Их главная цель заключалась в том, чтобы захватить всю полноту власти во вновь созданном государстве и использовать ее в своих классовых интересах. Однако, несмотря на то что цели и интересы американцев, участвовавших в Войне за независимость, были самые различные, их объединяло в этой революционной войне стремление к свободе, независимости и упрочению государственной независимости Соединенных Штатов Америки.

Ни одно крупное социальное движение, тем более революция, не может быть правильно понято и оценено без всестороннего классового анализа сил, участвующих в этом движении. Ф. Фонер часто оперирует терминами

«толпа», «народ». Чтобы правильно оценить классовое содержание этих понятий, следует помнить, что, употребляя слово: «народ», Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию»¹.

Рабочие, фермеры, негры — именно эти социальные силы были способны «довести до конца» Американскую революцию. Но реальное соотношение классовых сил не позволило трудящимся массам выполнить эту задачу. Американская революция 1775—1783 годов имела незавершенный характер. В частности, это нашло свое выражение в сохранении рабства и в том, что не были осуществлены важные общедемократические задачи революции. Это необходимо иметь в виду, когда речь идет о том, что дала эта революция рабочему классу страны, американскому народу. Ф. Фонер с полным основанием подчеркивает, что революция привела к усилению классового сознания рабочих, что само американское рабочее движение фактически возникло в годы Войны за независимость. Действительно, в годы революции американский рабочий класс впервые выступил в качестве независимой политической силы, научился отстаивать свое право на активное участие в решении национальных вопросов. «Американская революция коренным образом изменила будущее американского рабочего класса,— пишет Ф. Фонер.— В непрекращающейся борьбе американских рабочих за установление более справедливого социального порядка она явилась важной вехой».

Война за независимость в Северной Америке была великой буржуазной революцией, оказавшей большое влияние на революционное движение не только в Америке, но и в Европе. К. Маркс отмечал, что в ходе развития Американской революции «возникла впервые... идея единой великой демократической республики... была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века»².

Война североамериканских колоний Англии за независимость получила поддержку со стороны прогрессивных сил всего мира. В американской армии сражалось 7 тыс. добровольцев из стран Европы. Среди них был маркиз Ла-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 124.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17.

файет, генерал американской армии и известный в будущем деятель Великой французской революции. В революционной американской армии сражались будущий социалист-утопист А. Сен-Симон, руководитель польского восстания 1794 года Т. Костюшко и многие другие прогрессивные деятели.

Революционный характер Войны за независимость подчеркивал В. И. Ленин. «История новейшей, цивилизованной Америки,— писал он,— открывается одной из ...великих, действительно освободительных, действительно революционных войн»¹. Вместе с тем в трудах классиков марксизма-ленинизма, в работах многих прогрессивных современников Американской революции подчеркивалась ограниченность этой революции, ее незавершенность.

В истории капиталистической общественно-экономической формации наблюдается характерная закономерность: каждая великая буржуазная революция порождает бурный взрыв экспансионизма. Буржуазии, одержавшей победу в революции, становится тесно в национальных рамках, она стремится использовать революционный потенциал масс для захвата новых территорий.

Великая французская революция завершилась серией многолетних кровавых войн, которые потрясли Европу.

Соединенные Штаты, возникшие в ходе Американской революции 1775—1783 годов, путем внешней экспансии значительно увеличили свою первоначальную территорию. И не является исторической случайностью тот факт, что США развязали первую в мире империалистическую войну — испано-американскую войну 1898 года.

Великая американская революция завершилась возникновением республики, которая за 200 лет своего существования проделала путь от вершин буржуазной демократии до главного оплота борьбы с международным революционным движением. Известный американский историк Генри С. Коммаджер в 1976 году, когда отмечалось 200-летие США, с полным основанием заявил: «За 200 лет существования Соединенных Штатов Америки мы столь резко эволюционировали вправо, что за 30 лет, прошедших после окончания второй мировой войны, мы выступили против всех революций, которые произошли в мире».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.

Характерная историческая закономерность! Правильному пониманию ее причин во многом помогает интересная книга Филипа Фонера.

Написанная на основе тщательного изучения автором широкого круга оригинальных источников, в том числе архивных документов, периодической печати и эпистолярного наследия американских политических и общественных деятелей периода Войны за независимость, она, несомненно, будет встречена с большим интересом советскими читателями.

Р. Иванов

Наши предки, мастеровые и рабочие, заложили в 1776 году фундамент нашей нации; пусть же сегодняшние рабочие и рабочие в будущем завершат ее создание, и пусть она будет столь же незыблемой, как и фундамент, на который она опирается.

*Тост, произнесенный на праздновании мастеровыми и рабочими
Дня 4 июля 1831 года*

*(«Нью-Йорк дейли сентинел», 8 июля
1831 года)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своем выступлении 4 июля 1835 года на собрании Бостонской библиотечной ассоциации учеников мастеровых Генри Сивер сказал:

Память об этой великой борьбе, Американской революции, связана со множеством приятных мыслей не только из-за вызванных ею политических перемен, но и потому, что именно мастеровые нашего родного города первыми зажгли огонь, который охватил после 1776 года весь Запад ярким пламенем славы, отсветы которого доходят до самых далеких уголков земли. Именно мастеровые Бостона первыми стали баюкать младенца в колыбели свободы и первыми подтолкнули мяч революции. Именно эти люди со стойкими сердцами и мускулистыми руками, — «люди, которые знали свои права и дерзнули защищать их», первыми выступили как друзья и защитники свободы¹.

Однако в вышедшей в 1877 году книге объемом около 900 страниц, в которой были опубликованы выступления по случаю столетней годовщины американской независимости, только один раз упоминается о том, что колониальные рабочие — мастеровые, ремесленники, подмастерья, рабочие, поденщики и матросы — сыграли важнейшую роль как в движении сопротивления британской тирании, так и в завоевании американской независимости. Это единственное упоминание было сделано преподавателем-негром Говардского университета профессором Джоном М. Лэнгстоном в его выступлении по случаю празднования Дня независимости в Портсмуте (штат Виргиния). Лэнгстон призывал американцев, праздновавших столетнюю годовщину Декларации независимости, не забывать о «храбром и мужественном Криспсе Аттоксе, отдавшем свою жизнь... на священной земле Массачусетса за то, чтобы независимость, которую мы ныне празднуем, стала возможной»². Беглый раб Криспас Аттокс

был матросом и портовым грузчиком, вместе с четырьмя белыми рабочими он был убит британскими солдатами во время «бостонской бойни» 5 марта 1770 года.

Роль рабочего класса в Американской революции и в завоевании независимости долго игнорировали еще и в XX веке. В докладе, прочитанном в декабре 1940 года на собрании Американской исторической ассоциации, Герберт М. Морэ с сожалением отметил:

Хотя ремесленники и рабочие колониального периода сослужили немалую службу в ходе Американской революции, их деятельность в значительной мере игнорировали, а если и освещали, то недостаточно. Историки и поэты, создававшие нашу революционную сагу, в большинстве случаев умалчивали о том вкладе, который те внесли, и не воспевали их. Их история, подобно кратким и простым летописям бедняков, была погребена на свалке Истории³.

С тех пор как были произнесены эти слова, появился целый поток статей, монографий и академических диссертаций, в которых рассматриваются различные аспекты этой забытой истории⁴. Большинство этих исследований ограничиваются рамками того или иного конкретного района, а мнения самих ученых зачастую расходятся по важнейшим затронутым в них проблемам. Эти труды не оказали большого влияния ни на авторов обычных учебников, ни на ученых, исследовавших интеллектуальные аспекты того периода, — таких, как Даниель Бурстин, Бернард Бэйлин и Роберт Браун, которые утверждают, что Американская революция была по своей сути консервативной и ставила целью не свержение или даже изменение существующего социального строя, а лишь сохранение издавна существовавших в стране свобод. По утверждению Бурстина, Американская революция не была настоящей революцией, а лишь актом отделения от старой Британской империи⁵. Тем не менее эти диссертации, статьи и монографии положили начало анализу истории Американской революции «снизу доверху», необходимость в котором уже давно назрела.

Настоящий труд представляет собой попытку изложить в одном томе, охватывающем положение в крупнейших городских центрах, историю, которая, как надеялся

покойный д-р Морэ, должна быть когда-то рассказана. Двухсотлетие Американской революции — удобный момент, чтобы сделать это.

Во время моей работы над этой книгой мне оказывали щедрую помощь, сотрудничая со мной, работники библиотеки конгресса, Нью-Йоркской публичной библиотеки, Нью-Йоркского исторического общества, Американского философского общества, Исторического общества Пенсильвании, Библиотечной компании Филадельфии, Бостонской публичной библиотеки, библиотек Йельского, Колумбийского и Гарвардского университетов, библиотеки Бэнкрофта, Калифорнийского университета, библиотеки Генри Э. Хантингтона, библиотеки Джона Картера Брауна при Браунском университете, Исторических обществ штатов Род-Айленд, Коннектикут, Массачусетс, библиотек Висконсинского и Чикагского университетов, Исторического общества штатов Нью-Джерси и Мэриленд, Чарлстонского исторического общества, библиотеки университета штата Южная Каролина, Публичного архива Новой Шотландии (Галифакс), библиотеки Фармингтонского отделения Мэнского университета, библиотеки института Тэмимента Нью-Йоркского университета и Мемориальной библиотеки Лэнгстона Хьюза при Линкольнском университете (штат Пенсильвания). Я имел также возможность обсудить важные проблемы, связанные с этой темой, с профессором Майклом Кэем из Толедского университета, профессором Альфредом Ф. Янгом из университета северо-западного Иллинойса, профессором Джоном А. Александером из университета Цинциннати и профессором Эриком Фонером из Нью-Йоркского городского колледжа. Мой брат, Генри Фонер, прочитал всю книгу в рукописи и сделал по ней ценные замечания. Пользуясь случаем, я благодарю все упомянутые организации и отдельных лиц.

Филип С. Фонер

Линкольнский университет,
штат Пенсильвания,
июль 1976 года

1. КОЛОНИАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

В период, предшествовавший Американской революции, все тринадцать колоний были в основном аграрными и большинство их населения сосредоточивалось в сельских районах. В городах жило лишь около 10% населения. Самым населенным городом была Филадельфия: накануне революции в ней насчитывалось около 40 тыс. жителей. За ней следовали Нью-Йорк с населением от 25 тыс. до 35 тыс. жителей, Бостон — с 20 тыс. жителей и Нью-порт — с 12 тыс. жителей. На юге в колониальный период значительное развитие получил только один город — Чарлстон (штат Южная Каролина).

Среди колониальных рабочих, живших в этих городах, находились как свободные рабочие (ремесленники, мастера, поденные рабочие, ученики, матросы, портовые и неквалифицированные рабочие), так и несвободные (работавшие по контракту работники и рабы). По данным Карла Брайденбо, около половины населения революционного Чарлстона и две трети населения Бостона, Нью-порта, Нью-Йорка и Филадельфии принадлежали к мастерам. Собранные Бенджамином Лэйбери сведения по городу Ньюберипорту (штат Массачусетс), где в 1773 году свыше 50% взрослых мужчин были ремесленниками и рабочими, подтверждают, что и в маленьких городах мастера также составляли большинство населения¹.

Число ремесленников и мастеровых возрастало за счет иммигрантов, совершивших переезд в Америку за свои деньги, и законтрактованных слуг, которые отработали плату за свой проезд и уже отслужили указанный в договоре срок. Многие из них были бродячие ремесленники, они странствовали из поселка в поселок, изготавливая обувь, мебель, мыло и свечи, подковывая лошадей и выполняя другие работы. Однако типичные ремесленники работали в маленьких мастерских в городах и поселках (зачастую в своем собственном доме) с одним или двумя поденными рабочими, учениками, законтрактованными слугами, а в некоторых случаях даже с рабами; случалось, что и

независимые ремесленники, имевшие собственные инструменты, работали по найму.

Некоторые ремесленники работали на рынок, учитывая спрос на свои изделия, а кое-кто даже вел экспортную торговлю. Большинство, особенно те, кто занимался швейным ремеслом, работали по заказам. Они сами приходили к заказчикам, чтобы снять с них мерки или вручить готовые изделия.

Историки не смогли прийти к единому мнению о том, какой термин следует применять для обозначения городского кустаря, мастерового или ремесленника, как их тогда называли. Некоторые ограничивались термином «ремесленник, работающий на себя», утверждая, что «революционные мастеровые» были в большинстве случаев мелкими коммерсантами или предпринимателями, а не зависимыми рабочими — короче говоря, они ни в коем случае не принадлежали к колониальному рабочему классу². Кое-кто вообще отрицал существование рабочих в колониальной Америке и слова «трудящиеся» и «рабочие» употреблял в кавычках. Другие применяли эти термины в отношении не только квалифицированных рабочих, но и всех групп, стоявших по своему положению ниже купцов и адвокатов, а кое-кто применял их ко всем городским трудящимся, от мастеров-ремесленников до наемных поденщиков и рабочих, учеников и законтрактованных слуг. В недавно опубликованной работе о положении рабочего класса в колониальном Массачусетсе Мэри Ройс Бэйкер заявляет: «В соответствии с употребляемым здесь определением понятие «рабочий класс» охватывает всех мастеров-ремесленников Массачусетса». Автор указывает, что эти ремесленники никогда «не становились капиталистами» и что «все «мастера» Массачусетса» назывались «рабочими» или «получали плату за свой труд»³.

Ясно, что термины «ремесленник» и «мастеровой» могут применяться в отношении различных групп. Мы знаем, что современники называли мастеровым любого, кто работал в основном руками⁴. Мы знаем также, что мастера-ремесленники и поденные рабочие, которые обладали известной квалификацией, располагали собственными инструментами и проходили ученический стаж, явно отличались от купцов и лиц, имевших ту или иную специальность, которые находились выше их по положению, и от неквалифицированных рабочих, стоявших ниже их.

Далее, их современники проводили четкую грань между различными слоями трудящихся; об этом свидетельствуют такие общепринятые в то время выражения, как «мастеровые, чернорабочие и возчики», «состоятельные мастеровые» и «мастеровые низшего класса»⁵.

Как мы уже отмечали, типичный ремесленник работал в маленькой мастерской с одним-двумя поденщиками, подмастерьями и законтрактованными работниками. Он был независимым ремесленником; так, например, кирпичник имел собственные инструменты, но получал заработную плату. Существовали также мастера-ремесленники — например, Поль Ривер, который, помимо того, что он был занят квалифицированной и доходной работой по изготовлению металлических изделий, владел коммерческим предприятием и использовал наемных рабочих⁶. Мастеровые, находившиеся в менее благоприятном положении, не владели инструментами или средствами, необходимыми, чтобы открыть собственное предприятие, и поэтому нанимались в качестве рабочих⁷.

Сколько же мастеровых и ремесленников были владельцами мастерских и сколько — наемными рабочими? К сожалению, опубликованные данные по различным отраслям производства в колониальной Америке недостаточно полны, чтобы дать ясный ответ на этот вопрос. Кроме того, ответ зависит от того, какой будет принят критерий. Один историк характеризует чарлстонского мастерового революционной эпохи как ремесленника, применяющего труд «целой группы учеников, поденщиков и рабов»⁸. Другой описывает нью-йоркского мастерового как «ремесленника, работающего не по найму, мелкого торговца или квалифицированного (или неквалифицированного) наемного рабочего». Оценивая с этой точки зрения положение, существовавшее в городах накануне революции, он отмечает, что 75% всей этой группы составляли, вероятно, простые рабочие и матросы⁹.

Частично ключ к решению этого вопроса дают состоявшиеся в Филадельфии и Нью-Йорке процессии по случаю ратификации конституции, выработанной в 1787 году. По официальным данным, в Филадельфии в этих процессиях участвовали представители двух профессий, причем мастеров — владельцев мастерских учитывали отдельно от других рабочих: 16 мастеров-краснодеревцев шли со 100 «учениками и поденщиками», а 10 мастеровых-

кирпичников шли со 100 «рабочими»¹⁰. Судя по опубликованному списку мастеровых, участвовавших в нью-йоркском параде, около трети из них были мастерами, еще одна треть — поденщиками и остальная треть — учениками. Шестнадцать человек, участвовавших в процессии краснодеревцев, были мастерами, 120 — поденщиками и 30 — учениками; из бондарей в процессии участвовали 128 мастеров-рабочих и поденщиков и 55 учеников¹¹.

Эти цифры свидетельствуют о том, что большинство тех, кого называли «ремесленниками» и «мастеровыми», были рабочими, а не предпринимателями. Поэтому в данной работе мы будем пользоваться современной терминологией, употребляя слова «рабочий класс» и «рабочие» по отношению к ремесленникам и мастеровым независимо от того, идет ли речь о мастерах, владевших мастерскими, где они производили или продавали свои товары, или о тех, кто, имея собственные инструменты, работал по найму. Мы будем поступать так, имея в виду эпоху до промышленной революции, поскольку, как это станет ясно в дальнейшем, хотя после промышленной революции в классах рабочих и предпринимателей произошли глубокие перемены, основные проблемы и экономические задачи американских трудящихся веками оставались неизменными и в немалой мере преемственными.

Хотя термин «ремесленник» в том значении, в каком он употребляется здесь, включает в себя как мастера-ремесленника, имевшего собственную мастерскую, так и ремесленника-мастерового и поденщика, работавшего по найму, не следует забывать, что грань, разделявшая их, была очень тонка. Даже мастер-ремесленник жил в нужде — он занимал деньги на короткий срок и в случае снижения спроса на его товары легко мог очутиться в долговой тюрьме¹². К тому же революционный период с 1765 по 1776 год был фактически периодом не спада, а депрессии. Понятно поэтому, как указывает Ричард Б. Моррис, что по мере развития революционного процесса термин «мастеровые» приобретал «более четкий пролетарский характер»¹³. В важном труде Морриса «Правительство и рабочий класс в ранней Америке» термин «рабочий класс» относится к мастеровым, поденщикам и рабочим.

«Даже в крупных городках многие, пожалуй большинство, мастеровые работали не по найму», — писал в

1916 году Виктор С. Кларк¹⁴. Однако позднейшие исследования свидетельствуют о наличии более многочисленного класса наемных рабочих, чем нам пытается внушить в своей работе Кларк. Безусловно, преобладающим способом производства в колониальных городках было производство внутри мелкой мастерской, и в колониальной Америке не существовало ни фабрик, ни коммерческих корпораций. Тем не менее даже в мелких мастерских мастер имел от одного до четырех поденщиков и учеников¹⁵. Немало было и более крупных предприятий. Так, для мастерской печатника требовались значительные капиталовложения и довольно большое число работников. Нью-Йоркский печатник Ривингтон имел 16 наемных рабочих. На судовой верфи и в канатных мастерских работало не менее 5, а иногда и до 12 наемных рабочих. Пивоварни, мастерские по производству мыла и свечей, кожевенные и шляпные мастерские (несмотря на ограничения, налагавшиеся на них британским правительством) также были солидными, крупными предприятиями¹⁶.

Независимо от своих размеров мелкие мастерские допромышленной эпохи, существовавшие почти во всех отраслях производства, нуждались в квалифицированных рабочих и требовали от каждого рабочего умения владеть всеми или почти всеми тонкостями своего ремесла. Не все такие рабочие были свободны. Накануне Американской революции значительную часть колониального рабочего класса составляли черные рабы и белые законтрактованные работники. Подсчитано, что 80% всех иммигрантов, прибывших в колонию (добровольно или в цепях), составляли белые законтрактованные слуги или чернокожие рабы.

Стремясь избежать царивших в Англии и на континенте безработицы, религиозных войн и беспросветной нужды, множество бедняков подписывали контракты на «любую работу, на которой работодатель будет их использовать», на срок от пяти до семи лет в обмен на оплату проезда в Новый Свет и обещание предоставить им свободу и земельный участок по истечении срока действия их контракта. Не менее 50%, а возможно, даже до 65% всех белых иммигрантов, прибывших в Америку до 1776 года, были законтрактованными рабочими.

В колониальный период в Новый Свет было доставлено около 50 тыс. белых каторжников. Их продавали в

рабство сроком на семь лет, а наиболее закоренелых преступников — на четырнадцать лет. Многие из каторжников были приговорены к тюремному заключению за неуплату мелких долгов. Англия считала для себя экономически и морально выгодным использовать свои колонии как место ссылки нежелательных элементов из своих переполненных тюрем.

Другим способом поставки в принудительном порядке рабочих колониальным предпринимателям являлось похищение людей. Тысячи детей и взрослых «заманивали» на борт судов, направлявшихся в Америку. Здесь их продавали как полурабов на семь лет либо, если это были дети, до достижения ими зрелого возраста¹⁷.

Большинство законтрактованных рабочих не имели никакой профессии, но довольно значительное меньшинство изучали ремесла в Европе. Поэтому некоторые иммигранты владели различными ремеслами: среди них были плотники, портные, каменщики, кузнецы, мельники, бондари, ткачи, серебряных дел мастера и мясники. Колониальные мастера-ремесленники зачастую покупали их для работы в своих мастерских¹⁸. Объявление в издававшейся в Филадельфии газете «Пенсильвания ивнинг пост» от 29 апреля 1775 года гласило:

Только что прибыла из Бристоля на судне «Энн» (капитан Фортин) группа работников, здоровых мужчин и женщин, сроки работы которых будут определены фирмой «Уильям Фостер, эсквайр, и сын» или капитаном на борту судна на пристани Арч-стрит.

Работники мужского пола, в основном ремесленники — чесальщики шерсти, шорники, ткачи, меднолитейщики, чулочники, столяры, жестянщики, обойщики, рабочие по изготовлению хомутов, цирюльники, рессорщики, резчики слоновой кости, штукатуры, сапожники, кузнецы, суконщики, полировщики и т. п. А также фермеры, кучера, лесорубы, лакеи, чернорабочие и грузчики.

В некоторых колониях важным источником рабочей силы были законтрактованные работники, но ввиду ограниченного срока их кабалы они не могли удовлетворять растущий спрос на рабочую силу, и поэтому колонисты все шире применяли рабский труд. Негров легче было

вынуждать к пожизненному рабству, чем белых, а попав в рабство, им уже трудно было бежать от своих хозяев и смешаться с другими людьми в чуждом для них окружении. Еще важнее было то, что расистская идеология порабощения помогала оправдывать рабство негров. Черный цвет кожи ассоциировали с пороком и неполноценностью. Про негров говорили, что судьба «проклятием Хама» предназначила им быть рабами. Их изображали как дикарей, «неверных», с варварского, Черного континента, не затронутого цивилизацией, и их порабощение рассматривали как улучшение их жизни.

В первое время численность черных рабов в колониях возрастала медленно, но с расширением размеров плантаций риса, табака и индиго она стала увеличиваться быстрее. К 1770 году в колониях было уже около полутора миллиона черных рабов — примерно 20% всего населения колоний¹⁹.

Некоторые африканцы, привезенные в Америку в цепях, были квалифицированными деревообделочниками, ткачами, строителями, имели и другие специальности. На Юге черные рабы были не только сельскохозяйственными батраками: многие из них овладели рядом ремесел, необходимых на плантациях, которые почти полностью обеспечивали все свои нужды. Поскольку на квалифицированных рабочих любого цвета кожи был большой спрос, рабов часто отдавали внаем за определенную сумму мастерам, владевшим собственными мастерскими, помесячно, на месяц или на год. Некоторых рабов отдавали внаем капитанам-судовладельцам для работы лоцманами или паромщиками. Иногда рабов использовали и в морском деле как конопатчиков, портовых грузчиков и изготовителей парусов. Многие рабы в северных городах работали в качестве домашней прислуги, а также матросами, изготовителями парусов и плотниками. В Нью-Йорке процент квалифицированных рабов — бондарей, портных, пекарей, дубильщиков, ювелиров, судовых плотников, табачников, конопатчиков, мебельщиков, сапожников и стекольщиков — был выше, чем в любой другой колонии. Как в Чарлстоне, так и в северных городах многие ремесленники широко применяли рабский труд. Им было выгоднее покупать черных рабов, которых они могли держать на работе в своих мастерских всю жизнь, чем

тратить средства на законтрагованных работников, которых через семь лет приходилось освобождать²⁰.

Потребности колоний в квалифицированной рабочей силе частично удовлетворялись благодаря системе ученичества. Эта система обеспечивала обучение, жилище, одежду и питание для детей, которых отдавали в кабалу либо их родители, либо попечители по призрению бедных — чиновники, назначавшиеся для наблюдения за нуждающимися. В Бостоне попечители по призрению бедных отдали в 1756 году семилетнего мальчика в обучение печатнику и книготорговцу до достижения им 21 года. Однако обычно ученичество длилось только семь лет, а накануне революции стали практиковаться сроки до пяти лет. Подписывая контракт на обучение, мастер обычно брал на себя обязательство кормить и одевать ученика, а также предоставлять ему жилье; научить его читать, писать и считать; использовать его у себя на работе и обучить его всем ее «секретам». Ученик в свою очередь обещал повиноваться законным приказаниям своего хозяина, держать в тайне его секреты, отлучаться только с разрешения хозяина и вести себя так, как «надлежит вести себя хорошему и верному ученику». Если хозяин отказывался выполнять заключенное им соглашение, родители ученика могли подать в суд и добиться освобождения своего сына от дальнейшего обучения. Положение учеников, отданных в обучение попечителями по призрению бедных, было менее благоприятным, поскольку попечители редко вмешивались в дела их хозяев.

По истечении срока обучения ученик получал то, что ему «причиталось при освобождении». Если это был матрос, он получал новый комплект одежды, рубашки и такое необходимое моряку снаряжение, как квадрант, измерительная рейка, компас и календарь. В большинстве случаев в то, что ему «причиталось при освобождении», не входили ни уплата наличными, ни инструменты. Как отмечает Лоуренс У. Таунер, без причитавшихся ему наличных денег или инструментов бедного ученика, закончившего обучение, ожидали, скорее всего, долгие годы поденщины. У бедных молодых женщин, которых готовили в основном к работе в качестве домашней прислуги и редко учили какому-либо ремеслу, по окончании срока ученичества имелись в перспективе только две воз-

можности: продолжать работать по найму домашней прислугой или выйти замуж. В последнем случае выбор мужа был для них ограничен, ибо они не имели приданого ²¹.

Люди, заключавшие договор с хозяином, работали на него 7 дней в неделю по 24 часа в сутки. Они, как и рабы-негры, не имели никакого личного имущества, за исключением тех вещей, которые получали от хозяина. За побеги и неподчинение их сурово наказывали, хотя и не столь жестоко, как рабов, которых можно было убивать и которых зачастую кастрировали. Нередко можно было услышать о бесчеловечной жестокости предпринимателей по отношению к белым слугам. Но все же белые слуги, не в пример рабам, имели личное право на жизнь, а по контракту — и право на минимальный уровень жизни. Они могли обратиться в суд, добиваясь соблюдения этих прав, и суды удовлетворяли их требования, вплоть до того, что даже принимали постановления о немедленном освобождении такого слуги. Рабы же только в Массачусетсе имели право подать в суд на своего хозяина, но и это их право подчас было номинальным.

И законтрактованные слуги, и рабы убегали от своих хозяев, иногда даже бежали вместе. Рабу из-за цвета его кожи было труднее спрятаться, и поэтому многие беглые рабы бежали в порты, где могли подписать контракт и наняться матросом на корабль. Они использовали и другие возможности выступить против своей зависимости. Некоторые из них умышленно портили инструменты, калечили рабочих лошадей и мулов, отравляли колодцы. Другие совершали кражи, поджигали амбары или различными другими способами разрушали зернохранилища. Случалось, что рабы убивали своих хозяев и надсмотрщиков.

В 1712 году восставшие рабы в Нью-Йорке поджигали здания и убивали белых, пытавшихся тушить пожары. Большинство восставших были убиты, а те, кто остался в живых, для устрашения других были казнены самым жестоким образом. В 1739 году в районе Стоно-Ривер в Южной Каролине один из рабов, объединив свыше ста своих собратьев, предпринял попытку уйти в испанскую колонию Флориду, губернатор которой обещал свободу всем беглым рабам. Лишь немногие из

рабов добрались до Флориды, но это их выступление вызвало панику среди белых. Путешественники, побывавшие в то время на Юге, отмечали, что «каждый белый — солдат», а «каждый город — военный лагерь»²².

Во всех колониальных городах насчитывались тысячи рабочих. В число свободных наемных рабочих входили ремесленники, мастера, поденщики, портовые рабочие и торговые моряки, причем последние две категории составляли в колониях крупнейшую группу наемных рабочих. Однако до самого кануна Войны за независимость большой процент рабочей силы в городах составляли не свободные рабочие — рабы, законтрактованные слуги и ученики. Так, установлено, что в 1775 году в Филадельфии рабов, учеников и законтрактованных работников было столько же, сколько свободных наемных рабочих и поденщиков: 800—900 законтрактованных слуг, 600—700 рабов и 1500—2000 учеников мужского пола²³.

* *
*
* *

Целью свободных квалифицированных рабочих было добиться «независимости» — стать мастером-ремесленником. До 60-х годов XVIII века достичь этого было нетрудно. Масштабы деятельности ремесленников были не столь велики и открывали «новичку» доступ в ту или иную область ремесла без всякой конкуренции. Чтобы открыть собственную мастерскую, квалифицированному рабочему требовался лишь небольшой капитал, поэтому при благоприятных условиях число мелких предприятий быстро возрастало²⁴.

Из-за примитивного уровня американской экономики большинству ремесленников трудно было накопить значительное состояние. Рынок сбыта их продукции в городе был крайне ограничен, так как многие сельские жители сами производили необходимые им изделия, а потребности многих других американцев удовлетворяли товары, ввозимые из Англии. Недостаток денежных средств, высокие процентные ставки и изобилие дешевой земли, которое привлекало городских жителей в сельские районы, еще больше препятствовали развитию промышленного производства. В условиях отсталой техники, ограниченно-

го рынка сбыта и зачастую полного отсутствия кредитов у ремесленников было очень мало шансов приобрести состояние.

Каждый ремесленник стремился открыть собственную мастерскую, где бы он мог продавать свои товары, но в 1765 году во многих колониях началась глубокая депрессия, которая замедлила коммерческую деятельность и обрекла многих людей на безработицу и долги. Депрессия длилась 20 лет; в Бостоне, где депрессия началась в 1734 году, она продолжалась еще дольше. В результате многие ремесленники снова превратились в наемных рабочих, хотя они и полагали, что избавились от этого навсегда, став «независимыми»²⁵.

Но даже в условиях депрессии положение мастеровых в колониальной Америке было лучше, чем в Европе. В журнале «Крайзис» (№ 10) Томас Пейн писал, что «доход простого рабочего, который отличается трудолюбием, равен доходу большинства ремесленников в Англии». Позднее Бенджамин Франклин отмечал, что в 80-х годах XVIII века все американские рабочие «требуют и получают заработную плату гораздо более высокую, чем они получали бы в любой другой части света». По мнению одного из исследователей этой проблемы, «колониальный рабочий имел реальную заработную плату, которая на 30—100% превышала заработок английских рабочих того времени»²⁶.

Несмотря на все эти «свидетельства», мы можем лишь строить догадки по поводу фактических заработков рабочих в XVIII веке, ибо не располагаем достоверными статистическими данными о шкале заработной платы. Однако нам известно, что жизнь колониальных рабочих отнюдь не напоминала «молочную реку с кисельными берегами». В заметке, опубликованной в «Сауз Каролина газет» 2 февраля 1765 года, один чарлстонский мастерской, работавший по найму, заявлял: «Не подлежит сомнению, что трудолюбивый человек, который зарабатывает не более 30—40 шиллингов в день (а такой заработок получают очень немногие), не имеет никакой возможности оплачивать квартиру, одевать и кормить семью и выделять из своего скудного заработка пять фунтов в уплату за корд дров». В 1775 году на содержание семьи в Бостоне требовалось около 60 ф. ст. в год: 30 ф. ст. на питание, 10 ф. ст. на плату за квартиру,

12 ф. ст. на одежду (в случае, если жена сама все шила, за исключением шляп, обуви, верхней и праздничной одежды) и 5 ф. ст. на учение; все остальное поглощали расходы на покупку дров, уплату налогов, лечение у врача и т. п. Ремесленник едва сводил концы с концами. Если он, имея среднюю квалификацию, нанимался на поденную работу, то зарабатывал около 15—20 ф. ст. в год—сумму, едва достаточную для здорового холостого человека, но весьма недостаточную для того, чтобы содержать семью²⁷.

Безусловно, некоторые рабочие могли дополнять свои доходы за счет натурального хозяйства. Кроме того, заключенный с рабочим договор зачастую предусматривал предоставление ему ежедневного или еженедельного количества мяса и напитков, а также обеспечение его жильем, что, несомненно, повышало «реальную» заработную плату рабочего. Тем не менее жизнь большинства колониальных рабочих была исключительно тяжелой. Их рабочий день длился обычно от зари до зари, и даже если рабочим и предоставлялось какое-то время, чтобы поесть, даже выпить и поспать, все равно их рабочий день был очень длинным²⁸.

Высокие цены и нехватка продовольствия еще больше ухудшали положение рабочих. В петиции, поданной в ассамблею Южной Каролины, говорилось, что рабочим «крайне трудно жить из-за нехватки продовольствия и денег». В периоды безработицы колониальный рабочий часто не мог спасти своих детей от голодной смерти, а себя самого — от долговой тюрьмы. В 1737 году вице-губернатор Нью-Йорка отмечал, что многие рабочие в колонии «обречены на нищету из-за отсутствия работы». Еще более серьезные проблемы стояли перед рабочими в течение полутора десятков лет, предшествовавших Американской революции. Переход от процветания к нищете начался после англо-французской войны за Индию в 1763 году. Прекращение военных действий означало конец деятельности некоторых отраслей, производивших оружие, а также каперства. Тысячи людей, получавших деньги от капитанов сотен судов, внезапно лишились своей работы и своих доходов. В 1765 году безработных в Нью-Джерси было так много, что законодательные органы этой провинции вынуждены были вы-

делить 200 ф. ст. на закупку хлеба для семей, находившихся в наиболее бедственном положении. Зимой 1766 года в Филадельфии в долговую тюрьму было заключено так много ремесленников, что их братья по ремеслу собрали деньги, чтобы их семьи могли выжить и приобрести кое-какую одежду²⁹.

«Нищета среди свободных рабочих в XVII веке,— пишет Джозеф Дж. Рэйбек,— была почти неизвестна, а в XVIII наблюдалась крайне редко». Однако, как показали недавние исследования, значительную часть колониальных рабочих составляли бедняки³⁰. Согласно данным Джеймса А. Хенретта, изучавшего положение в Бостоне, не менее 29% жителей города были неимущими. Поскольку в Бостоне не хватало рабочих мест, что породило острую конкуренцию среди безработных, в десятилетие, предшествовавшее революции, число бедняков быстро возрастало. Как указывает Аллан Куликоф в своей работе о равенстве людей в революционном Бостоне, эта тенденция еще больше усилилась в связи с миграцией в город из близлежащих поселков множества бедняков — мужчин и женщин. «Процент бедняков в Бостоне повысился с 14% в 1689 году до 29% в 1771 году», — пишет Дирк Хердер³¹.

Как отмечает Джон А. Александер, в 60-х и 70-х годах XVIII века в Филадельфии наблюдался неуклонный рост неимущих слоев населения как по численности, так и в процентном отношении. В начале 70-х годов около 410 жителей города из числа взрослого мужского населения проводили часть года в домах призрения, рабочих домах и в больницах для бедных, а еще 469 человек считались неплатежеспособными или не обладающими достаточными средствами для уплаты налогов. Неустановленное число нуждавшихся получало помощь от различных церковных благотворительных и национальных обществ, таких, как «Дружественные сыны св. Патрика», «Германское общество», или от различных ремесленных организаций. Особенно страдали в Филадельфии от нищеты поденщики, матросы, официанты, слуги и, конечно, негры. Среди тех, кто получал помощь от различных учреждений, находилось немало сапожников, ткачей и каменщиков. Гэри Б. Нэш так описывает положение, сложившееся в Филадельфии:

Накапуне революции жизнь значительной части населения была омрачена нищетой... Можно считать, что в городе, где проживали 3673 налогоплательщика мужского пола, один из каждых четырех свободных людей был нищим или почти нищим по критериям того времени... Если не считать тех бедствующих людей, которые в поисках счастья добровольно покидали город, то бедняки среди всего городского населения в целом, по минимальным оценкам, составляли в процентном отношении 71:1000 — в восемь раз больше, чем до Семилетней войны ³².

Многие бедняки попадали в тюрьму из-за практиковавшейся в то время системы заключения в тюрьму за неуплату долгов. Правительство не принимало никаких мер для обеспечения таких должников предметами первой необходимости, за исключением крыши над их головой. Таким образом, люди, заключенные в тюрьму за то, что не могли уплатить свои долги, пусть даже самые мелкие, должны были сами платить за свое питание, одежду и топливо. Заключение в тюрьму за долги зачастую лишало семью единственного кормильца, в результате чего страдали его жена и дети.

Пример, приведенный в недавно опубликованной статье Дугласа Ламара Джонса, возможно, нетипичен, но все же он убедительно опровергает заявление о том, что в колониальной Америке не было нищеты. «Питер Фрост, — пишет Джонс, — ...решился на крайнюю меру, будучи не в силах решить неотступно маячившие перед ним проблемы нищеты и удовлетворения его личных потребностей. В 1700 году Фрост, ипсвичский рабочий, продал себя в пожизненное рабство Уильяму Кюгуэллу-младшему» ³³.

В ряде городов свободные рабочие сталкивались с губительной для них конкуренцией со стороны рабов-негров, работавших в качестве мастеровых. На протяжении всего колониального периода свободные белые ремесленники вели безуспешную борьбу за вытеснение негров из большинства областей, в которых применялся квалифицированный труд. В 1707 году свободные ремесленники Филадельфии выступили с протестом против «недостатка рабочих мест и низких заработков, вызванных наплывом

негров... нанимаемых поденно»³⁴. Тридцать лет спустя свободные рабочие Нью-Йорка протестовали против «пагубной практики обучения рабов ремеслам», вынуждавшей свободных рабочих перебираться в другие колонии³⁵. Были введены некоторые ограничения в отношении использования ремесленников-рабов, но на практике они применялись редко. В колониальном Массачусетсе белые рабочие не жаловались на конкуренцию со стороны рабочих-негров. Хотя в Бостоне негры никогда не составляли значительной части населения (их численность редко достигала 2% жителей колониального Массачусетса), среди них все же насчитывалось немало ремесленников высокой квалификации. Но даже и в этих условиях, как отмечает один из исследователей, архивные данные о положении в колониальный период «не свидетельствуют о наличии какого-либо конфликта между черными и белыми рабочими»³⁶.

Колонии почти с самого начала пытались бороться с нехваткой рабочей силы путем установления контроля над заработной платой, продолжительностью рабочего дня и ценами. Власти руководствовались такими же постановлениями, какие существовали и в Англии, чтобы удерживать заработную плату на должном уровне и ограничить возможности перехода рабочих от одного ремесла к другому, что могло бы привести к серьезной нехватке рабочей силы в ключевых отраслях производства. Когда цены повышались, суды устанавливали максимальные ставки заработной платы и нещадно штрафовали рабочих, если те пытались получать или получали заработную плату, превышавшую эти ставки. Протокол одного судебного заседания в Новой Англии гласит: «Уильям Дикси уплатил 3 шиллинга штрафа за то, что получал 3 шиллинга в день; Джеймс Смит оштрафован на 2 шиллинга, Джон Стоун и Ино Сибли — на 3 шиллинга каждый за получение чрезмерно высокой заработной платы». Эта мера, как утверждали предприниматели, была необходима, «чтобы спасти американского рабочего от самого себя». В 1769 году один из предпринимателей писал: «Не подлежит сомнению, что высокие заработки зачастую приносят рабочему человеку несчастье; рабочие слишком часто тратят свое свободное время и деньги на безнравственные дебоши и губят свое здоровье»³⁷.

Таким образом, если этому верить, низкие заработки были не бедой, а благом для рабочих.

Хотя в колониальные времена законодательные меры по контролю над ценами в большинстве случаев были неэффективны из-за нехватки рабочей силы и близости границы, требования принять подобного рода законы выдвигались в течение всего колониального периода, причем, как мы увидим ниже, во время Войны за независимость такие законы были введены в действие³⁸.

В последующие несколько десятилетий рабочие пытались разрешить проблемы низких заработков, продолжительного рабочего дня и плохих условий работы и добиться повышения своего уровня жизни путем организации профсоюзов, создания собственных политических партий и улучшения условий жизни с помощью законодательных мер. Но создание профсоюзных организаций затрудняло то обстоятельство, что грани между классами в молодой Америке были еще слишком неопределенны. За исключением периодов депрессии, большинство квалифицированных наемных рабочих имели достаточные возможности стать независимыми мастерами после нескольких лет работы по найму. А неквалифицированные рабочие могли либо переходить на другие места, либо становиться фермерами.

В колониальной Америке существовало множество частных клубов и обществ. Некоторые из них были ремесленными гильдиями, которые старались следовать практике европейских гильдий, регламентируя деятельность соответствующих отраслей производства, устанавливая цены на свою продукцию и контролируя качество работы и материалов. Однако деятельность этих организаций не была особенно успешной. Наиболее известна из них основанная в 1724 году Компания плотников Филадельфии, членами которой могли быть только мастера со стажем работы не менее 6 лет. (Норман Уэйр и Герберт Харрис утверждают, что вначале в эту компанию входили не только мастера, но и поденщики. Однако, как заявляет Ричард Б. Моррис, нет никаких данных, подтверждающих это³⁹.) Мастера создавали также благотворительные общества с целью «оказания помощи тем членам обществ, которые нуждаются в поддержке, а также вдовам и малым детям членов обществ». Они выплачивали пособия по болезни, помогали нуждавшимся чле-

нам, иногда выдавали денежные ссуды и предоставляли «сейфы» для сбережений. Типичным обществом взаимопомощи было созданное в Нью-Йорке 10 марта 1767 года «Дружеское общество ремесленников-плотников». В состав общества принимали только плотников в возрасте от 21 до 40 лет, с которых взимали вступительные и регулярные членские взносы; члены общества могли получать в течение трех месяцев пособие по болезни в сумме 10 шиллингов в неделю, а в случае смерти одного из членов его семье выплачивались 4 ф. ст. на похороны⁴⁰.

О том, что такие общества создавались главным образом в интересах предпринимателей, убедительно свидетельствуют названия тех обществ, которые учреждали моряки. Так, в 1765 году был основан Клуб капитанов Филадельфии под названием «Общество по оказанию помощи бедным и нуждающимся шкиперам, их женам и детям». В 1770 году было учреждено «Нью-Йоркское морское общество для распространения знаний о морском деле и для помощи нуждающимся шкиперам, их вдовам и сиротам». Ни одно из этих обществ ничего не предпринимало для улучшения положения простых матросов⁴¹.

Ремесленники колониальной Америки были грамотными людьми, они занимались самообразованием и нередко интересовались науками; неудивительно поэтому, что в тот период была основана «Библиотечная компания». Многие ремесленники имели, по-видимому, собственные книги, а те, у кого их не было, могли посещать вечернюю школу или библиотеку, чтобы удовлетворить свою любознательность. Ремесленники имели возможность слушать лекции по навигации, астрономии и энергетике. Характер их работы, требовавшей умения обращаться с инструментами, знакомства с физическими свойствами материалов и других технических познаний, стимулировал их интерес к науке. Крупные ученые колониальной Америки — Томас Годффри, Дэвид Риттенхаус и Бенджамин Франклин (все они из Филадельфии) — начинали свою трудовую жизнь как ремесленники. Стекольщик Годффри изучал в свободное время латинский язык, чтобы читать знаменитый труд Ньютона «Математические начала натуральной философии», и был одним из изобретателей квадранта, который приобрел большое значение для навигации. Риттенхаус, начавший свою карьеру как

часовщик, значительно усовершенствовал телескоп и внес важный вклад в развитие астрономии. Работы печатника Франклина по электричеству снискали ему мировую известность. В 1731 году Франклин с помощью бедных филаделфийских мастеровых и ремесленников основал по подписке публичную библиотеку, в которой имелось множество самых различных книг.

В некоторых случаях ремесленники создавали свои собственные организации, например Ассоциацию библиотечной компании Филадельфии. Кроме того, колониальные рабочие временами принимали действенные меры, стремясь добиться улучшения условий своего существования. В 1741 году «Поденные конопатчики Бостона» заявили о том, что они не будут больше принимать в уплату за свою работу купоны на получение товаров в лавках, поскольку такая практика, как они считали, привела к «сильнейшему обнищанию их самих и их семей». В будущем, говорилось далее в их заявлении, они не станут брать и получать за свой труд «никакой другой платы, кроме находящихся в обращении законных кредитных билетов»⁴². «Этому хорошему и похвальному примеру,— писала «Бостон уикли ньюс леттер» 12 февраля 1741 года,— вскоре последуют и другие мастера и ремесленники».

Опубликованное 28 января 1734 года в газете «Нью-Йорк уикли джорнэл» объявление свидетельствует о том, что и женщины-служанки также стали объединяться, чтобы улучшить условия своей работы:

В городе есть много женщин, которые в наши тяжелые времена готовы пойти в услужение, по, поскольку миру надлежит знать о наших условиях, мы считаем справедливым заявить, что нас не должны бить мужья наших хозяек, ибо они очень сильны и могут причинить слабым жепщинам увечья. Хозяйки, желающие нанять служанку и готовые поручиться за своих мужей, смогут вскоре ее получить.

Помимо создания организаций взаимопомощи, рабочие время от времени прибегали к «забастовочным» действиям в защиту своих прав. Джон Р. Коммонс утверждает, что первой настоящей рабочей забастовкой в истории Америки была забастовка филаделфийских печат-

ников в 1786 году, однако Ричард Моррис пишет о забастовке нью-йоркских поденщиков-портных, состоявшейся в 1768 году⁴³. 31 марта 1768 года 20 поденщиков-портных заявили, что возобновят работу только в том случае, если будут получать «3 шиллинга и 6 пенсов в день вместе с харчами»⁴⁴. Однако в «Чарлстон газет» от 29 октября 1763 года содержалось сообщение о том, что негры-трубочисты «имели наглость, сговорившись между собой, повысить существующие расценки и отказаться выполнять свою работу, если их несуразные требования не будут удовлетворены». Эти действия были, пожалуй, не забастовкой рабочих против хозяев, а скорее протестом ремесленников против расценок, установленных местными властями. Ричард Уолш называет объединение трубочистов «одним из старейших американских профсоюзов», добавляя, что, «к сожалению, о нем ничего больше не известно, кроме жалоб, разбиравшихся (большим) жюри»⁴⁵. Возможно, было бы преувеличением назвать эти меры действиями профсоюза, но они, безусловно, представляют собой совместную деятельность, направленную на разрешение общей проблемы.

Мэри Ройс Бэйкер утверждает, что в течение всего колониального периода американские наемные рабочие выполняли «боевые функции современного профсоюза», «действуя совместно, чтобы добиться повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, внедрения обычных правил работы, большей надежности работы, издания конкретных законов в интересах трудящихся...». Она рассматривает все действия мастеров, ремесленников и мастеровых на фронте экономической борьбы в колониальном Массачусетсе как «предварительные этапы» профсоюзного движения и считает, что «прототип рабочего движения» существовал в Массачусетсе еще в 1677 году⁴⁶.

В истории колониальной Америки известно множество случаев протестов ремесленников против расценок, устанавливавшихся местными властями. В 1684 году ломовые извозчики, нанятые муниципальным управлением Нью-Йорка, отказались вывозить мусор с улиц, если им не повысят плату за каждую вывезенную тележку. Забастовщики были «отстранены от работы и уволены» за «неподчинение приказаниям и отказ от выполнения своих обязанностей на подлежащих им условиях». Неделию спустя извозчики попросили принять их обратно на

работу. Им было приказано подчиняться «установленным правилам и законам» и каждому уплатить штраф в размере 6 шиллингов. Почти через сто лет, в 1770 году, нью-йоркские бочары приняли решение «не продавать бочки иначе как в соответствии с установленными ценами». Бочаров судили, обвинили в сговоре с целью ограничения торговли и заставили уплатить 50 шиллингов «на нужды церкви или на благочестивые деяния». Те, кто работал по заказам городских властей, были уволены⁴⁷.

Однако за несколько лет до этого, в 1758 году, те же городские власти проявили снисходительность, когда крупные корабельные купцы объединились, чтобы добиться снижения платы судовым плотникам, матросам и рабочим. В 1764 году в Нью-Йорке была основана ассоциация предпринимателей всей колонии. Каждый из членов этой ассоциации обязывался «не нанимать» ни одного работника, который не мог представить «письменную рекомендацию от хозяина или хозяйки с последнего места работы в этой колонии»⁴⁸. На этих предпринимателей не наложили никакого штрафа и не привлекли к суду по обвинению в сговоре.

В 1746 году забастовало большое число плотников в Саванне. Кураторы колонии немедленно применили парламентский статут, чтобы подавить забастовку. В отчете об этом от 29 декабря 1746 года, в частности, говорится:

Зачитано объявление, подписанное плотниками в Саванне и расклеенное в этом городе в нескольких местах, согласно которому они сговорились не работать за плату ниже обозначенных в нем цен.

Приказывается:

Указанный акт парламента... переслать губернатору и его помощникам с приказанием уведомить этих людей о последствиях данного акта, а также ввести его в силу⁴⁹.

Ясно, что, хотя в колониальной Америке не было профсоюзов и забастовки случались редко, там все же происходила совместная экономическая борьба ремесленников, мастеровых и поденщиков с целью добиться удовлетворения своих требований. И это имело большое значение в период, когда началось революционное движение,

Уже существовала традиция совместных политических действий колониальных ремесленников, мастеров и рабочих, которая оказалась весьма полезной в ходе подготовки к революции. В основном она наблюдалась в Нью-Йорке. В 1689 году Джейкоб Лейслер возглавил борьбу жителей Нью-Йорка против торговой аристократии, захватил нью-йоркский форт и сверг власть. Большинство участников отрядов Лейслера составляли городские ремесленники и рабочие, которых губернатор Белломонт охарактеризовал как «подонков общества, тейлоров и прочих проходимцев». До того как это движение было подавлено, повстанцам удалось добиться некоторых важных демократических прав. Народ избрал комитет безопасности. Свободным людям, не обладавшим собственностью, было предоставлено избирательное право, и в состав колониальных органов власти на основе всеобщего голосования были избраны представители народа⁵⁰.

Хотя возглавлявшееся Лейслером движение было подавлено, многие демократические завоевания, достигнутые в ходе восстания, сохранились. Несмотря на то что органы власти контролировали купцы, королевские чиновники, адвокаты и землевладельцы, ремесленники, купившие себе за деньги у городского совета избирательное право, могли участвовать в голосовании. Таким образом, они получили возможность организовать политическое движение.

Такая возможность представилась им в 1734 году в ходе кампании по выборам ольдермена, когда королевская партия, выражавшая интересы губернатора Косби и купцов, намеревалась удержать в своих руках контроль над городскими органами власти, переизбрав ольдермена и членов муниципалитета на новый срок. Против них выступила Народная партия, которую поддерживали ремесленники при содействии редактора «Нью-Йорк джорнэл» Джона Питера Зенгера. В листовках, распространявшихся в ходе кампании Народной партией, рабочих Нью-Йорка призывали «не выбирать придворных, их прихвостней или кого-либо из этой тщеславной шатии, тех, кто больше дорожит перьями на своих шляпах, чем подлинными интересами города. Не выбирать также никого из их прихлебателей». В листовках избирателям напоминали, что «честный бедняк лучше богатого

мошенника». В конце кампании рабочих приглашали на избирательные участки следующей песенкой:

За право родины стоять
Велит нам долг святой,
По совести голосовать!
Пусть нам грозят бедой! ⁵¹

Выборы завершились победой Народной партии. В городской совет, который в 1735 году уже полностью контролировала Народная партия, были избраны Джон Фред — рабочий, Иоганнес Бургер — каменщик, Уильям Рум — маляр, Генри Богарт — пекарь и другие ремесленники.

Губернатор Косби жаловался министерству торговли в Лондоне на «сбившихся с пути жителей города», а другой консерватор заявил, что город «полностью идет на поводу у клики, состоящей по большей части из людей низшего сословия» ⁵².

Разъяренный победой народа, губернатор Косби принял административные меры против Джона Питера Зенгера. Песни, баллады и несколько номеров «Нью-Йорк джорнэл» были осуждены губернаторским советом и верховным судом. Самого Зенгера арестовали по обвинению в подстрекательской клевете. Защитником его был 88-летний видный филадельфийский адвокат Эндрю Гамильтон, отказавшийся от получения гонорара или какого-либо другого вознаграждения. Подчеркнув, что речь идет о свободе печати, Гамильтон заявил: «Вопрос, рассматриваемый судом... это не мелкое и не частное дело, речь идет не о бедном печатнике и не об одном лишь «Нью-Йорк джорнэл»... речь идет о свободе, и я не сомневаюсь, что ваша справедливость сегодня завоеует вам любовь и уважение не только ваших сограждан. Каждый, кто предпочитает рабству свободу, будет благословлять и почитать вас» ⁵³.

Приговор гласил: «Не виновен». Это был прецедент свободы печати в Америке.

Впоследствии консерваторы вновь захватили в свои руки контроль над органами власти в Нью-Йорке, но богатые и «знатные» люди колониальной Америки так и не смогли успокоиться после паники, вызванной политической победой народных масс Нью-Йорка и особенно той ролью, которую сыграли в ней ремесленники и рабочие.

Эта роль представляет собой интерес и в связи с возникшими между историками разногласиями по вопросу о политическом статусе колониальных ремесленников и мастеровых. Историк прогрессивной эпохи, особенно Карл Бекер и его последователи, считали, что ремесленники, мастеровые и непривилегированные слои городского населения вообще были лишены гражданских прав и права голоса из-за имущественного ценза, установленного для участвующих в голосовании. Эти требования, утверждали они, неуклонно повышались, пока народные массы не были полностью лишены избирательного права. По словам этих историков, в Филадельфии, Бостоне и Нью-Йорке мастеровые как класс были полностью лишены права голоса. Историк прогрессивной эпохи утверждали также, что радикальная политика в период Американской революции сводилась в основном к попытке лишенных права голоса и экономических и социальных прав ремесленников в городах и бедных фермеров в сельских местностях завладеть государственной властью. Эта точка зрения стала известна как тезис о «внутренней революции», в соответствии с которым не предусмотренная законом политическая деятельность народных масс после 1760 года «открыла дверь» к политической власти. Таким образом, революция означала не только борьбу с Великобританией за «самоуправление», но и состязание за то, «кому управлять своей страной». Эта часто цитировавшаяся фраза стала последней в предисловии к исследованию Карла Бекера «История политических партий в провинции Нью-Йорк. 1760—1776», опубликованному в 1909 году⁵⁴.

После второй мировой войны все эти утверждения подверглись резкой критике со стороны историков, которые усматривали в революционном движении больше единодушия, чем противоречий. По заявлениям этих историков, народные массы активно участвовали в политической жизни колониальной Америки и большинство городских жителей, в том числе и ремесленников, не были лишены избирательного права или иным способом отстранены от участия и в политической жизни. Что касается тезиса о «внутренней революции», то, по мнению этих историков, колониальная Америка фактически была бесклассовым обществом — страной неограниченных возможностей; в этом доиндустриальном обществе, утвер-

ждали они, никогда не было «неимущего класса пролетариата», и если в колониальных городах и происходили какие-то трения, то они не отражали противоречий между «имущими» и «неимущими», как это утверждали историки прогрессивной эпохи.

Роберт Э. Браун в статье, опубликованной в 1952 году в «Нью Ингленд куотерли», а затем, три года спустя, и в своей книге «Демократия среднего класса и революция в Массачусетсе, 1691—1780» изложил основные теории историков, придерживающихся теории «единодушия». Опираясь на статистические данные и на высказывания современников, Браун приходит к выводу, что практически все взрослое мужское население Массачусетса пользовалось правом голоса. Он утверждает, что до 1776 года массачусетское общество было «очень близко к полной демократии». Высмеивая теорию «внутренней революции», он заявляет, что «все, что относится к Массачусетсу, почти в той же мере относится и к другим колониям». Не может быть более серьезной ошибки, заявляет он, чем представлять себе колониальную Америку «недемократичной» или считать, что «имущественный ценз, как условие при предоставлении избирательного права, отстранил значительную часть взрослого мужского населения от участия в политической жизни». Браун утверждал, что имущественный ценз был достаточно низким, а экономические возможности достаточно широкими, чтобы большинство людей могли удовлетворить этим требованиям, которые на практике к тому же часто не соблюдались. Некоторые свободные люди, продолжал он, были действительно абсолютно неимущими: матросы, фермеры-арендаторы и жители поселков, но они являлись исключением⁵⁵.

Мы не располагаем данными о контингенте избирателей в колониальный период, но имеются достаточно убедительные указания на то, что картину, которую рисуют историки прогрессивной эпохи в отношении участия городского населения в выборах, необходимо пересмотреть. В Филадельфии, например, большинство ремесленников, вероятно, могли участвовать в политической жизни, ибо, хотя в большинстве случаев они не удовлетворяли требованиям имущественного ценза о наличии у избирателей 50 акров земли или имущества на сумму 50 ф. ст., эти требования редко соблюдались строго⁵⁶.

Что касается города Нью-Йорка, то, как мы уже видели, деятельность ремесленников, мастеровых и рабочих явилась важным фактором в победе, одержанной Народной партией в 1734 году. Фактически условия предоставления избирательного права городским жителям были относительно несложными. Надо было только купить у муниципалитета «свободу города» за сумму от 5 ф. ст. для купца или лавочника до 20 шиллингов для ремесленника. Ученики могли получить «свободу» бесплатно после семилетнего срока ученичества. В этих условиях мастера, которые, как правило, не владели никакой собственностью, могли получить право голоса, став свободными людьми. Один из исследователей вопроса об избирательном праве в колониальной Америке приходит к выводу, что в 1768—1769 годах 50—60% взрослого мужского населения Нью-Йорка пользовалось правом голоса ⁵⁷.

С другой стороны, неправомерно было бы считать обоснованным мнение других ученых о том, что практически право голоса имели все мастера и ремесленники. (То же самое относится и к утверждению некоторых историков, что лишение права голоса не имело никакого значения, поскольку политическая деятельность колониальных рабочих осуществлялась в тавернах.) Джон Кэри считает, что все ремесленники Массачусетса не имели права голоса из-за имущественного ценза ⁵⁸. Джеймс Хенретта заходит не столь далеко в своем статистическом труде о Бостоне, но он признает существование неимущего пролетариата, составлявшего 14% взрослого мужского населения города в 1687 году и 29% в 1771 году, и утверждает, что эти-то рабочие были лишены права голоса ⁵⁹. Альфред Янг и Стотон Линд считают, что в Нью-Йорке из числа «беднейших мастеровых могло голосовать, вероятно, менее половины» ⁶⁰. Джексон Тэрнер Мэйн говорит о существовании в колониальной Америке безземельного пролетариата, составлявшего «около 40% населения». причем ясно, что правом голоса обладали лишь немногие из этого числа ⁶¹. Можно считать, что большинство портовых рабочих, матросов и неквалифицированных или полуквалифицированных наемных рабочих не могли участвовать в выборах и что в XVIII веке их число увеличивалось по мере роста процента неимущих среди населения колониальных городов.

Если добавить к этому лишенных права голоса негров и женщин, которые вообще не могли голосовать, даже если они относились к категориям печатников, аптекарей, купцов или присматривали за лавками, принадлежащими их мужьям, то где же тут демократия среднего класса колониальной Америки? Придерживавшийся теории «единодушия» историк Элиша П. Дуглас определяет демократию как «политическую систему, при которой все взрослое мужское население пользовалось равными правами»⁶². Уже не говоря о том, что Дуглас даже не учитывает при этом негров и женщин (о них он даже не упоминает), насколько же демократичной была колониальная Америка?

Не очень — отвечает Джессе Лемиш в своем исследовании по вопросу об Американской революции «снизу доверху». Резко возражая историкам, отстаивавшим существование единодушия, он заявляет, что повсюду в колониальной Америке «имущественный ценз отстранял все больше и больше людей от участия в голосовании, пока не потребовалась «джексоновская революция», чтобы свергнуть строй, который фактически стал крайне ограниченной демократией среднего класса»⁶³. Совсем не обязательно соглашаться с этим огульным заявлением, чтобы осознать, что в колониальной Америке правом голоса пользовалось больше рабочих, чем предполагалось ранее, но их отнюдь не было так много, как хотят заставить нас поверить эти историки. Нельзя, однако, не считаться с вопросом, который тут же задает Лемиш: «А что, если бы голосовать мог каждый житель колонии? Доказало ли бы это, что простой человек вступил в свои права?»⁶⁴ Иными словами, не были ли простые люди отстранены от участия в политической жизни, даже если допустить, что избирательным правом пользовался относительно широкий круг людей? «Право мастеровых занимать выборные посты, — отмечают Янг и Линд, — невозможность для избирателя инструктировать своих представителей и контролировать их деятельность после их избрания, осуществление правосудия, возможность выбирать должностных лиц, которые ранее назначались, — все это было не менее важно, чем право голоса»⁶⁵. К этому следует добавить наличие (или отсутствие) у избирателя возможности осуществлять свое право голоса, не опасаясь

запугивания со стороны богатых и могущественных людей, а добиться этого было крайне трудно, пока выборы осуществлялись путем открытого, а не тайного голосования. В номере «Нью-Йорк газет» от 8 января 1769 года один мастеровой писал, что «многих бедных людей»

глубоко возмущала власть аристократов, или, скорее, невыносимая тирания богатых и знатных, которые (таковы потрясающая порочность нашего времени и их полное презрение ко всем общественным добродетелям и патриотизму) открыто угрожали лишить работы и арестовать за долги тех, кто не будет голосовать так, как им прикажут, тогда как всем беспристрастным людям ясно, что ничто иное, кроме тайного способа голосования, не может обеспечить свободные и независимые выборы и воспрепятствовать непомерному влиянию богатых на бедных в будущем.

Опубликованные в последнее время работы свидетельствуют о том, что на протяжении шести десятилетий до начала революционной войны низшие слои городского населения принимали участие в политической жизни путем организации политических клубов и предвыборных собраний, подготовки избирательных списков и т. п.⁶⁶ Действенность этих мер представляется, однако, сомнительной, ибо колониальные власти контролировали состоятельные, высокопоставленные люди, которые составляли тесно связанную между собой правящую олигархию. Не менее чем в шести дореволюционных законодательных органах «экономическая элита», в которую входила верхушка, составлявшая 10% населения⁶⁷, имела 85% мест, а членами губернаторских советов, судов и даже адвокатского сословия были исключительно люди, принадлежавшие к правящим семьям, или их родственники⁶⁸. Если заменить слово «плантаторы» словами «купцы и землевладельцы», то высказывания Джосайи Куинси об ассамблее Южной Каролины вполне можно отнести к каждой из 13 колоний. «Верно, что у них есть ассамблея, но кто в ней представлен? Рабочий, мастеровой, ремесленник, фермер, земледелец, иомен? Нет, члены ассамблеи — почти исключительно, если не полностью, богатые плантаторы»⁶⁹.

В 1770 году один филаделфийский мастерской, подписавшийся «брат Чип», выразил, пожалуй, эту мысль лучше всего в письме, где от имени своих «братьев ремесленников, мастерской и т. п., *полезных и необходимых* жителей провинции», он писал следующее:

У группы лиц, занимающих важные посты, вошло в обычай выдвигать кандидатуры и намечать избирательные списки для выборов членов ассамблей, уполномоченных, судебных заседателей и т. п., не считаясь при этом с положительным или отрицательным мнением мастерской; завершив подготовку этих списков, они надеются, что мастерской санкционируют их, отдав за них свои голоса. Мы покорно терпели это столь долго, что теперь эти господа не стесняясь заявляют, что с мнением мастерской (хотя они составляют значительное большинство жителей, особенно в этом округе) совсем не следует считаться, то есть что мастерской, по существу говоря, не имеют права ни думать, ни говорить от своего имени. Разве мы не имеем равного с ними права избирать или быть избранными? Если мы не имеем права выдвигать кандидатов по своему усмотрению, значит, нашему праву голоса пришел конец, а если мы занимаем слишком низкое положение, чтобы с нашим мнением считались по такому важному случаю, то нам не стоит отдавать свои голоса в день выборов...

Я считаю абсолютно необходимым, чтобы от такой большой группы населения были избраны один или двое мастерской. Если резонно полагать, что купцы лучше всего разбираются в коммерции, а мельники и фермеры — в положении и условиях в сельском хозяйстве, то, следовательно, в положении мастерской лучше всего разбираются сами мастерской.

Далее он писал:

Это величайшая наглость — выбирать людей, обладающих огромными богатствами: они и без того стоят гораздо выше нас во всех отношениях, за исключением вопроса о выборах, но, когда они занимают выборные посты, к их богатству добавля-

ется власть, и это дает им такое превосходство над нами, что делает их нашими господами и хозяевами, а нас — их самыми униженными рабами, которых они едва достаивают дружелюбного взгляда — разве лишь при приближении новых выборов.

И наконец, он связал борьбу за «самоуправление» с вопросом о том, «кто должен управлять страной».

Давайте поразмыслим о беде, которую наша страна из-за этого неправильного поведения навлекла не только на себя, но и на своих американских детей, а также и о той благородной борьбе, которую граждане Лондона (главным образом мастеровые) ведут, чтобы вернуть себе то, утрату чего в *настоящее время* мы еще в силах предотвратить.

Немало историков опровергают это и другие письма на том основании, что нет никакой возможности точно установить, были ли они написаны «ремесленником» или «мастеровым», как утверждал анонимный автор. Мы не можем утверждать, что авторы таких писем в каждом случае выступали от имени ремесленников и мастеровых вообще, однако другие источники того времени свидетельствуют, что эти письма действительно отражали настроения ремесленников и мастеровых.

Нападки филаделфийского мастерового были направлены главным образом против того класса в Пенсильвании, который занимал господствующие позиции в экономике и политике. В то же время он выражал недовольство колониальных мастеровых и тем обстоятельством, что, хотя мастеровые составляли большинство городского населения и были *полезными и необходимыми* жителями провинции», их считали в обществе «низкими, жалкими и презренными» людьми, неспособными из-за отсутствия у них соответствующих данных играть какую-либо роль в политической жизни колоний. «Мы гордимся своим презренным званием «мастеровой», заявлял он и призывал своих собратьев-мастеровых «действовать сообща, энергично и честно», чтобы отвоевать себе законное место в американском обществе⁷⁰. Короче говоря, колониальные рабочие отказывались оставаться в том положении, куда их оттеснил правящий класс, стремясь добиться от них почитания и покорности.

Письмо «брата Чипа» было опубликовано в «Пенсильвания газет» 27 сентября 1770 года. К этому времени, как мы увидим ниже, у ремесленников и мастеровых уже пробудилось сознание общности их политических и экономических интересов и они впервые выступили на политической арене в качестве самостоятельной силы. Вследствие того что мастера принимали участие в деятельности множества комитетов, руководивших общественными делами и контролировавших выполнение соглашений о бойкоте импорта, они стали больше, чем когда-либо в прошлом, участвовать в государственных мероприятиях и в активной политической деятельности. Эта тенденция была, безусловно, революционной, но еще более революционным был процесс пробуждения политической сознательности у беднейших ремесленников, поденщиков и рабочих, не говоря уже о законтрактованных слугах и рабах.

2. «СЫНЫ СВОБОДЫ»

Десятилетие, предшествовавшее фактическому началу военных действий между Великобританией и ее американскими колониями, ознаменовалось все возрастающим недовольством американцев условиями, которые широкие массы называли «британской тиранией». После окончания в 1763 году Семилетней войны американцы все больше убеждались в том, что к ним применяются методы, которые ставят под угрозу не только их экономическое благосостояние, но и их будущее вообще.

К 1763 году многие колониальные города уже стали торговыми и промышленными центрами, хотя промышленникам этих городов все еще приходилось ожидать освобождения от британских торговых ограничений, чтобы приступить к реальному развитию производства. В соответствии с британской меркантилистской политикой американские колонии существовали лишь для того, чтобы способствовать росту доходов английских промышленников, купцов и крупных землевладельцев. Британские правители, стремившиеся не допустить, чтобы колонии создали экономическую угрозу для самой британской промышленности и Новый Свет не стал бы самостоятельной державой, не разрешали, например, в колониях строить домны и кузницы, а также переправлять чугун, шерсть и шерстяные ткани из одной колонии в другую. Колонии вынуждены были посылать свои товары только в Англию или, если эти товары предназначались для отправки в неанглийские порты, отправлять их сначала в Англию. Ввозить они могли только товары, произведенные в Англии или посылавшиеся в колонии через Англию. После 1763 года жителям колоний было запрещено селиться к западу от Аппалачских гор. Согласно принятому в 1764 году закону о денежном обращении, они были лишены права выпускать бумажные деньги и открывать колониальные монетные дворы и земельные банки, и это в такой момент, когда отсутствие законных

бумажных денег и банков стало серьезным препятствием для развития экономики всех колоний¹.

Разумеется, не все ремесленники страдали от этих ограничений. Строительные рабочие, например, обладали естественной монополией в своей области работы. Более того, некоторым ремесленникам и мастерам политика меркантилизма была даже на руку. Канатчиков поощряли премией, бондари получали субсидии, производителей поташа поддерживали, освобождая их продукцию от импортных пошлин в случае ее отправки в Великобританию, а судостроителям и поставщикам судовых припасов предоставляли в порядке поощрения денежные ссуды. К тому же колонистам часто удавалось обходить торговые ограничения, прибегая к незаконным методам производства и контрабанде, а некоторым группам рабочих удавалось добиваться помощи от колониальных властей, чтобы противостоять конкуренции со стороны англичан². Некоторые ученые ссылались на эти факты, опровергая утверждения, будто меркантилизм был одной из причин Американской революции, но за последние годы все большее число исследователей того периода, вслед за Ричардом Уолшем, Джессе Лемисом и Чарлзом Олтоном, подчеркивают его значение.

В общем, в колониях преобладал дух меркантилизма и небольшие преимущества, которыми пользовались те или иные специальные группы, в значительной мере перевешивала политика покровительства, которым пользовались со стороны парламента англичане по сравнению с американцами. После 1763 года, когда недовольство английских промышленников и торговцев заставило усилить контроль и более строго следить за осуществлением ограничений, прибегать к незаконному производству товаров и контрабанде становилось все труднее. В 1765 году один из бостонских жителей писал: «Колонист не может изготовить пуговицу, подкову или гвоздь без того, чтобы какой-нибудь чумазый британский торговец железом или достопочтенный пуговичных дел мастер не поднял шум и гам по поводу того, что его высокородие самым наглым образом третируют, унижают, обманывают и грабят эти негодные американские республиканцы»³.

После 1763 года этот «шум и гам» усилился. В период Семилетней войны торговые связи между Англией и Америкой были нарушены, что способствовало разви-

тию отечественного промышленного производства. К тому же англичане вынуждены были полагаться на поставки из колоний многих видов товаров, а также изделий, необходимых для обслуживания американского театра военных действий. Касаясь процветания, которое вызвали в колониях войны Англии с Францией и Индией, один англичанин писал из колоний: «Города процветают и развиваются, и благодаря широкой торговле туда тянутся различные ремесленники и мастера, которые обучают жителей всяческим ручным ремеслам, ранее неизвестным в стране; вскоре они научатся изготовлять для себя то, что в прошлом ввозили»⁴.

До этого, несмотря на запретительное законодательство, такие колониальные товары, как шляпы, обувь, скобяные изделия и мебель, успешно конкурировали в колониях с английскими товарами. Теперь же лондонские купцы, встревоженные сообщениями о значительном росте производства этих промышленных изделий в период войн с Францией и Индией, стали прибегать к демпингу большого количества британских промышленных товаров на американском рынке, наводняя колонии текстильными изделиями, полотном, шляпами, обувью, металлоизделиями и всевозможными предметами роскоши. Американские ремесленники и мастера ежедневно «видели, как в их порту выгружали для продажи жителям провинций мебель, серебро, винтовки, железо, кареты, седла и обувь английского производства»⁵.

После 1763 года усилия, направленные на возрождение в Америке торговли «довоенного образца», не могли не вызвать обострения отношений между метрополией и колониями. Положение еще больше осложнилось, когда стало ясно, что жалобы, поступавшие из Америки, не принимали в расчет, если дело касалось доходов английских промышленников и экспортеров. Все больше и больше колониальных ремесленников, мастеровых и поденных рабочих стали считать, что главная угроза их материальному благополучию — импорт промышленных товаров из Англии. Многие из них объясняли экономическую депрессию в их городах и поселках, возникшую после войн с Францией и Индией, влиянием британской меркантилистской политики. Они непрерывно жаловались на «разорительную» конкуренцию со стороны товаров

иностранный происхождения, которая еще больше усиливалась лежавшее на них тяжелое бремя⁶.

Еще больше ухудшало и без того бедственное положение колониальных рабочих то обстоятельство, что в поисках работы они сталкивались на переполненном рынке рабочей силы с конкуренцией со стороны свободных от несения военной службы британских солдат, которые постоянно сбивали их ставки заработной платы. В британской армии издавна вошло в практику разрешать солдатам, свободным от воинских обязанностей, подражаться на гражданскую работу. Поскольку солдаты брали от 18 пенсов до 2 шиллингов за работу, за которую предприниматель обычно платил 4 шиллинга, вполне понятно, что предприниматели отдавали предпочтение солдатам. Для поденщиков, канцелярских служащих и матросов, стремившихся найти себе работу на берегу, работа солдат на складах, в лавках и на пристанях в качестве портовых рабочих означала сокращение числа рабочих мест и, как правило, снижение зарплаток⁷.

Помимо того, что из-за солдат, свободных от несения военной службы, матросы имели меньше шансов получить работу, а ставки их заработной платы снижались, они также были «жертвами жестокой и тиранической» системы насильственной вербовки. С начала XVIII века обычным способом полного укомплектования британского военно-морского флота стала насильственная вербовка матросов. Как отмечает Джессе Леминг, «насильственная вербовка и страх перед такой вербовкой были обычными явлениями в жизни нью-йоркских матросов». Обычным явлением они были и в жизни матросов других колониальных портов, да, по существу, и других рабочих. Многих рабочих низших категорий зачастую захватывали во время облав для службы в британском военно-морском флоте. В 1747 году отряд вербовщиков коммодора Ноулса совершил облаву в бостонской гавани, захватив судовых плотников, учеников и людей, непричастных к судоходству, а не только матросов. После их насильственной вербовки в британский военно-морской флот с ними обращались «немногим лучше, чем с рабами»⁸.

От политики англичан и практиковавшихся ими методов страдали все слои населения Америки, за исключением лишь приверженцев короны, но больше всего страдали ремесленники, мастеровые, матросы и поденные

рабочие. Ограничения, применявшиеся в отношении колониальной торговли и промышленности, обескураживали ремесленников, которым приходилось конкурировать с англичанами, вели к росту безработицы и снижению заработков всех колониальных рабочих. Эти ограничения особенно тревожили поденщиков и мастеровых, ибо они снижали их шансы не только на получение работы, но и на возможность улучшить свое положение, поднявшись до класса судовладельцев. Запрещение бумажных денег ухудшило положение должников, поскольку оно вело к росту цен и затрудняло коммерческую деятельность, которую и без того нелегко было осуществлять в условиях постоянной угрозы появления отрядов, насильственно вербовавших матросов и других колониальных рабочих. Многие колониальные ремесленники и мастеровые считали, что во всех их экономических бедах виновата Великобритания. Как заявил один из ремесленников, «кучка английских капиталистов значит для Вестминстера больше, чем благосостояние миллионов американцев»⁹.

Ограничения, препятствовавшие развитию американской экономики, еще больше усилились именно в тот момент, когда по отношению к американцам был осуществлен ряд мер, которые не только носили произвольный и незаконный характер, но и угрожали самому существованию их гражданских свобод¹⁰. «Сахарный акт» 1764 года, закон о гербовом сборе 1765 года, Акты Тауншенда 1770 года, «чайный закон» 1773 года и «нестерпимые акты» 1774 года — все они относились к принятым парламентом «возмутительным мерам», которые, по мнению американцев, имели целью ободрать их как липку и поставить в полную зависимость от Англии. Они делали все, что могли, чтобы добиться отмены этих мер и ликвидировать создавшееся положение, считая все это широким заговором, направленным против гражданских свобод в Америке.

Как мы увидим ниже, в своем сопротивлении этим «возмутительным мерам» колонисты прибегали к самым различным тактическим и стратегическим методам. Одним из таких методов, в котором принципиальные соображения сочетались с экономическими, был бойкот британских товаров. Купцы-импортеры в известной мере относились к этому благожелательно. Падение торговых прибылей

делало для них привлекательной перспективу вложения капиталов в предприятия отечественной промышленности. К тому же отказ от импорта позволял купцам продавать свои запасы товаров по более высоким ценам.

Однако заходить в бойкоте импортных товаров слишком далеко было не в их интересах. Распродав свои товары, большинство из них уже готовы были возобновить торговлю с англичанами, не считаясь с тем, будут ли удовлетворены те конкретные претензии, которые вызвали борьбу против импорта. Иначе, однако, были настроены мастера и рабочие. Для них бойкот импортных товаров был не только одним из способов оказать давление на парламент, чтобы заставить его выполнить требования колонистов,— он стимулировал также возрождение отечественного производства, которое обеспечило им хороший уровень жизни в период Семилетней войны, а следовательно, и значительный рост занятости в стране. Поэтому они были самыми рьяными сторонниками отказа от потребления британских товаров и продолжали настаивать на бойкоте товаров еще долго после того, как купцы были готовы возобновить им импорт.

У купцов была и другая причина ослабить сопротивление мероприятиям британских властей. По мере того как городские ремесленники и рабочие вместе с матросами, искавшими работу на берегу, все больше приобщались к движению сопротивления, они превращались в значительную политическую силу. Для одних из них соглашения об отказе от импорта товаров означали их активное участие в политической жизни, для других же эти соглашения создали возможность выступить на политической арене. Помимо сопротивления британской тирании, они начали выдвигать и другие требования дальнейшей демократизации колониального общества. Эти новые боевые настроения испугали многих купцов и вызвали у них стремление покончить с движениями, которые поощряли «низшие сословия» выйти за рамки, отведенные им правящим классом колоний.

Анализ роли, которую мастера, поденные рабочие и матросы сыграли в движении сопротивления, не дает ничего нового. По мнению большинства их современников — представителей правящего класса, как и многих историков нашего времени, она сводилась к роли «неразумной, бездумной, действующей под чужим влиянием

«черни», которую более состоятельные элементы использовали в движении сопротивления в своих собственных целях и которая начинала действовать только после неоднократных «сборищ» в тавернах. Точку зрения современников выразил видный консерватор Питер Оливер, заявив, что «народ вообще... был подобен черни всех стран — настоящие машины, которые может заводить любая рука, первой взявшаяся за рукоятку»¹¹. Описывая роль мастеровых, рабочих и матросов в ходе революции, многие историки нашего времени характеризуют их как «чернь», «буянов», «грубых, шумливых, зачастую пьяных людей», «хулиганов» и «марионеток, энтузиазм которых можно было «включать» и «выключать» в соответствии с политикой их руководителей». Понадобился бы целый том только для того, чтобы перечислить все применявшиеся к ним оскорбительные выражения.

Многие историки и поныне употребляют выражение «чернь», а кое-кто, например Полина Майер, ревностно выступают за использование этого термина без кавычек¹². Они продолжают настаивать на своем, не считаясь с мнением ряда американских историков, которое стало все шире распространяться после того, как на взглядах этих ученых все больше стали сказываться труды английских историков Джорджа Руде, Эрика Томпсона и Эрика Хобсбома¹³. Один из основных тезисов, которые выдвигают ученые по обе стороны Атлантики, состоит в том, что народные восстания и бунты в допромышленную эпоху во Франции, Англии и Америке возглавляли в основном повстанцы и они вызывались конкретными экономическими, политическими и социальными условиями того времени и отражали недовольство, потребности и чаяния данной группы населения. Иными словами, действия этой группы могли быть ограниченными и ставить своей целью смягчение тех или иных неблагоприятных экономических условий или же они могли быть сочетанием таких факторов с факторами более широкого характера.

Поэтому в дальнейшем мы не будем употреблять слово «чернь» в его уничижительном значении, вместо него мы воспользуемся словом «толпа».

В городах колониальной Америки, как и в городах Европы, существовала традиция активности толпы. По поводу характера этой активности среди историков

существуют разногласия. Одни из них утверждают, что она являлась следствием подлинного недовольства низших слоев населения и была направлена на достижение социальных реформ, другие считают, что она была безрассудной, зачастую определялась правящей элитой в ее собственных интересах и не имела ничего общего с начавшимся в 1765 году революционным движением¹⁴. Хотя последнее толкование имеет под собой известные основания, оно не учитывает того факта, что многие участники народных выступлений в революционную эпоху были причастны к событиям, происходившим в Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне в 50-х и в начале 60-х годов XVIII века, и что их объединило глубокое недовольство либо мерами британских властей, либо растущим неравенством материального положения в колониях, а также влиянием экономической элиты на политическую жизнь страны. Бунты зачастую происходили в дни выборов, когда мелкие лавочники, ремесленники и рабочие, вооружившись палками и камнями, шли к избирательным участкам, требуя предоставления им права голоса. Такие демонстрации сопровождались протестами, выражавшимися в литературной форме — прозе или стихах, например в таких, как:

Скоро выборы назначат,
Господа в каретах скачут,
Бедняков они не чтут:
Уготован им лишь труд¹⁵.

Бунты, вызванные насильственной вербовкой, которые происходили в десятилетия, непосредственно предшествовавшие революционному движению, вряд ли были «безрассудными», они скорее были вызваны подлинным недовольством масс. «Непосредственными жертвами насильственной вербовки,— писал автор одного из памфлетов в 1747 году,— были люди самого низшего сословия», их недовольство «переросло в негодование и безумие». По словам королевского губернатора Массачусетса Томаса Хатчинсона, «все слои населения возмущались [вербовкой], но самое низшее сословие было взбешено беспредельно»¹⁶. Участие в выступлениях народных масс после 1765 года именно людей из «низшего сословия» — матросов, рабочих и других жертв насильственной вербовки наряду с ремесленниками и мастеравыми указы-

вает на прямую связь дореволюционных «толп» с народными массами революционного периода. Как отмечает Джессе Лемиш, «когда американцы взялись наконец за оружие, чтобы защитить свои естественные права, их действия не были беспрецедентными, ибо среди них находились люди, поддерживавшие давнюю традицию сопротивления британской тирании силой»¹⁷.

Однако непосредственные действия «толпы» после 1765 года были лишь одной из форм деятельности политически сознательных революционеров. Вообще говоря, начиная с 60-х годов XVIII века и вплоть до завоевания независимости движение сопротивления британским властям использовало в качестве политического оружия угрозу применения насилия. При этом оно опиралось на широко распространенное представление о том, что прямые действия против несправедливых или произвольных актов со стороны властей являются законными. Однако движение сопротивления опиралось прежде всего на организованную политическую борьбу. Как отмечает Бернард Бэйлин, революционные мастеровые, ремесленники, матросы и рабочие, выступая и как бунтовщики, и более организованно, представляли собой «вполне зрелое политическое движение», которое было «политически эффективным»¹⁸. Именно такая политическая активность и встревожила пронципального консерватора, губернатора Морриса, который заявил на массовом собрании в Нью-Йорке, что «простонародье начинает думать и рассуждать»¹⁹.

Помимо районов табачных плантаций в Мэриленде и в Виргинии, где у плантаторов были особые причины участвовать в движении сопротивления, оппозиция против Великобритании в основном существовала в городах, где ее главными выразителями были общественные организации, получившие название «Сыны свободы». «Сыны свободы», опиравшиеся на мастеровых всех слоев, призывали массы к действиям путем организации демонстраций, сходок и распространения листовок. В некоторых крупных городах, особенно в Бостоне, была создана хорошо организованная система командования под руководством «Сынов свободы», которая могла мобилизовать массы без малейшего промедления.

Осенью 1765 года, когда был введен закон о гербовом сборе, «Сыны свободы» стали важным органом

революционной агитации. Вопрос о происхождении этого общества не вполне ясен. Возможно, оно явилось приемником политического клуба «Истинные сыны справедливой свободы», созданного в Коннектикуте в 1755 году для защиты гражданской и религиозной свободы²⁰. Не исключено также, что идея его создания была подсказана «Сынами Нептуна» — более ранней организацией моряков города Нью-Йорка²¹. Название «Сыны свободы» дал, вероятно, этой радикальной группе полковник Айсек Барре. В своем выступлении в палате общин Барре в ответ на утверждение, что жители американских колоний — всего лишь выходцы из метрополии и поэтому обязаны подчиняться всем и каждому из постановлений, которые она принимает по отношению к ним, заявил, что американские колонисты — самостоятельный народ, защищающий отдаленные границы британской империи, благородная группа людей, подлинные «Сыны свободы». Специальный уполномоченный коннектикутской ассамблеи в Англии Джерард Ингерсол, слышавший его выступление, сообщил о нем губернатору Томасу Фитчу²². С ростом в Америке оппозиции закону о гербовом сборе участники оппозиционного движения стали называть себя «Сынами свободы», чтобы отмежеваться от тех, кто занимал нейтральную позицию или поддерживал этот закон.

Движение «Сынов свободы» впервые возникло, по-видимому, в восточном Коннектикуте и быстро охватило Массачусетс и Нью-Йорк. Вскоре связанные с ним организации появились почти во всех колониях. Вначале они пытались действовать анонимно, но вскоре приняли название «Сыны свободы», которое к началу 1766 года уже стало употребляться повсеместно.

Хотя «Сыны свободы» охватывали людей различных профессий — мелких торговцев и даже местных чиновников, — рядовыми членами организации были мастеровые, подмастерья и ремесленники: плотники, столяры, печатники, судостроители, кузнецы, конопатчики, канатчики, камешники и т. п. Короче говоря, основное ядро организации составляли ремесленники²³.

Руководителями «Сынов свободы» были владельцы мастерских, купцы и люди, имевшие какую-либо профессию, многие из них в свое время сами были мастеровыми и привыкли общаться с ремесленниками и рабочими.

В основном это были люди со скромными средствами, не входившие в торговую элиту и не пользовавшиеся большим политическим влиянием. В Бостоне лидерами «Сынов свободы» были Сэмюэль Адамс²⁴, в прошлом пивовар, которого считали первым профессиональным политическим деятелем Америки и видным в колонии борцом за независимость, мелкий торговец Уильям Молино и врачи Джозеф Уоррен и Томас Янг. В Нью-Йорке движением «Сынов свободы» руководили капитаны Александр Макдугал и Айсек Сперз; мелкие торговцы Джон Лэмб, Фрэнсис Льюис, Маринус Уиллет и Джейкоб ван Зандт, а также адвокаты Эгберт Бенсон и Джон Слосс Хобарт. Руководителя «Сынов свободы» в Чарлстоне плантатора-торговца Кристофера Гэдслена называли южным двойником Сэма Адамса, в Филадельфии же «Сэмом Адамсом из города квакеров» прозвали лидера «Сынов свободы», владельца мастерской Чарлза Томсона. Руководителями «Сынов свободы» были также в Бостоне — 28-летний сапожник и кожевник Эбенезер Макинтош, в Нью-Йорке — автор популярных песен Абрахам Брэшер, в Чарлстоне — мастеровой Уильям Джонсон, а в Филадельфии — пивовар Тимоти Мэтлок. Именно на этих мастеровых руководители движения и возлагали задачу мобилизации его рядовых членов. В качестве связного между «Девяткой верных» — руководящей группой бостонской организации «Сынов свободы» и массами действовал Эбенезер Макинтош. Он жил в Саутенде, был членом пожарной команды № 9 и не раз возглавлял боевые действия саутендской «толпы». Он, видимо, знал о существовавших в то время движениях против тирании, ибо своего первенца назвал в честь корсиканца Паскаля Паоли, который сыграл решающую роль в ликвидации господства Генуи над Корсикой, в установлении просвещенного правления и в проведении реформ²⁵.

С развитием движения «Сынов свободы» возникла необходимость в центральном руководящем органе. Самым известным из таких органов была упоминавшаяся выше «Девятка верных» в Бостоне; в нее входили мастеровые, маляры, печатники и ювелиры. В 1767 году, когда «Девятка верных» была реорганизована в клуб «Норт энд кокас», большинство его членов все еще составляли мастеровые. Они не были ни бедняками, ни неимущими: среди них находились представители самых различных

профессий, типичных для городской ремесленной общины, — от плотника до золотых дел мастера и кожевника ²⁶.

Взаимоотношения руководства с рядовыми членами общества «Сыны свободы» были сложными, и об этой стороне революционного движения нам известно далеко не все. Известно только, что городские мастеровые не только не были «марионетками в руках» популярных лидеров, но и последовательно оказывали на них нажим и требовали решительных действий. Рядовые рабочие всегда были настроены более радикально, чем руководство, состоявшее из представителей различных профессий и купцов; они подталкивали вперед и руководство, и революцию. «Именно [рядовые] мастеровые, — отмечает Альфред Ф. Янг, — фактически сорвали действие закона о гербовом сборе, нашли способ добиться отказа от импорта, возглавили прямую борьбу против британской армии, дали силы, необходимые для осуществления «чаепитий», и в конечном итоге оказали нажим снизу в борьбе за независимость» ²⁷.

Этого нажима и следовало ожидать. Как мы уже видели, революционное движение обеспечило мастеровым возможность оказывать влияние на политическое движение того периода. В то же время оно открыло им путь к более светлому будущему благодаря бойкоту импортных товаров и вызванному им развитию отечественной промышленности. Как утверждает один из историков, революционные задачи рядовых представителей городского населения, участвовавших в движении сопротивления, отнюдь не были «революционными», поскольку цель их заключалась не в том, «чтобы переделать существующий социальный строй, а в том, чтобы более эффективно внедриться в него» ²⁸. Возможно, что это так, но «существующий социальный строй», который они имели в виду, был отнюдь не тем, какой существовал тогда, когда революционное движение стало развиваться. Они выступали не только против власти правительства, находившегося за три тысячи миль от них, но и против господства «респектабельных и солидных купцов». Не все руководители связывали эти два аспекта борьбы воедино, но, чтобы сохранить за собой поддержку мастеровых, они считали необходимым поддержать более радикальные требования, выдвигавшиеся мастеровыми. Те же руководители,

которые отказались примкнуть к ним, были оттеснены в сторону. По существу, в самый критический период, с 1774 по 1776 год, мастеровые приобрели столь влиятельную роль в этой группе, что их стали практически отождествлять с «Сынами свободы». Если же «Сыны свободы» начинали действовать чересчур осторожно и проявляли консерватизм, мастеровые использовали свое влияние вне рамок этой организации.

Это частично было вызвано тем, что мастеровые отвергали представление о себе как о «низких, подлых, жалких» людях, которым суждено оставаться в подчиненном положении в американском обществе. В 1776 году Джон Адамс в ответ на просьбу своей жены Эбигейл о том, чтобы патриоты уделяли дамам «особое внимание и заботу», высказал беспокойство высших классов по поводу роста классового сознания у низших слоев населения и задался вопросом о том, чем все это кончится, в следующих словах: «Нам сообщают, что наша борьба повсеместно ослабила узы правительства; что дети и ученики стали непослушны; в школах и колледжах происходят беспорядки; индейцы оскорбляют своих опекунов, а негры стали нагло вести себя по отношению к хозяевам»²⁹.

В течение нескольких десятилетий до 60-х годов XVIII века негры участвовали в различных выступлениях городских масс, в том числе и в бунтах против насильственной вербовки, а в революционное десятилетие они принимали участие в уличных боях народных масс. Для рабов и свободных негров, так же как и для контрактанных слуг, доступ во все революционные организации оставался закрытым³⁰.

Общество «Сыны свободы», как об этом свидетельствует его название, было исключительно мужской организацией, но с ней была связана родственная ей организация женщин-патриоток «Дочери свободы». Эти женщины, бойкотируя английские товары, претворяли в действие соглашения об отказе от импорта. Они популяризировали домотканую одежду под лозунгом «Лучше носить домотканое платье, чем потерять свободу!». Как главные потребители чая в колониях, женщины сыграли важную роль и в борьбе против «чайного закона»: «Дочери свободы» отказывались пить чай в любых обстоятельствах. Однажды, когда празднество, организованное

«Дочерьми свободы», было прервано человеком, поносившим революцию, женщины, следуя примеру масс, действовавших под руководством «Сынов свободы», схватили его, раздели до пояса и, за отсутствием смолы и перьев, вымазали патокой и вываляли в цветочном пуху³¹. В «Ньюпорт меркюри» от 9 декабря 1765 года вполне серьезно сообщалось, что, поскольку для брачных свидетельств требуются гербовые марки, «здешние молодые дамы твердо решили соединять свою судьбу только с теми, кто будет добиваться отмены обычая жениться с брачными свидетельствами».

«Дочери свободы» не ставили под вопрос обычай, согласно которому женщины не должны были появляться на общественных сборищах и выступать на них, однако против других обычаев они возражали и принимали гневные резолюции, осуждавшие парламент за то, что он препятствовал осуществлению американцами своих прав, и восхвалявшие деятельность «Сынов свободы». «Сыны свободы» с радостью принимали их помощь. «Если женщины на нашей стороне, мы можем заставить любого тори бояться нас», — заявляли они. Однажды бостонская организация «Сынов свободы» приняла резолюцию, в которой выражалась благодарность их союзницам в Провиденсе (штат Род-Айленд) за их твердую позицию по вопросу о защите прав американцев³².

Для всех консерваторов, а особенно для тори, «Сыны свободы» всегда были «чернью» — «сбродом шотландских, ирландских и иноземных бродяг», «потомками каторжников», «сквернословящими смутьянами, детищами раздоров и распрей»³³. Но такими эпитетами нельзя было запугать «Сынов свободы». Под злобными взглядами консерваторов «Сыны свободы», полные решимости скорее «сражаться по колена в крови», чем подчиняться тирании, шествовали в боевом порядке к «древу свободы» на общественные собрания с оружием в руках и висевшими у них на шее медалями, изображавшими «древо свободы». Они еженедельно устраивали в просветительных целях собрания в трактирах и тавернах, где для неграмотных зачитывали последние номера газет, памфлеты и листовки³⁴. На праздничных спевках они распевали революционные песни, предостерегая аристократов, что «отважатся освободиться» как от британской, так и

от местной тирании. В одной из этих песен, в частности, говорилось:

Тесней ряды, Сыны свободы!
Девиз наш: выше стяг держать
И для рабочего народа
Бесстрашно волю добывать.

Всю свору псов прогоним смело!
Вперед! Теперь иль никогда!
Мы стоим за наше дело,
Оковы сбросим навсегда!³⁶

Та же тема звучит в «Превосходной новой песне для «Сынов свободы» в Америке». Последние две строфы этой песни гласят:

Мы будем рыскать в поисках пищи,
Как лесные звери,
Мы будем селиться в пустынях и пещерах,
Будем жить в нищете, как Иов,
На самом краю света,
Но рабами не станем, нет, бравые ребята,
Рабами мы не станем.

Свое первородное право мы не продадим никогда.
Мы будем свято хранить его до могилы;
Нет, прежде чем сдаться,
Мы умрем славной смертью,
Ибо мы *не должны* быть и *не будем* рабами,
Бравые ребята,
Мы *не должны* быть и *не будем* рабами³⁶.

На своих празднествах «Сыны свободы» поднимали тосты за «естественные права человека» и другие революционные лозунги и заявляли, что «налогообложение без представительства — это тирания». Одним из самых популярных тостов был тост за «Уилкеса и свободу». Его провозглашали в честь Джона Уилкеса, члена парламента и редактора журнала «Норт Бритон». В 45-м номере этого издания от 23 апреля 1763 года Уилкес фактически назвал короля Георга III лжецом за то, что тот охарактеризовал мир, положивший конец Семилетней войне, как «почетный для моей короны и выгодный для моего народа». Критикуя это заявление как лживое, Уилкес намекнул, что одобрения этого парламентом удалось добиться только путем широкого использования гражданского листа в качестве взятки³⁷.

Король и его премьер-министр Джордж Гренвиль сразу же реагировали на это заявление. Уилкес был

заклучен на короткий срок в тюрьму, а затем выведен из членов парламента. 28 марта 1768 года благодаря поддержке лондонских купцов, представителей различных профессий и рабочих он решающим большинством голосов снова был избран в парламента. Однако на основании прежних обвинений его заставили отбыть в заключении 22 месяца. Находясь в тюрьме, Уилкес стал выразителем настроений всех жителей Лондона, недовольных правительственной политикой в Америке, а также других сил, противостоявших правительству, особенно рабочих³⁸.

В мае 1768 года вокруг тюрьмы Суда королевской скамьи, где находился Уилкес, собралась толпа рабочих. Охранявшие тюрьму войска начали, не имея на то ни малейшего повода, стрелять в толпу и убили шесть человек. Уилкес написал памфлет, в котором обвинил правительство в том, что оно умышленно устроило «бойню на Поле святого Георгия»³⁹. Уилкес, выведенный из парламента, переизбранный, снова выведенный и снова переизбранный, был не только опять исключен: когда его вновь избрали в парламента подавляющим большинством голосов, палата общин, объявив результаты выборов недействительными, предоставила свободное место его сопернику, потерпевшему на выборах серьезное поражение. Тем самым парламента продемонстрировал, что не считается с волей избирателей и может по своему усмотрению назначать любого на освободившееся место⁴⁰.

Стремясь поддержать Уилкеса, группа лондонских радикалов создала в феврале 1769 года организацию под названием «Общество сторонников билля о правах». В нее входили видные радикалы, в том числе известный проамериканский историк Кэтрин Собридж Макколей, которая переписывалась с Мерси Уоррен и в своих письмах решительно поддерживала борьбу американцев против британского правительства. Ее энергичная защита гражданских свобод в Америке казалась слишком радикальной даже большинству вигов. К. Макколей известна как первая женщина-историк, автор восьмитомной «Истории Англии», ставшей для республиканцев классическим трудом. В номере «Нью-Йорк джорнэл» от 15 февраля 1770 года было опубликовано письмо, в котором восхвалялась «написанная г-жой Макколей «История Англии», прославлявшая „Дочерей свободы“».

Под влиянием радикалов началась широкая кампания за подачу петиции. Поданная в ходе этой кампании петиция королю требовала отмены таких несправедливых мер, как ордера на задержание подозреваемых лиц, объявление Уилкеса вне закона и заключение его в тюрьму, чрезмерно широкое использование военной силы, нарушение прав избирателей и неправильное управление американскими колониями. Согласно данным, общее число людей, подписавших петицию, составило 60 тыс. человек, то есть свыше $\frac{1}{4}$ всех избирателей в Англии. Однако все их действия ни к чему не привели. Король отказался вмешаться в это дело, а правительство опиралось на солидное большинство как в палате лордов, так и в палате общин ⁴¹.

Интересно отметить сходство между движением в поддержку Уилкеса и «Обществом сторонников билля о правах», с одной стороны, и революционным движением и деятельностью «Сынов свободы» в Америке — с другой. В обоих случаях руководство находилось в руках торгового среднего класса и представителей различных профессий, тогда как рядовую массу составляли мастеровые и другие рабочие. В обоих случаях низшие классы заставляли руководителей народных масс идти по более радикальному пути, чем те сами того хотели. Во всяком случае, американцы, и в первую очередь «Сыны свободы», отождествляли дело Уилкеса со своим собственным. Разве противниками Уилкеса не были те же самые люди, которые приняли закон о гербовом сборе и Акты Тауншенда? «Сыны свободы» не только отождествляли свою собственную борьбу с борьбой Уилкеса, но и считали, что он будет стойко защищать их интересы в парламенте. В апреле 1768 года они писали ему: «Пусть вам удастся убедить Великобританию и Ирландию в Европе, британские колонии и плантации в Америке, что вы один из тех непоколебимо *честных людей*, которым предначертано небом благословить, а возможно, и спасти шатающуюся империю... Ваша упорная защита *старого правового дела* может еще предотвратить полный развал этой великой системы». В своем ответе Уилкес поддержал американцев:

Как член законодательного органа власти, я всегда буду уделять особое внимание всему, что ка-

сается интересов Америки, которые, я считаю, непосредственно связаны с нашим отечеством и исключительно важны как для него, так и для общего блага его великой политической системы.

Я считаю своим долгом не менее ревностно защищать не только права Англии, но и права Америки и одинаково возмущаюсь действиями угнетателей наших собратьев-подданных, будь то у нас в стране или по ту сторону Атлантики ⁴².

Непоколебимая поддержка Уилкесом американцев в их отношениях с британским правительством убедила многих из них в том, что они ведут общую с ним борьбу. Бостонский житель Уильям Пэлфри выразил эти настроения в письме Уилкесу от имени «Сынов свободы», в котором заявил, что *«Уилкес и Америка должны или устоять, или вместе пасть»* ⁴³.

После своего третьего изгнания из парламента в марте 1769 года Уилкес вновь выразил свое сочувствие американским патриотам, сообщив «Сынам свободы», что, если бы ему разрешили занять свое место в палате общин, он стал бы энергично добиваться отмены закона об обложении пошлиной бумаги, красок и других материалов. Он назвал пошлины, введенные Актами Тауншенда, «абсолютно несправедливыми, неконституционными, прямым нарушением великих вековых принципов британских свобод» ⁴⁴.

«Сыны свободы» выражали восхищение своим собратом по оружию самыми различными способами, в том числе и устройством пышных банкетов, на которых демонстрировали свою солидарность с ним. Типичным в этом отношении явилось организованное «Сынами свободы» в Южной Каролине в апреле 1770 года гражданское празднество в ознаменование годовщины освобождения Уилкеса из тюрьмы. Звонили колокола, развевались знамена, стреляли пушки и было иллюминировано более 400 домов, чтобы показать, как писала «Сауз Каролина газет», «какое уважение мы питаем к тем, кто страдает во имя свободы». Членам общества «Сыны свободы» была подана на стол черепаха весом в 45 фунтов, после чего было произнесено 45 тостов. Банкет закончился в 0 часов 45 минут. Все это было устроено в честь знаменательного 45-го номера газеты Уилкеса ⁴⁵.

«Сыны свободы» завалили Уилкеса подарками и собрали средства, чтобы помочь ему уплатить долги. «Общество сторонников билля о правах», которое получило эти средства, направило благодарственное письмо организации «Сынов свободы» в Чарлстоне, где было собрано 1500 ф. ст. «В этой и в любой другой конституционной борьбе по обе стороны Атлантики, — заявило общество, — мы хотим действовать заодно с вами и готовы как оказывать, так и получать помощь»⁴⁶.

В Ирландии, в Дублине, была создана группа «Сынов свободы», которая оказывала американцам моральную и финансовую поддержку и провозглашала тосты за «Сынов свободы во всем мире». Редактор ирландской газеты «Фрименс джорнэл» Чарлз Лукас, переписывавшийся с бостонской организацией «Сынов свободы», подчеркивал общность тяжелого удела Америки и Ирландии⁴⁷.

В 1768 году «древо свободы» в Провиденсе было посвящено *«всем подлинным СЫНАМ СВОБОДЫ в Америке, Великобритании, Ирландии, на Корсике и повсюду в мире, где бы они ни находились»*⁴⁸.

В Англии рабочие особенно горячо реагировали на призывы своих американских братьев и сплачивались, чтобы поддержать их. В «Обращении моряка», песенке английских матросов, популярной в 70-х годах XVIII века, говорилось:

Слушай мой призыв к брату и другу,
Прислушайтесь к моей песне, доблестные моряки,
Мы и сами сыны свободы, так пусть же мы будем
Не только храбрыми, но и справедливыми
И не посягнем на свободу Америки.

Тверды, как сталь, наши сердца,
Источник нашей славы.
Так держать, ребята!
Мы все будем готовы
Сражаться со всеми нашими врагами,
Но не поработать своих друзей!

Подлинную славу в таком споре не завоеешь.
Если мы покорим Новую Англию,
Старая Англия погибнет,
И мы лишь поможем надеть оковы на своих братьев,
Ибо в их жилах течет горячая британская кровь!⁴⁹

Английские ткачи, моряки, портные и горняки призывали «Сынов свободы» и впредь соблюдать соглашения

о бойкоте импортных товаров, даже если и придется страдать от безработицы и голодать. Они призывали американских «Сынов свободы» не сдаваться, заявляя: «Вам надо лишь стоять на своем, и тогда вы сохраните и свои собственные свободы, и свободы Англии»⁵⁰.

И, как мы увидим, те действительно «стояли на своем»!

* *
* *

В последующих главах будет рассмотрен вопрос о движении городских рабочих, особенно в тех четырех городах, которым суждено было сыграть решающую роль в приближении революции, — в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Чарлстоне. Мы не станем романтизировать это движение, ибо в некоторых общинах «Сыны свободы» относились безразлично к положению других представителей низших сословий, участвовавших в этой борьбе. Кроме того, политическое развитие этой организации проходило во всех колониях неодинаково как в отношении численности ее членов, так и в идеологическом плане. Одни организации были более передовыми, другие в течение долгого времени отставали от них.

Тем не менее, несмотря на все эти оговорки, остается непреложной та истина, что именно «Сыны свободы», а особенно входившие в их число мастеровые и ремесленники, с помощью таких союзников, как рабочие и матросы, усиливали борьбу в течение этих десяти лет и обеспечили организацию и людские резервы, необходимые для осуществления перехода от сопротивления к борьбе за независимость.

3. КРИЗИС В СВЯЗИ С ЗАКОНОМ О ГЕРБОВОМ СБОРЕ

После 1760 года в большинстве колоний постепенно приходил конец экономическому процветанию, вызванному Семилетней войной. Появились симптомы экономического кризиса, который к 1763 году превратился в настоящую экономическую депрессию.

Именно в это время британское правительство стало проводить через премьер-министра Джорджа Гренвиля новую политику более жесткого имперского контроля. Столкнувшись с необходимостью защищать только что завоеванную Британией после поражения французов империю в Америке, британское правительство решило дислоцировать в Новом Свете 10-тысячную регулярную армию. Было подсчитано, что для содержания такой армии потребуется около 350 тыс. ф. ст. в год. Гренвиль утверждал, что не менее трети этой суммы должно поступать от колоний, и по его предложению были приняты два закона: сахарный акт 1764 года и закон о гербовом сборе 1765 года.

В преамбуле к новому «сахарному акту», который должен был заменить собой «паточный акт» 1733 года, говорилось: «Справедливо и необходимо, чтобы в доминионах вашего величества в Америке доходы были обеспечены». Этим актом предусматривалось повышение пошлин на весь белый сахар, ввозимый из Вест-Индии, запрещался оттуда же импорт рома и снижалась с 6 до 3 пенсов за галлон только пошлина на импортную патоку, которая считалась все еще чрезмерно высокой¹. Если пошлина на сахар имела сравнительно малое значение (поскольку сахар ввозили в небольшом количестве), то с пошлиной на патоку дело обстояло иначе. Из Вест-Индии в колонии, главным образом в Новую Англию, ввозили миллионы галлонов патоки. Здесь ее использовали для производства рома, который обменивали на рабов из Африки. Затем рабов доставляли через Атлантику в Вест-Индию, где их продавали за звонкую монету и кредитные билеты, которые в свою очередь

использовали для закупки английских промышленных товаров. Таким образом, «сахарный акт» наносил ущерб работорговле, на которую в значительной степени опиралась экономика Новой Англии. Многие рабочие колоний работали на винокуренных заводах и в транспортных конторах. Этот акт привел также к сокращению и без того ограниченного запаса звонкой монеты в Новой Англии и способствовал тому, что экономическая депрессия в колониях стала усиливаться еще больше.

Чтобы получить остальные средства, необходимые для содержания в колониях армии, Грэнвиль добился принятия в марте 1765 года закона о гербовом сборе, который должен был вступить в силу 1 ноября. Согласно этому закону, все жители Америки должны были уплачивать гербовый сбор в сумме от полпенса до 20 шиллингов за все периодические издания, брошюры, коммерческую бумагу и юридические документы. Кроме того, этот закон резко ограничивал возможности владельцев мастерских использовать рабочую силу. Согласно закону, за каждый контракт о найме взимался налог в размере 2 шиллингов и 6 пенсов и устанавливалась оплата гербового сбора в сумме 7 ф. ст. по всем соглашениям с учениками. Помимо увеличения расходов по всем деловым операциям, этот закон выкачивал из колоний много звонкой монеты, так как все налоги должны были уплачиваться серебром. Наконец, он наносил удар по одному из политических институтов, которым очень дорожили в Америке,— по праву самообложения налогами. Большинство колонистов считали, и многие авторы утверждали, что закон о гербовом сборе противоречит конституции².

В том же 1765 году парламент принял Акт о расквартировании. Этот акт, предложенный командовавшим британскими войсками в Северной Америке генералом Томасом Гейджем, предусматривал, что повсюду, где это возможно, британские королевские войска должны размещаться в колониальных казармах за счет колоний или, в случае необходимости, на постоянных дворах, в копышнях, в пивных, в пустующих зданиях, амбарах и надворных постройках за счет самих солдат. Войска, расквартированные в казармах, следовало обеспечивать дровами, свечами, уксусом, солью и постельными принадлежностями, а также слабым пивом, сидром или разбавленным ромом.

Выдвинутая Гренвилем финансовая программа вызвала возмущение почти у всего населения колоний. Джеймс Отис в 1764 году в своей книге «Права колоний защищены и доказаны» писал, что «сахарный акт» заставил «людей за шесть месяцев думать больше, чем они думали за всю свою жизнь»³. Закон же о гербовом сборе вызвал такое озлобление, что стал центральным моментом в сопротивлении всей программе Гренвиля. Оппозиция этому закону принимала самые разнообразные формы. Жители городов в своих резолюциях заявляли о нарушении конституционных прав англичан. Девять провинций послали своих делегатов на межколониальный конгресс, созванный в связи с законом о гербовом сборе в середине октября 1765 года и заседавший свыше двух недель. В разработанных конгрессом декларациях утверждалось, что американцы имеют право «на все неотъемлемые права и свободы... подданных Королевства *Великобритании*», что одним из основных прав англичан является свобода от всех налогов, введенных без их согласия; что американцы не представлены и не имеют возможности быть представленными в парламенте; что закон о гербовом сборе отражает, таким образом, «явную тенденцию нарушать права и свободы колонистов» и, наконец,

что безотлагательной обязанностью этих колоний по отношению к лучшему из монархов, к своей отчизне и к себе самим является попытаться, посредством лояльного и почтительного обращения к его величеству и покорного ходатайства перед обеими палатами парламента, добиться отмены этого закона об установлении и применении некоторых гербовых сборов⁴.

Пока города и конгресс подавали петиции, другие силы действовали. Они бойкотировали английские товары, перестали выпускать газеты и отказывались от всякой коммерческой деятельности. Так поступали купцы и адвокаты, в основном консерваторы и умеренные. Ремесленники же, мастеровые, рабочие и моряки — радикалы — предпочитали последовательно и упорно проводить кампанию против чиновников, претворявших этот закон в жизнь, и настаивали на том, чтобы продолжать «вести дела как обычно», без гербовых марок. Более того, они заявляли, что, если слова ни к чему не приведут,

необходимо будет прибегнуть к насилию. «Весь народ, — докладывал генерал Гейдж министру Конуэю, — объединился для противодействия исполнению закона о гербовом сборе... Разногласия касаются только средств, которые надлежит применять. Часть народа склонна обходить закон путем открытого применения силы и насилием, другая же, лучшая часть — путем уверток, утверждая, что марки невозможно достать, и прибегая ко всяким другим предложениям, чтобы создать хотя бы впечатление законности своих действий»⁵. Теми, кто хотел бы в случае необходимости «обходить закон путем открытого применения силы и насилием», были радикалы; организацией же, через которую они действовали почти во всех колониях, были «Сыны свободы».

Пример в этом отношении показали бостонские «Сыны свободы» 14 августа 1765 года — в день, который стал впоследствии праздноваться как «счастливый день, когда Свобода пробудилась от долгого сна»; когда, как отмечал Сэм Адамс, «народ поднял голос, и голос его был услышан в самых отдаленных уголках континента»⁶. Утром этого знаменательного дня на одном из деревьев на Ньюберри-стрит было повешено чучело уполномоченного по распространению гербовых марок в Массачусетсе Эндрю Оливера. Вечером группа членов организации «Сыны свободы» (в нее входили главным образом ремесленники и рабочие) прошла по улицам Бостона и разрушила небольшое строение, в котором, как сообщалось, должны были продаваться марки. Она обезглавила также чучело Оливера и сожгла его под деревом, которое месяц спустя, 11 сентября 1765 года, стали называть первым в Америке «древом свободы». После того как некоторые «влиятельные люди» удалились, «Сыны свободы» во главе с сапожником Эбенезером Макинтошем ворвались в дом Оливера и, как сообщал один из свидетелей, «нанесли ему ущерб, но не такой значительный, как можно было ожидать». Увидев столь ощутимые доказательства настроений народа, Оливер объявил, что намерен отказаться от своего поста, что он на следующий же день и сделал⁷.

Демонстрация 14 августа явилась лишь прологом более решительных действий. 26 августа взбудораженная толпа матросов и портовых рабочих сровняла с землей помещение таможни и дом губернатора штата Томаса

Хатчинсона. Говорили, что Хатчинсон, олицетворявший аристократическую правящую клику Массачусетса, побуждал британские власти принять закон о гербовом сборе, заверяя их, что это «легкий способ одурачить людей, лишив их свободы и имущества»⁸. Почти все ценные вещи в особняке Хатчинсона были уничтожены, а многие дорогие предметы похищены⁹.

Буйное поведение толпы 26 августа 1765 года привело консерваторов в ужас. Даже граждане Бостона приняли на своем городском собрании резолюцию, осуждавшую ее действия. Макинтош был арестован за участие в демонстрации, но его сразу же освободили: Сэм Адамс заявил шерифу, что, если Макинтоша не освободят немедленно, следующей ночью ни один человек в Бостоне не станет нести караульную службу. Разумеется, Адамс говорил от имени «Сынов свободы»¹⁰.

После того как перепуганный насмерть Хатчинсон бежал, контроль над городом взяли в свои руки «Сыны свободы». 1 ноября, когда закон о гербовом сборе должен был вступить в силу, суды и коммерческие предприятия возобновили нормальную деятельность без гербовых марок. Для Адамса и «Сынов свободы» все, кроме полного возобновления деловых операций без гербовых марок, означало бы безмолвное признание действительности закона о гербовом сборе, и они сумели убедить купцов и адвокатов, что наиболее эффективным является именно такой курс¹¹.

5 ноября, в день памяти Гая Фокса, толпы рабочих во главе с Макинтошем снова провели демонстрацию протеста против закона о гербовом сборе. Участники процессии пронесли по городу чучела, изображавшие «тиранию, рабство и угнетение», и ночью сожгли их. 17 декабря по всему Бостону были расклеены следующие объявления:

Стоп! Стоп! *Нет.*

Вторник, 17 декабря 1765 года

Подлинных *сынов свободы* приглашают собраться сегодня в 12 часов под «древом свободы», чтобы услышать публичное заявление под присягой об уходе в отставку эсквайра Эндрю Оливера, уполномоченного по распространению марок в провинции Массачусетс...

Уход в отставку? Да! ¹²

Поскольку первое заявление Оливера об уходе в отставку сочли неискренним, от него потребовали такого же вторичного заявления. Макинтош, шествуя по улицам Бостона во главе процессии «Сынов свободы», матросов, негров и слуг, привел уполномоченного по распространению гербовых марок к «древу свободы». Здесь в присутствии двух тысяч человек Оливер отказался от своей должности и поклялся, что «никогда больше прямо или косвенно, сам или через кого-либо из своих подчиненных не использует своих полномочий и не будет принимать никаких мер для проведения в жизнь в Америке закона о гербовом сборе»¹³.

Поскольку «краеугольным камнем политики Сэма Адамса» было стремление «сделать фермеров такими же ревностными «Сынами свободы», какими были мастеровые и портовые рабочие Севера», бостонские «Сыны свободы» использовали страницы местных газет для ознакомления сельских радикалов с событиями, происходившими в столице. Несмотря на извечную подозрительность жителей сельских районов по отношению к бостонцам, городским ремесленникам и мастеровым удалось установить союз с массачусетскими фермерами. Об их успешной деятельности свидетельствовало то, что сельские «Сыны свободы» в каждом городе принимали резолюции, направленные против закона о гербовом сборе, закрывали официальные суды и повсеместно сажали «древо свободы»¹⁴.

Некоторое время спустя «Бостон газет» похвасталась, что «„Сыны свободы“ разбудили дух Америки», потребовав и добившись отставки Эндрю Олпвера с поста уполномоченного по распространению гербовых марок, ибо их примеру вскоре последовали и соседние колонии¹⁵. Во время демонстрации в Ньюпорте (штат Род-Айленд) 27 августа «Сыны свободы» пронесли по улицам города три чучела с петлями на шее и повесили их на сколоченной для этого случая перед зданием суда виселице. Качавшиеся на ветру чучела изображали Огастеса Джонстона, уполномоченного по распространению гербовых марок в Род-Айленде, сборщика таможенных пошлин и владельца газетной типографии, выступавшего в поддержку закона о гербовом сборе¹⁶. Джонстон немедленно покинул город, но толпа разнесла его дом, дабы напомнить ему, что, когда он вернется, ему лучше сразу

же отказаться от своего поста. Джонстон так и поступил, но лишь после того, как отдал все гербовые марки на хранение на военный корабль «Сигнет». Его поступок убедил ньюпортских «Сынов свободы» в том, что Джонстон намерен остаться на своем посту, несмотря на публичное заявление об уходе в отставку. Поэтому в Ньюпорте на видном месте была расклеена листовка, в которой говорилось, что жизнь уполномоченного «будет не многого стоить в Ньюпорте, если он попытается распространять марки», а если сборщик таможенных пошлин откажется давать разрешение на выход из порта любого судна «без гербовых марок... он будет безжалостно изгнан из города». Наконец, любой торговец, который будет употреблять документы с гербовыми марками, «навлечет на себя крайнее неудовольствие с нашей стороны»¹⁷.

Этих предостережений оказалось вполне достаточно. Джонстон ясно заявил, что, как он понимает, продажа бумаг с надлежащими гербовыми марками означает «опасность для его жизни и имущества». После этого деловые операции в Ньюпорте, как и в Бостоне, стали осуществлять как обычно — без оплаты гербового сбора¹⁸.

В Провиденсе, как и в Ньюпорте, «Сыны свободы» вынудили уйти в отставку чиновников, которые, как подозревали, готсвились к распространению гербовых марок. Более того, «Сыны свободы» в Ньюпорте и Провиденсе, действуя совместно, добились того, что ассамблея заняла по отношению к закону о гербовом сборе более твердую позицию, чем любая другая ассамблея на Американском континенте. В принятой ассамблеей резолюции говорилось,

что жители этой колонии не обязаны подчиняться любому закону или указу, направленному на обложение их какими-либо дополнительными налогами, кроме законов или указов Генеральной ассамблеи... Что все должностные лица этой колонии, назначенные ее властями, должны, как им настоящим предписывается, продолжать выполнять свои обязанности как обычно. И что настоящая ассамблея полностью возместит всем указанным должностным лицам убытки и обеспечит их безопасность,

если их поведение будет соответствовать требованиям этой резолюции¹⁹.

В результате торговля в Род-Айленде продолжалась бесперебойно без оплаты гербового сбора.

Услышав о бурных событиях в Бостоне и Ньюпорте, Джеймс Макэверс, назначенный уполномоченным по распространению марок в Нью-Йорке, не стал дожидаться, когда ему предложат отказаться от этого поста. Макэверс был лавочником и имел запасы таких разнообразных товаров, как вино, фарфор, трикотаж и обувь, на сумму около 20 тыс. ф. ст. Он сразу же заявил британскому казначейству, что «население разнесет в пух и прах» всю его лавку, если он немедленно не откажется от своей должности²⁰. После его ухода в отставку претворение в жизнь закона о гербовом сборе было возложено на вице-губернатора Кэдуоллейдера Колдена, человека, который и так уже вызвал к себе своим самоуправством всеобщую ненависть²¹. «Меня не запугаешь», — заявил Колден, узнав об отставке Макэверса²². Он немедленно приказал укрепить Форт-Джордж, направив туда пушки, гаубицы и морскую пехоту. Он позаботился оповестить население об этих подкреплениях, чтобы «Сыны свободы» поняли, насколько неразумно с их стороны было бы пытаться последовать примеру своих братьев в Бостоне. Затем, под покровом ночи, марки были вывезены с корабля, стоявшего в гавани, и доставлены под охраной в Форт-Джордж. Наконец, Колден публично поклялся провести в жизнь закон о гербовом сборе²³.

На следующий день по всему городу были расклеены плакаты²⁴. Один из плакатов висел целый день в кофейне, а вечером еще один плакат был доставлен в форт. Он был обращен к вице-губернатору Колдену и подписан «Нью-Йорк». В этом плакате Колдена называли «главным убийцей прав и привилегий народа», поскольку он поклялся поддерживать закон о гербовом сборе. Его участь, было написано в плакате, решена, если он не заявит в тот же вечер, что не предпримет ничего для осуществления этого закона в жизнь. Что касается применения военной силы для подавления всяких беспорядков, то

если вы осмелитесь применить такие смертоубийственные меры, то навлечете горе на свою седую голову и сведете себя в могилу; вы падете жертвой собственного злодейства и будете повешены, подобно (sic!) Портеру, на дорожном столбе в назидание всем коварным губернаторам, причем каждый, кто будет вам помогать, поплатится за это жизнью²⁵.

В тот вечер, 1 ноября, процессия, в которой участвовало 500 матросов, 300 плотников, множество других рабочих и сотни людей, прибывших из ближайших сельских районов, прошла по улицам Нью-Йорка. Во главе процессии шел матрос; он нес на голове стул, на котором восседало бумажное чучело Кэдуоллейдера Колдена. Толпа разделилась на две группы: одна направилась на Поля и стала там сооружать переносную виселицу для чучела Колдена, «величайшего обманщика человечества», а вторая двинулась в Форт-Джордж. Подойдя к стене форта, толпа стала высмеивать власти и требовать выдачи ей марок. Гарнизону форта было приказано не стрелять. Это решение оказалось благоразумным, ибо, как отмечал корреспондент «Нью-Йорк газет энд уикли пост-бой», толпа, если бы ее «не сдерживали некоторые гуманные люди, имевшие на нее влияние, несомненно, захватила бы форт, поскольку, как мне сообщили, в ней находились 400—500 матросов и много других не менее бесстрашных людей, знакомых с военным делом»²⁶.

Участники демонстрации, отказавшись от попытки захватить форт, направились на Поля, чтобы примкнуть к другой группе. Разграбив каретный сарай Колдена и захватив его карету и двое саней, обе группы двинулись по направлению к Баулинг-Грин, где они использовали эти экипажи для разжигания огромного костра, чтобы предать огню чучело Колдена. Затем они начали громить Воксхолл, резиденцию британского офицера майора Джеймса, открыто угрожавшего «засунуть эти марки [народу] в глотки острием своей шпаги». Его дом был полностью разрушен. Столы, стулья, конторки, сундуки, комоды, одежда, кровати — «все, что могло гореть», полетело в костер. Когда все было закончено, на месте, где находился Воксхолл, остался только его остов. Корреспондент «Нью-Йорк газет» писал: «Все эти разрушения

были завершены к двум часам дня, и каждый акт уничтожения имущества этого несчастного джентльмена рассматривался как жертва во имя свободы... Были захвачены и торжественно унесены многие военные трофеи, в том числе даже знамена королевского полка»²⁷.

Большинство историков приводят бунты, происходившие в Нью-Йорке 1 ноября и закончившиеся разрушением Воксхолла, в качестве примера того, что «безрассудной толпой», как марионетками, управляли люди, стремившиеся добиться цели, которую «чернь» вряд ли даже понимала. Хотя и верно, что «внезапная вспышка насилия» испугала купцов и землевладельцев, сопротивлявшихся введению в силу закона о гербовом сборе, и убедила большинство из них не иметь ничего общего с «людьми, которые готовы поставить под угрозу безопасность города, чтобы сорвать закон о гербовом сборе»²⁸, большинству очевидцев было ясно, что, осуществляя эти акции, толпа действовала отнюдь не «безрассудно». Как указывает Джессе Лемипш, когда руководители утратили контроль над ходом событий, «как это, по мнению всех свидетелей, и случилось в ночь на 1 ноября», толпа «не приступила к бесцельным и безрассудным грабежам», и никто не был убит или ранен. По существу, толпа «со всей яростью стала бороться за достижение политических целей».

Хотя они находились в центре города, в середине богатого, подходящего для разграбления района, они предпочли организованно пройти через весь город, от здания муниципалитета до реки Гудзон, чтобы наброситься на Томаса Джонса, ставшего по логике вещей их политическим козлом отпущения. Они считали свое нападение на принадлежащее ему имущество «жертвой во имя свободы» — именно так и можно охарактеризовать все происходившее в тот вечер. Все их действия совершались, как справедливо было бы сказать, самым благопристойным и добропорядочным образом²⁹.

Какой бы внушительной ни была демонстрация 1 ноября, гербовые марки все еще оставались в руках представителей власти. «Сыны свободы» были твердо намерены заставить правительство отступить от них. 2 ноября Айсек Сьерз призвал народ не слушать тех, кто убеж-

дал действовать только мирным путем. «Мы должны иметь эти марки,— уверенно заявлял он,— и будем их иметь через 24 часа». Он советовал тем, кто поддерживал контакт с вице-губернатором Колденом, рекомендовать ему «отослать все марки из форта жителям города»³⁰.

Тем временем демонстранты стали разбрасывать у ворот форта и расклеивать у кофейни листовки, предупреждавшие Колдена, что его жизнь будет зависеть от того, какие усилия он приложит, чтобы добиться отмены закона о гербовом сборе, и от его четкого клятвенного заверения, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не станет «поддерживать закон о гербовом сборе или какие-либо его положения или способствовать его проведению в жизнь». Когда стало известно, что издатель «Нью-Йорк газет энд уикли пост-бой» Джон Холт собирается «остановить свой печатный станок исключительно из-за страха перед ожидаемым законом», к его дверям была подброшена записка следующего содержания: «Если ты в этот критический момент остановишь печатный станок и подло покинешь нас, то учти — твоему дому, тебе самому и всему твоему имуществу грозит неминуемая опасность. Поэтому мы будем ждать твою газету, как обычно, в четверг»³¹.

Холт учел это предостережение и напечатал «Нью-Йорк газет» на обычной, не оплаченной гербовым сбором бумаге. После угрозы нового нападения на Форт-Джордж и следуя совету генерала Гейджа, муниципалитета, адвокатов и купцов, Колден наконец уступил. В конце концов ему пришлось передать марки городским властям, и 5 ноября они были сданы на хранение в муниципалитет. Корабль, на котором марки были доставлены в Нью-Йорк, отправился обратно в Англию с известием о том, что «Сыны свободы» заставили вице-губернатора отдать марки после того, как уполномоченный по продаже марок был вынужден отказаться от своего поста³².

Хотя Макэверс ушел в отставку в августе, уполномоченным по гербовым сборам в Англии стало известно об этом лишь после того, как они отправили ему поручение о продаже марок. Поэтому 30 ноября представители «Сынов свободы» посетили Макэверса, чтобы выяснить, намерен ли он продолжать выполнять свои обязанности. Несколько дней спустя насмерть перепуганный Макэверс в присутствии двух руководителей «Сынов свободы», Айсе-

ка Сиерза и Джозефа Алликоче, вторично заявил об уходе со своего поста³³. Когда прибыл Питер Делэнси, назначенный уполномоченным по распространению марок в Канаде и в Новой Шотландии, короткой беседы между ним и представителями «Сынов свободы» оказалось достаточно, чтобы убедить и его отказаться от своих новых обязанностей. Тем временем уполномоченный по распространению марок в Мэриленде Захария Худ бежал в Нью-Йорк, где ему была обещана защита со стороны Колдена. Около сотни «Сынов свободы» отправились во Флашинг (Лонг-Айленд), где Худ нашел себе прибежище. Он поспешно отказался от своего поста и, как от него потребовали, дал перед судом «искреннюю клятву». Группа «Сынов свободы» вернулась в город с триумфом, неся флаг, на котором было начертано: «Свобода, собственность, никаких марок». Прежде чем организовать празднества в городе, они заставили уйти в отставку инспектора по гербовым сборам, прятавшегося на недавно прибывшем туда корабле.

В Балтиморе «Сыны свободы» публично выразили благодарность нью-йоркским «Сынам свободы» за их выступления против Худа. Газета Джона Холта, страницы которой были теперь полностью доступны «Сынам свободы», поместила следующее сообщение:

«СЫНАМ СВОБОДЫ» В НЬЮ-ЙОРКЕ

Приветствие

Мы, ваши братья, от своего имени и от имени многих других от всего сердца передаем вам величайшую и искреннюю благодарность за бдительность, проявленную вами при задержании Захарии Худа, уполномоченного по распространению марок в этой провинции, и за то, что вы заставили его осознать свое предательство по отношению к своей стране и на основании клятвы, данной им перед судом, отказаться от его презренных обязанностей³⁴.

Хотя уполномоченных по гербовым сборам, которых можно было заставить отказаться от своих обязанностей, уже не осталось, сами марки еще сохранялись, правда недолго: 35 из 40 солдат милиционной армии, охранявших марки в здании муниципалитета, проголосовали за то, чтобы сжечь эти «омерзительные бумажки»³⁵.

Таким образом, «Сынам свободы», при значительной поддержке рабочих масс, удалось не только предотвратить применение гербовых марок после того, как они были переданы на берег, но и уничтожить их, а также добиться отмены должностей уполномоченных по распространению марок, которым надлежало ввести этот закон в силу. Во многих случаях они осуществляли свою деятельность в условиях номинальной секретности, прикрываясь такими названиями, как «Vox Populi» («Глас народа»), но все знали, что под этим названием действуют «Сыны свободы». В начале января 1766 года эта организация вышла из подполья, и об ее собраниях регулярно сообщали газеты ³⁶.

Тем временем адвокаты и купцы, стремясь добиться от парламента отмены закона о гербовом сборе, боролись против него собственным осторожным способом — бойкотом импортных товаров и прекращением деловых операций. Состоятельные импортеры могли позволить себе выжидать в бездействии «или даже извлекать выгоду из искусственно созданной такой ситуацией монополии». Розничным же торговцам, не обладавшим значительным капиталом, угрожала опасность потерять свои предприятия, а ремесленники, мастеровые, поденщики и матросы оказались безработными. Нью-Йорк еще не оправился от последствий послевоенного спада деловой активности, когда «сахарный акт» и закон о гербовом сборе ввергли его в депрессию. Но мастеровые, рабочие и матросы просто не в состоянии были ждать, пока парламент примет меры, — им необходима была работа. Поэтому они призывали «Сынов свободы» предпринять что-либо для возрождения нормальной деловой жизни. Не они одни обращались за помощью к «Сынам свободы». Поскольку в Род-Айленде торговля продолжалась как обычно, без марок, «Сыны свободы» из Провиденса вправе были упрекнуть своих нью-йоркских товарищей, заявив: «Заслуживает сожаления, что в некоторых колониях, разделявших наши настроения, коммерческая деятельность не прерывалась» ³⁷.

26 ноября нью-йоркские «Сыны свободы» приступили к действиям. Было создано собрание свободных землевладельцев, свободных граждан и постоянных жителей, «великим назначением» которого должно было стать «возрождение деловой жизни». Консервативные и

умеренные элементы после безуспешных попыток предотвратить собрание, срывая оповещавшие о нем объявления (которые «Сыны свободы» сразу же заменяли), решили захватить в свои руки контроль над ходом собрания. Организаторы собрания написали обращение к членам городской ассамблеи, в котором выразили свое глубочайшее уважение к парламенту. Наряду с этим они подчеркнули, что считают своим непреложным долгом, исходя из «всех священных обязательств, сопротивляться и принимать ответные меры против причиненного ущерба, ибо мы делаем это не только ради себя, но и ради будущих поколений». Отмечая необходимость объединенных действий против закона о гербовом сборе, авторы обращения призывали депутатов разрешить вести торговлю как обычно, без оплаты гербового сбора. «Бизнес без марок. Теперь или никогда!»³⁸

Прибегая к ловкому маневру, представители богатых купцов и адвокатов заменили предлагавшееся обращение резолюцией, призывавшей добиваться отмены закона о гербовом сборе путем подачи петиций королю и парламенту. Однако в этой резолюции имелся весьма существенный недостаток: в ней ничего не говорилось об устранении препятствий, затрудняющих осуществление деловых операций, а посему это не то, что нам сейчас больше всего нужно». То, «что больше всего нужно было «Сынам свободы», было не тем, чего хотели богатые люди. К тому же последние были возмущены самонадеянной, как они считали, попыткой Сиерза и его «Сынов свободы» диктовать свою волю тем, кто издавна правил этой провинцией так, как хотел³⁹.

Инициаторы собрания отмечали, что, «хотя предлагавшееся ими обращение было «отклонено», сотни людей в городе одобряют его и готовы подписаться под ним»⁴⁰. Кое-кто из этих людей выразил это одобрение публично. 19 декабря некто, подписавшийся «Свободный гражданин», жаловался в газете Холта: «Все наши деловые операции любого рода прекращены; наши суда, готовые выйти в море, блокированы в портах, будто осаждены врагом; огромное множество наших бедняков и матросов не имеют ни работы, ни какой-либо поддержки». Зачем же им тогда, спрашивал автор статьи, и впредь подчиняться требованиям закона о гербовом сборе, полнейшую неконституционность которого признают все? Не

собирается ли парламент считать американцев «стадом жалких презренных подонков», у которых не хватает мужества защищать свои права? 27 декабря некто, подписавшийся «Филолютерус», развил эту мысль дальше в письме, заполнившем всю первую страницу газеты Холта. Хотя соглашение о бойкоте и было полезным в качестве «временной меры», утверждал он, продлевать его действие было бы неразумно, ибо «если нам придется и впредь воздерживаться от деловых операций, пока закон о гербовом сборе не будет отменен или пока мы не узнаем о решении, принятом по нашим петициям судом Великобритании, то совершенно очевидно, что ничего более абсурдного быть не может, ибо, в каком бы свете мы ни рассматривали такую политику, она чревата самыми пагубными последствиями». Такой способ борьбы против закона о гербовом сборе не только представлял собой, по мнению автора письма, «рабское подчинение» явно неконституционному закону, но и был непоследователен. Сначала американцы вынудили уполномоченных по распространению марок уйти в отставку, а затем они стали противоречить самим себе, прекратив всякие деловые операции и безмолвно признав тем самым действительность этого закона. Такая политика — не только «подлейшая трусость», писал он, — она к тому же и бессельна. «Мы несколько месяцев домогались свободы, но, столкнувшись с испытанием, самым позорным образом отступаем, и все наше мужество улетучивается как дым».

Англичанам, писал он далее, надо показать, что «ничто никогда не заставит соблюдать этот закон, кроме грубой силы», которую они никогда не осмелятся применить. Однако такую тактику можно использовать только в том случае, если считать этот закон «абсолютно недействительным и вести себя во всех отношениях так, будто он не существует вообще».

Давайте проявим должное уважение к парламенту Великобритании, но пусть никто ни на минуту не вообразит, что мы отступимся от своих свобод, допустив, что она вправе поработить нас. Давайте не будем впредь проводить столь позорную и пагубную политику, а станем энергично осуществлять все деловые операции как обычно. Если мы будем действовать единодушно, то не встретим на

своем пути никаких трудностей, которые бы не смогли преодолеть ⁴¹.

Но так как сторонники отказа от импорта и от всяких деловых операций не шли на уступки, об единодушии не могло быть и речи. «Сыны свободы» обещали обеспечить защиту всем тем, кто вел свои дела как обычно. Однако британский военно-морской флот осложнил положение для «Сынов свободы», поворачивая обратно суда, не имевшие документов, оплаченных гербовым сбором. В ответ на это «Сыны свободы» организовали демонстрацию, участники которой пронесли по улицам чучело командующего британским флотом в американских водах лорда Колвилля и сожгли его на центральной площади. Тем временем продолжавшийся застой в коммерческой деятельности еще больше ухудшил и без того тяжелое экономическое положение, и сотни безработных, особенно матросов, уже обсуждали между собой вопрос о необходимости взять дело в собственные руки ⁴². Прошло немного времени, и известия об их настроениях принесли свои результаты. В конце декабря 1765 года нью-йоркская таможня стала выдавать разрешения на выход судов в море без гербовых марок. Разъясняя эту меру, сборщик таможенных пошлин и контролер писал в Англию таможенному уполномоченному: «Мы сочли этот шаг тем более целесообразным потому, что, как нам стало известно, толпа (которая с каждым днем становится все более многочисленной и набирает силу, поскольку матросы постоянно прибывают и никто из них не отправляется обратно, а все их существование полностью зависит от торговли) собирается вскоре созвать собрание». «Чиновники знали,— пишут Эдмунд С. и Хелен М. Морган,— чего можно было ожидать от такого собрания» ⁴³.

Хотя порт был открыт, «Сынам свободы» не удалось заставить купцов и адвокатов продолжать свою деятельность, а королевские чиновники все еще не разрешали судебным органам приступить к выполнению своих функций. 1 января 1766 года «Сыны свободы» приняли на своем собрании ряд резолюций, ставших одновременно официальными положениями об объединении их группы и предупреждением о том, что борьба против закона о гербовом сборе продолжится. Прежде всего они покля-

лись своей жизнью и имуществом «бороться до самого конца», чтобы воспрепятствовать проведению в жизнь закона о гербовом сборе. Они предупреждали далее, что любой, кто станет поставлять или получать марки, «вызовет против себя крайнее возмущение» и будет «заклеймен вечным позором». Тем, кто осуществляет свою деятельность без оплаты гербового сбора, они обещали защиту. Они разъясняли также, что отдельные люди и группы подвергаются их нападкам лишь потому, что действуют проведению в жизнь закона о гербовом сборе, а не по личным мотивам. Наконец, они заверяли население, что будут прилагать все усилия, чтобы «поддерживать мир и порядок в этом городе в такой мере, в какой это будет совместимо с задачей сохранения и защиты наших прав и привилегий»⁴⁴.

На другом собрании, состоявшемся 18 февраля 1766 года, организация заявила, что ее обещание защитить тех, кто не прибегает к маркам, уже дает свои результаты, и добавила еще одну статью в положение о своем объединении. Она обещала помогать своим друзьям в других колониях «дать отпор любым возможным попыткам нарушить, или поставить под угрозу, свободы Америки»⁴⁵.

В то время когда происходило собрание, сторонники «Сынов свободы» в сельских районах этой провинции вели борьбу в защиту своих свобод против аристократов. Если факта создания организации и присвоения мастеровыми, рабочими, матросами и их лидерами в Нью-Йорке не предусмотренных законом полномочий оказалось недостаточно, чтобы напугать аристократов и заставить их осознать, что гражданскому обществу может наступить конец, то события в других районах провинции, безусловно, вызвали у них совершенно иную реакцию. Осенью 1765 года в графстве Уэстчестер началось восстание арендаторов и фермеров, которое к весне 1766 года охватило огромные поместья в северных графствах, особенно в Олбани и Датчессе. У фермеров было немало претензий к «земельным баронам». Им приходилось подписывать долгосрочные договоры на аренду, которые, как правило, отвечали только интересам землевладельцев. В некоторых районах графства Олбани фермеры покупали земельные участки у темных дельцов, убеждаясь впоследствии, что на эти участки претендуют уже

другие люди. Они, естественно, сопротивлялись попыткам согнать их с этих земель, особенно после того, как проделали изнурительную работу по расчистке и возделыванию полей.

Осенью 1765 года весь север графства Уэстчестер был охвачен движением, направленным против арендной платы. Под влиянием агитации против закона о гербовом сборе арендаторы создавали организации как для сопротивления шерифам, проводившим в жизнь приказы о сгоде арендаторов с земли, так и для освобождения своих руководителей из местных тюрем. К маю 1766 года повстанческое движение арендаторов против «помещичьей тирании», возглавлявшееся мелким фермером Уильямом Прендергастом, было координировано, и арендаторы без всяких колебаний стали переходить к прямым действиям. Вскоре в Покипси под ружьем находилось уже 1700 участников движения против арендной платы и еще 300 — в Полинге. Попытки крупных землевладельцев подавить восстание, как правило, успеха не имели. Разъяренные фермеры не намеревались подчиняться чиновникам, которых они считали агентами владельцев крупных поместий. В Олбани фермеры даже совершили нападение на местного шерифа Хермануса Шуйлера.

Крупные землевладельцы, такие, как Ливингстоны, и другие, кто сдавал мелким арендаторам тысячи акров земли, напуганные тем, что они не могут контролировать действия своих арендаторов, обратились к генералам Гейджу и Муру с просьбой о военной помощи. Вмешательство войск спасло аристократов. Местные группы повстанцев были наконец рассеяны, а их руководители арестованы. Прендергаста предали суду и в течение суток, признав виновным, приговорили к смертной казни⁴⁶.

Не в пример массачусетским «Сынам свободы» нью-йоркская организация не предприняла никаких мер для объединения с недовольными боевыми фермерами, которые публично называли себя «сельскими Сынами свободы»⁴⁷. Правда, «Сыны свободы» приветствовали фермеров, когда те прибыли в Нью-Йорк для участия в демонстрации 1 ноября, и гордились тем, что «некоторые из них вернулись домой довольные нашей твердостью и полные решимости сохранить свою свободу там, где они проживают»⁴⁸. Однако, когда они подтвердили решим-

мость «сохранить свою свободу» в глубинных районах страны, лидеры «Сынов свободы», примкнув к крупным землевладельцам и купцам, стали высмеивать их, называя «левеллерами». (Слово «левеллеры» начали употреблять после движения левеллеров, возникшего в период буржуазной революции в Англии в XII веке среди солдат Оливера Кромвеля и направленного против духовенства, церкви и, конечно, против аристократов.)⁴⁹ Когда многие участники движения против арендной платы были схвачены властями и заключены в тюрьму в Нью-Йорке, арендаторы организовали поход в город, уверенные в том, что встретят радушный прием и поддержку со стороны столичной организации «Сынов свободы». Однако, тщетно прождав на окраине города, они вернулись домой разочарованными. Стотон Линд утверждает, что отказ «Сынов свободы» примкнуть к фермерам в этот момент «ускорил отправку войск из Англии»⁵⁰.

Трудно объяснить, почему «Сыны свободы» отнеслись к движению фермеров-арендаторов безразлично и даже враждебно. Как насмешливо заметил один из английских капитанов, «никто, кроме них самих, не имеет права бунтовать»⁵¹. Историк Роже Шампань, должно быть, ближе к истине, когда говорит: «Люди вроде Сиерза и Лэмба были, вероятно, слишком «городскими», чтобы беспокоиться о сельских делах, а мастеровые, несомненно, ничего не знали о причинах недовольства сельских жителей»⁵². Во всяком случае, другой историк, Герберт Морэ, был, безусловно, прав, отмечая, что отказ пьюйоркских «Сынов свободы» создать союз между городскими массами и сельским крестьянством... явился поистине серьезной ошибкой»⁵³.

Если в Бостоне, Ньюпорте и Нью-Йорке закон о гербовом сборе вызвал взрыв сопротивления, то в Филадельфии и Чарлстоне против него было мало открытых массовых выступлений. Причины такого положения в этих двух городах были различны. Чарлстонская организация «Сынов свободы», главенствующую роль в которой играли мастеровые под руководством Кристофера Гэддена, применив силу, вынудила инспектора по гербовым сборам Джорджа Сэксби и уполномоченного по распространению марок Калеба Ллойда подписать заявление о том, что они прекращают выполнение своих обязанностей, а также заставила судью Скиннера поднять тост

за «проклятие закону о гербовом сборе»⁵⁴. Но когда около 1400 безработных матросов, вынужденных оставаться в Чарлстоне потому, что таможенные чиновники отказывались выдать их судам разрешение на выход из порта на бумаге без гербовых марок, обратились к «Сынам свободы» с призывом «добиться открытия порта на тех же условиях, что и во многих местах на севере», их просьба была отвергнута. Более того, когда они «позволили себе вольность» и «собрали толпу», именно «Сыны свободы» «мгновенно подавили их действия и упрятали их главарей в тюрьму», писал один из чарлстонцев в «Бостон газет»⁵⁵.

Одной из основных причин неприменения насилия в Чарлстоне были опасения участников движения сопротивления, что действия, подобные тем, какие происходили в Бостоне, Ньюпорте и Нью-Йорке, могут привести к восстанию рабов. Так как численность рабов в Чарлстоне вдвое превышала численность белых (90 тыс. негров и 45 тыс. белых), белые жили в постоянном страхе перед возможностью заговоров. «Его [негра] присутствие означало, что недостаточная бдительность, любой промах со стороны правительства грозили белой общине полным истреблением. Поэтому жители Южной Каролины особенно опасались всяких беспорядков»⁵⁶. Когда стало ясно, что освободительные идеи, возникшие в ходе сопротивления закону о гербовом сборе, могут привести к восстанию рабов, это движение уже неизбежно должно было полностью воздерживаться от тактики массовых действий. В январе 1766 года несколько негров прошли по улицам Чарлстона, выкрикивая слово «Свобода!», и «город в течение недели был на военном положении, пока по всей провинции рыскали гонцы, стараясь выявить признаки надвигающегося восстания рабов»⁵⁷. Если мастеровые, составлявшие большинство участников чарлстонской организации «Сынов свободы», не проявляли особого сочувствия к безработным матросам, то нетрудно себе представить, какова была их позиция, когда под лозунгом «Свобода!» выступили негры. Возможно, что Чарлз Вудмэсон, представитель сельских глубинных районов Южной Каролины, зашел слишком далеко, когда осудил чарлстонских «Сынов свободы», заявив, что им «не важно, кто будет голодать, только бы им было что есть; кто тонет, только бы они остались на поверхности;

кто трудится и обременен тяжелой пошей, только бы они могли сохранить свои экипажи»⁵⁸. Несомненно, однако, что чарлстонские матросы и негры поддержали бы его мнение.

Иначе обстояло дело в Филадельфии, где сопротивление закону о гербовом сборе осложнилось из-за раскола среди ремесленников. Хотя все филадельфийские мастера возмущались этим законом, реакция выступавших против него была в силу самого их характера иной, чем реакция мастеровых других городов.

Накануне конфликта, вызванного законом о гербовом сборе, Бенджамин Франклин и его политический соратник Джозеф Галлоуэй проводили кампанию за замену господства семейства Пеннов прямой властью королевского правительства. В ходе этой кампании они стремились ликвидировать контроль «узкого привилегированного меньшинства, власть и политика которого осуществляются в рамках политической структуры, почти не изменившейся с 1701 года». Представители семьи Пеннов, владельцы Пенсильвании, были в этой провинции и носителями верховной исполнительной власти, и крупнейшими землевладельцами. Губернатор Томас Пенн, проживавший в Англии, назначил своим представителем вице-губернатора, а сам жил на доходы со своих обширных владений в Пенсильвании. Его сторонники основали пенсильванскую партию собственников, используя полномочия губернатора для назначения судей, шерифов и других должностных лиц. Ассамблею же контролировала квакерская партия, базы которой находились в Филадельфии и в графстве Честер. Численность этой партии, первоначально представлявшей собой сплоченную группу, руководящую роль в которой играли богатые филадельфийские квакеры-купцы во главе с Бенджамином Франклином, значительно увеличилась в 50-х годах XVIII века за счет представителей разных профессий из различных религиозных групп. Она завоевала твердую поддержку филадельфийских ремесленников, которые, как правило, следовали политическому курсу Франклина. Однако в ходе выборов 1764 года и партия собственников, и квакерская партия прилагали беспрецедентные усилия, стремясь добиться широкой поддержки со стороны городского населения. Среди ремесленников Филадельфии произошел раскол — меньшинство голосовало за

партию собственников, а большинство сохранило верность Франклину и квакерской партии⁵⁹.

Этот раскол еще больше усилился после принятия закона о гербовом сборе. Стремясь дискредитировать выдвинутую Франклином идею установления власти королевского правительства в Пенсильвании, партия собственников возглавила сопротивление закону о гербовом сборе, тогда как Франклин, используя свое положение представителя Пенсильвании в Лондоне, поддерживал этот закон и даже договорился о назначении своего друга Джона Хьюза уполномоченным по распространению гербовых марок в Филадельфии. Когда выяснилось, что закон этот вызвал резкое сопротивление мастеровых в различных городских центрах, Франклин рекомендовал своим сторонникам среди филадельфийских ремесленников проявлять в своих действиях в связи с законом о гербовом сборе «осмотрительность и умеренность». Он беспокоился, как бы конфликт, вызванный этим законом, не помешал проведению кампании против партии собственников.

Таким образом, несмотря на свое враждебное отношение к закону о гербовом сборе, филадельфийские мастеровые оказались перед выбором: или насильственное сопротивление этому закону, или сохранение преданности своему наставнику. Они раскололись на две группы: одна примкнула к «Сынам свободы», другая осталась в стороне от активной деятельности. Когда толпа «Сынов свободы» угрожала разгромить дом Франклина, верные ему ремесленники встали на его защиту и отвели эту угрозу. Неудивительно поэтому, что, хотя толпа, организованная одним из «Сынов свободы» печатником Уильямом Бадфордом и некоторыми членами руководства партии собственников, и помешала уполномоченному по распространению марок Хьюзу претворить этот закон в жизнь, ей не удалось вынудить его подать в отставку⁶¹. В конце ноября сын вице-губернатора Александр Колден писал своему отцу из Нью-Йорка: «Здесьние «Сыны свободы» написали в Филадельфию, что, если те на заставят Хьюза отказаться от своего поста полностью, как сделали другие уполномоченные по распространению марок, они отрекутся от них и прекратят с ними всякую переписку»⁶². Это предостережение не возымело действия. Из-за раскола среди мастеровых филадельфийские «Сыны

свободы» были слишком слабы, чтобы выполнить требование своих нью-йоркских собратьев.

Вопрос о защите дома Франклина явился предметом интересного ученого диспута между Джеймсом Хатсоном, с одной стороны, и Джессе Лемишем и Джоном А. Александером — с другой. Хатсон считает, что дом Франклина защищали судовые плотники с корабля «Уайт окс», и утверждает, что не все рабочие последовали примеру моряков, выражавших «молчаливую склонность к революционному насилию». Он даже заявляет, что судовые плотники действовали как «консервативные полицейские». Лемиш и Александер вообще сомневаются, были ли судовые плотники рабочими, и отмечают, что даже если они и действовали в «консервативном» духе, то лишь в 1765—1766 годах и, уж во всяком случае, не после 1770 года. Для критики утверждений Хатсона имеется гораздо больше оснований, но в вопросе о сопротивлении британской политике основное значение имеет момент, на который указывают Лемиш и Александер. Любопытно отметить, что они не упрекают Хатсона за то, что он распространяет свою теорию о судовых плотниках с «Уайт окс» на всех филадельфийских мастеровых. Он пишет, что если в других местах мастеровые „вступили в ряды „Сынов свободы”», то в Филадельфии «все они были на другой стороне». Все ли? Одна группа мастеровых все же примкнула к «Сынам свободы».

В то время как среди филадельфийских мастеровых существовал раскол по вопросу о сопротивлении закону о гербовом сборе, моряки сохраняли единство и, как и в других колониях, активно боролись за свои права. Именно моряки, по-видимому, распространили плакат «Плач Пенсильвании в связи с законом о гербовом сборе», в котором содержалось следующее проклятие в адрес Джона Хьюза:

Если Джон Хьюз не откажется от марок,
Пусть бог за это его накажет,
Пусть будут болезни всегда при нем,
Ревматизм, чесотка, оспа, подагра — ночью и днем.
Пусть жизнь ему отравит ведьма — урод,
Пусть подохнет на помойке, и никто ему не споет
Ни псалмов, ни гимнов — и без них в могилу сойдет!
Пусть стаи ворон эту падаль сожрут;
Пусть озорные ребята его кости снесут
На площадь и в праздник костер разожгут! ⁶³

Отказ филаделфийских таможенников выдавать разрешения на выход судов из порта без документов, оплаченных гербовыми марками, вызвал рост безработицы и недовольство среди моряков. «Наш город,— писал видный филаделфийский врач и реформист Бенджамин Раш,— полон моряков, которые не могут завербоваться на судно и которые знают, к чему может привести всеобщее недовольство слишком многих людей». Не менее ясно сознавали угрозу и таможенные чиновники. Они писали: «Люди не будут сидеть сложа руки, наблюдая, как ущемляют их интересы, как разоряются они сами и их семьи, если в их власти изменить это положение». Поэтому было решено открыть филаделфийский порт и выдавать разрешения на выход судов в море без оплаты гербового сбора. Вот как объяснял один таможенный чиновник решение об открытии порта:

Ни в чем нельзя быть более уверенным, чем в том, что такое множество матросов, запертых все это время в городе, жители которого полностью лишены всякой защиты... совершат какое-либо страшное дело или, скорее, что они не потерпят, чтобы их держали взаперти, и заставят таможенников выпускать из порта суда без оплаты гербового сбора. Это, несомненно, приведет к задержке судов еще на несколько дней ⁶⁴.

Мастеровые ничего не сделали для принятия такого решения. Филаделфийские мастеровые вполне довольствовались тем, что сопротивление закону о гербовом сборе опиралось на соглашение о бойкоте импортных товаров, принятое филаделфийскими купцами. Они считали, что прекращение доступа английских товаров на американский рынок будет способствовать развитию отечественной промышленности и что филаделфийские рабочие в недалеком будущем найдут работу в области производства «многих товаров, которые они в ином случае всегда могли и предпочли бы получать из Англии». Таким образом, ремесленникам было бы гораздо легче добиться «независимости» в качестве производителей товаров для внутреннего рынка ⁶⁵. Знаменательно, что если в других местах организаторами бойкота импортных товаров были вначале купцы и лишь незначительное число мастеровых, то в Филадельфии не менее 34 человек

из 236, подписавших соглашение о бойкоте импорта, были мастерами. Более того, Чарлз Томсон — самый, пожалуй, видный участник филаделфийской организации «Сынов свободы» — был убежден, что рост сопротивления мастерам закону о гербовом сборе объяснялся именно бойкотом импортных товаров, а не более широкими политическими и конституционными взглядами, и старался удерживать это сопротивление в определенных рамках, под полным контролем мастеровых ⁶⁶.

Таким образом, в Филадельфии «Сыны свободы» в силу нескольких причин оказывали меньше влияния на общественную жизнь, чем в любом другом городе. В начале 1766 года Уильям Брэдфорд с горечью писал нью-йоркским «Сынам свободы»: «Численность нашей организации в этом городе невелика, ибо нас разделяют прискорбные разногласия по вопросам провинциальной политики» ⁶⁷. Нью-йоркские «Сыны свободы» направили в Филадельфию своего руководителя Джона Лэмба, чтобы активизировать там их движение, однако ему ничего не удалось добиться ⁶⁸. Прошло несколько лет, прежде чем филаделфийские мастера стали единой, могучей, независимой силой в революционной борьбе.

Поездка Джона Лэмба в Филадельфию — лишь одно из многочисленных свидетельств того, что в ходе сопротивления закону о гербовом сборе «Сыны свободы» интересовались событиями, происходившими не только в их колонии. Почти с самого начала сопротивления они поддерживали связь со своими сторонниками в других колониях. Они создавали собственные корреспондентские комитеты, что позволяло им обмениваться информацией со своими братьями в соседних провинциях. 17 февраля 1766 года бостонские «Сыны свободы» писали своим коллегам в Портсмут:

При сем прилагаем часть возмутительного документа, свидетельствующего об угнетении Америки; это половина документа, полученного нами от нашего брата из другой колонии, который мы намерены выставить напоказ с цепями и т. п. в будущий четверг для всеобщего обозрения на «древо свободы». Эта задержка вызвана тем, что мы хотим выставить их одновременно. Документ будет снят в 12 часов дня палачом и сожжен. Давайте покажем

все свое отвращение... После чего мы намерены предложить следующие тосты: за Георга III, нашего милостивого, законного и полноправного монарха! За продолжение Ганноверского королевского дома! За смятение в стане его врагов! За успех противников закона о гербовом сборе! За постоянный зуд у друзей этого закона без возможности почесаться! Долгой жизни, здоровья и благополучия всем «Сынам свободы» на нашем континенте! ⁶⁹

Именно нью-йоркские «Сыны свободы» взяли на себя инициативу претворить этот тост в жизнь, создав межколониальную организацию «Сынов свободы». Помимо стремления нью-йоркских «Сынов свободы» добиться большей эффективности своей деятельности благодаря тесной связи между отдельными группами, их побудили к этому и опасения, что британское министерство попытается осуществить закон о гербовом сборе с помощью военной силы. В начале 1766 года им стало известно о письме, разосланном министром Конуэем всем губернаторам колоний, в котором последним предписывалось без всяких колебаний обращаться за военной помощью для поддержания авторитета гражданского правительства. Руководителям и рядовым членам организации «Сынов свободы» было хорошо известно, что в колониях имелись люди, которые были настолько напуганы левеллеровскими тенденциями в движении сопротивления, что приветствовали бы вмешательство войск, дабы навязать такой налог американцам, одновременно обеспечив сохранение «закона и порядка» и своего господствующего положения в колониальном обществе ⁷⁰. Министр Конуэй закончил свое циркулярное письмо словами, в которых оправдывал применение принудительных мер для поддержания достоинства короны и власти парламента против «силы, насилия и... открытого покушения на всякий порядок, долг и благопристойность» ⁷¹. Консервативные элементы в колониях понимали, что военная сила может пригодиться для того, чтобы покончить с отсутствием «благопристойности» у мастеровых, рабочих и, конечно, матросов.

На рождество 1765 года нью-йоркские и коннектикутские «Сыны свободы» в связи с ожидавшимися выступлениями британских войск утвердили в Нью-Лондоне

план взаимной военной помощи. Засвидетельствовав в начале свое почтение королю Георгу III и отрицая слухи о том, что они стремятся к «каким-либо изменениям или нововведениям в великом оплоте их свобод», они заявили, что не допустят «порабощения любой земной властью, не противопоставив силе силу». Они договорились «без малейшего промедления, на свой страх и риск» оказать помощь друг другу всеми имеющимися в их распоряжении силами. В их соглашении предусматривалось обязательство защищать каждого, кто будет заниматься своими делами, будь то на государственной службе или частным образом, невзирая на угрозу наказания за нарушение закона о гербовом сборе. В соглашении говорилось далее, что за людьми, «от которых по характеру их обязанностей, профессии или наклонностей скорее всего можно ожидать применения документов с гербовыми марками», будут внимательно следить и соответственно обращаться с ними, если они попытаются нарушить британскую конституцию и американскую свободу»⁷².

Почти все организации «Сынов свободы», от Нью-Хэмпшира до Виргинии, за исключением Пенсильвании, поддержали заключенное в Нью-Лондоне (штат Коннектикут) соглашение. Группы «Сынов свободы» в Нью-Хэмпшире, Массачусетсе, Род-Айленде, Коннектикуте, Нью-Йорке, Мэриленде и Виргинии договорились не допустить претворения в жизнь закона о гербовом сборе, даже если дело дойдет до вооруженного сопротивления. В резолюциях, принимавшихся в десятках городов, «Сыны свободы» выражали готовность сопротивляться этому закону «до конца, вплоть до сражений на поле боя», и по примеру «Сынов свободы» в Ньюпорте заявляли, что они считают своим «непреложным долгом... всемерно объединяться с «Сынами свободы» по всей Америке, чтобы не допустить вступления в силу закона о гербовом сборе»⁷³.

К весне 1766 года группы «Сынов свободы» в Нью-Хэмпшире, Род-Айленде, Массачусетсе, Коннектикуте, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Мэриленде объединились в боевой союз. Из срединных и северных колоний в нем не была представлена только Пенсильвания: филаделфийские «Сыны свободы» не сумели осуществить идею создания межколонияльной организации⁷⁴.

По мере того как движение за объединение «Сынов свободы» охватывало все колонии, руководство нью-йоркской организации стало готовиться к созыву общенационального конгресса, который наметил бы общий план действий всех «Сынов свободы» и «мобилизовал бы силы для более сильного нажима на Великобританию». «Приближается, возможно, момент, — писал Айсек Сиерз, — когда в качестве единственного средства сохранить нашу свободу придется прекратить все коммерческие связи»⁷⁵. Ремесленники и рабочие, усматривавшие в этом возможность развития отечественной промышленности, а следовательно, и роста занятости, приветствовали его предложение.

По этому вопросу было запрошено мнение «Сынов свободы» Мэриленда, Род-Айленда и Массачусетса, но, прежде чем такой план мог осуществиться, стало известно, что 4 марта билль об отмене закона о гербовом сборе был принят палатой общин, 12 марта — палатой лордов, а 18 марта его уже подписал король. «Закон о гербовом сборе отменен!» — раздавалось во всех колониях, и корреспондентский комитет, созданный «Сынами свободы», сообщал эту весть в одном городе за другим. В связи с отменой закона о гербовом сборе стали отказываться от планов привлечения южных организаций «Сынов свободы» в военный союз и созыва всеобщего конгресса. К маю 1766 года все уже существовавшие военные объединения распались. Хотя кое-кто еще пытался сохранить их, отмена закона о гербовом сборе, по крайней мере на время, уничтожила общие связи, скреплявшие этот союз, и усилия, затраченные на его создание, оказались тщетными⁷⁶.

Возможно, что генерал Гейдж с презрением относился к военным объединениям «Сынов свободы». Но даже если это было и так, они все же свидетельствовали о том, что еще в 1766 году, несмотря на здравицы в честь «Георга III, нашего милостивого, законного и полноправного монарха», «Сыны свободы» в некоторых колониях готовы были прибегнуть к военным действиям против королевских войск, если бы те стали насильственно осуществлять закон о гербовом сборе. К тому же «Сыны свободы» были убеждены, что колонисты вполне могут помериться силами с британской армией и, «даже

если морские порты попадут в руки противника, патриоты найдут убежище в глубинных районах, куда британской армии никогда не удастся проникнуть». «Сыны свободы» снова и снова заявляли о необходимости создания межколоннального союза для сохранения «тех привилегий и льгот, которые, видимо, предназначены нам богом и природой»⁷⁷. Только отмена закона о гербовом сборе предотвратила формирование межколоннального союза, который должен был охватить все организации «Сынов свободы», от Нью-Хэмпшира до Нью-Джерси, от Мэриленда до Джорджии.

Хотя центральная организация так и не была создана, почти каждая независимая группа «Сынов свободы» имела свой корреспондентский комитет. Эти комитеты служили как для сплочения оппозиции закону о гербовом сборе, так и для того, чтобы заложить основу дальнейшего сопротивления вплоть до окончательного завоевания независимости. Не обязательно признать справедливость неоднократных утверждений Полины Майер об «организованном сопротивлении» «Сынов свободы» и их отрицательном отношении к насильственным действиям толпы, возникавшим в процессе сопротивления, чтобы согласиться с ее замечанием о том, что «путем регламентации новой тактики колонистов в виде сопротивления определенного типа и ее осуществления с помощью организации нового типа «Сыны свободы» прочно установили характер дальнейшего сопротивления Британии»⁷⁸. Консервативные и умеренные круги в колониях превозносили британских купцов и промышленников за то, что те добились отмены закона о гербовом сборе. Не подлежит сомнению, что последние, зависевшие от торговли с колониями, пострадали в результате законодательной политики Гренвиля и его министерства и хотели отмены закона о гербовом сборе. Однако «Сыны свободы» были убеждены, что этот закон был отменен только благодаря их твердой позиции и единству. «Славные «Сыны свободы» Америки добились наконец урегулирования», — писал один из коннектикутских «Сынов свободы» Айсеку Сьерзу после получения известия об отмене закона⁷⁹. Рано утром 18 марта 1767 года, в первую годовщину отмены закона о гербовом сборе, в Провиденсе (штат Род-Айленд) на «древо свободы» и в самой людной

части города появились два плаката одинакового содержания. В них, в частности, говорилось:

«СЫНАМ СВОБОДЫ»

Возлюбленные братья,

Быстротечное время принесло нам новую годовщину отмены ненавистного закона о гербовом сборе — закона, сфабрикованного, чтобы отнять у нас наши свободы и принести нам рабство, нищету и несчастье. Решительная позиция «Сынов свободы» против этой мерзкой политики содействовала отмене закона больше, чем любые меры, имевшие целью убедить парламент Великобритании в несправедливости и неправомерности этого закона ⁸⁰.

4. ПРОГРАММА ТАУНШЕНДА

Когда известие об отмене закона о гербовом сборе подтвердилось, во всех колониях начались празднества, повсюду устраивались иллюминация и фейерверк. Эти празднества были организованы главным образом местными группами «Сынов свободы», как это и надлежало им делать, ибо именно «Сыны свободы» «объединили страну, как никогда ранее»¹, и именно их посланцы разносили добрые вести во все колонии.

В разгар ликования бостонцы во главе с «Сынами свободы», у каждого из которых на груди висела медаль с изображением «древа свободы», прошествовали к «древу свободы», где был воздвигнут временный обелиск по проекту ремесленника Поля Ривера. Для этого случая дерево было специально обрезано плотниками, которые отказались взять деньги за свою работу, заявив, что «они всегда готовы послужить истинным «Сынам свободы», когда этого потребуют обстоятельства»².

Когда в городе Нью-Йорке узнали об отмене закона о гербовом сборе, раздался звон колоколов и сотни мальчишек выбежали на улицы, неся шесты с привязанными к ним носовыми платками. 21 мая 1766 года на празднестве, устроенном «Сынами свободы», пастор церкви св. Троицы прочитал проповедь, назвав ее «поздравительной речью по случаю радостного события»; на центральной площади был воздвигнут «столб свободы», произведен салют из 21 орудия и устроен грандиозный обед, на котором было провозглашено 28 «конституционных» тостов. Ночью весь город был иллюминирован, за исключением зданий, где жили военные и военно-морские офицеры, и пылали два огромных костра — один в честь «Сынов свободы», другой — в честь муниципалитета. Когда занялась утренняя заря, «Сыны свободы» уже установили в Нью-Йорке первый большой «столб свободы»³. Как мы увидим дальше, он имел интересную историю.

В течение следующего года положение в колониях оставалось относительно спокойным. Однако это внешнее спокойствие было обманчиво, ибо после отмены закона о гербовом сборе жизнь в колониях так и не вошла в нормальную колею. Правда, межколониальный союз «Сынов свободы» распался, и большинство отдельных групп этой организации, даже если они и не прекратили своего существования, уже не устраивали собраний. В Нью-Йорке британский офицер Монтрессор с удовлетворением писал в своем дневнике 16 июля 1766 года, что «на всех уличных перекрестках уже не плетутся интриги и не создаются комитеты и в настоящее время о «Сынах свободы» никто ничего не говорит и не слышит»⁴.

Несколько недель спустя между нью-йоркскими «Сынами свободы» и королевскими войсками, расквартированными в городе, произошло первое из множества столкновений из-за «столба свободы». Фактически трения между ними начали возникать после инцидента в Форт-Джордже 1 ноября предыдущего года. С каждым днем они все больше обострялись из-за того, что солдаты, как и матросы зимовавших в порту военных кораблей, нанимались на работу в городе за более низкую, чем получали рабочие, заработную плату. А теперь вспыхнула открытая борьба.

Жители города, проснувшись утром 16 августа 1766 года, увидели, что «столб свободы» повален на землю. Среди «Сынов свободы» сразу же начались волнения. На следующий день во главе с Айсеком Сиерзом, сопровождаемые 2—3 тыс. человек, они собрались на Полях, где солдаты ежедневно проводили учения. Сиерз потребовал объяснений по поводу разрушения «столба свободы», но солдаты не обратили на него никакого внимания. После обмена бранными словами толпа начала бросать в солдат камни. Казалось, что серьезная схватка между обнажившими свои штыки «красными мундирами» и некоторыми «Сынами свободы», вооруженными пистолетами, неминуема. Но в последний момент два офицера заверили толпу, что все солдаты, виновные в разрушении «столба свободы», будут наказаны. Утихомирившись на время, толпа рассеялась.

На следующий день «Сыны свободы» воздвигнули новый «столб свободы» и поклялись в случае необходимо-

сти не щадя жизни защищать свой священный символ. Проходивший мимо барабанщик сделал непристойное замечание в их адрес, и когда один из моряков возмутился этим, барабанщик вынул оружие. Тогда толпа, во главе с «Сынами свободы», загнала и барабанщика, и пришедшего ему на помощь капрала в городские казармы. Солдаты, набросившиеся на толпу с обнаженными штыками, нанесли Айсеку Сперзу небольшое ранение. Однако вмешавшиеся офицеры снова предотвратили еще более кровопролитное столкновение; они заверили толпу, что солдаты понесут наказание, если будет установлено, что именно они виновники столкновения.

После этого напряженные отношения между «Сынами свободы» и королевскими войсками обострились еще больше. Когда 28-й полк устроил для генерала Гейджа смотр на центральной площади, там снова собрались «Сыны свободы» и многие другие жители, выкрикивая оскорбления в адрес солдат и требуя, чтобы они убирались со «священной земли свободы». Когда стало известно, что британские офицеры, обещавшие наказать солдат, если их вина будет установлена, так ничего и не сделали, «Сыны свободы» обратились в суды. После того как были собраны показания, свидетельствовавшие о поведении солдат 16 августа, майору Брауну были вручены две повестки с требованием уплатить 5 тыс. ф. ст. по каждой из них в возмещение ущерба. Когда «Сынам свободы» не удалось ничего добиться в суде, они решили выдворить солдат из города с тем, чтобы положить конец жизни, «как в военном или побежденном городе». «Сыны свободы» потребовали, чтобы кабачки и таверны перестали обслуживать военных, а владельцы лавок отказывались продавать им товары и чтобы перед ними закрылись двери всех домов. Наконец, «Сыны свободы» подготовили петицию, требовавшую ухода гарнизона из города. Мастеровые, рабочие и матросы распространяли эту петицию по всему городу, собирая под ней подписи. «Главная цель здесь заключается в том, чтобы в городе вообще не осталось войск», — признал губернатор Мур⁵.

В то время как мастеровые и рабочие Нью-Йорка лелеяли мысль об этой «главной цели», купцам, коммерсантам, адвокатам и крупным землевладельцам она отнюдь не была по душе. Если войска будут выведены, рассуждали они, удастся ли сохранить контроль над мастерово-

вымп, рабочими и матросами? Кроме того, разве вывод гарнизона не вызовет вновь восстание фермеров-арендаторов, подавленное королевскими войсками весной? Для этих привилегированных групп населения «единственным оплотом против анархии были генерал Гейдж и два полка, расквартированные в Форт-Джордже»⁶. Поэтому гарнизон и остался в Нью-Йорке.

Несмотря на то что «Сыны свободы» потерпели поражение, они продолжали публично демонстрировать свою ненависть к войскам. Еще больше они ожесточились после того, как в ночь на 23 сентября был разрушен еще один «столб свободы». «Сыны свободы» сразу же установили новый столб; он простоял до следующей весны, но затем также был снесен. Следующий столб, сразу же воздвигнутый «Сынами свободы», простоял до января 1770 года.

Хотя «Сыны свободы» и выступали против войск, как официальная организация они фактически перестали существовать. Когда нью-йоркский представитель в Лондоне Николас Рэй предложил реорганизовать «Клуб свободы», чтобы он стал таким же, каким был во время кризиса, вызванного законом о гербовом сборе, Сиерз, Алликоке, Лэмб и еще несколько человек ответили ему в октябре 1766 года, что, «поскольку возможно возникновение некоторых трудностей, если такой клуб будет создан именно в данный момент», это лучше отложить⁷.

Реорганизация групп «Сынов свободы» откладывалась и во всех других колониях, за исключением Бостона, где организация «Сыны свободы» продолжала функционировать абсолютно так же, как и в момент ее создания. Ячейки организации сохранились в большинстве городов, ибо у «Сынов свободы» имелись веские основания считать, что положение остается угрожающим, несмотря на всенародное ликование по поводу отмены закона о гербовом сборе. Они знали, что в постановление об отмене этого закона был включен «декларативный акт», принятый парламентом «для лучшего обеспечения зависимости доминионов его величества». В этом акте, сформулированном в тех же общих выражениях, что и Ирландский декларативный акт 1719 года, провозглашалось, что американские колонии подчиняются короне и парламенту и зависят от них. Тем самым отрицалось утверждение американцев, что закон о гербовом сборе представляет собой

неконституционное превышение власти, и вновь подтверждался абсолютный суверенитет парламента над Америкой.

Встретившись под «древом свободы» с мастеровыми из чарлстонской организации «Сынов свободы», Кристофер Гэдсен отметил, что отмена закона о гербовом сборе достигнута американцами немалой ценой и что было бы безумием ликовать по этому поводу, пока парламент «все еще утверждает и сохраняет над ними абсолютный суверенитет Великобритании». Он призвал «Сынов свободы» не ослаблять бдительности, чтобы быть в состоянии «порвать оковы, если их снова наденут на них». Затем мастеровые, «взвзвись за руки», поклялись «защищаться против тирании». Они дали торжественное обещание «сопротивляться» в случае новой борьбы с Британией⁸.

«Сыны свободы» встречались и в других городах, хотя и неофициально, и ставили перед собой те же задачи. Как заявили ньюпортские «Сыны свободы», они были «готовы объединиться в случае необходимости для защиты своих естественных конституционных прав»⁹.

Второе выступление против Британии, которое увидели «Сыны свободы», ускорила программа Тауншенда. В 1767 году министр финансов Чарлз Тауншенд предложил (а парламент принял) ряд актов с целью повысить государственные доходы, часть которых шла на содержание английского военного и гражданского колониального аппарата в Америке, что также освободило бы последний от зависимости от колониальных законодательных органов. Акты Тауншенда устанавливали новые пошлины на чай, свинец, бумагу и малярные краски. Для обеспечения сбора этих налогов акты предусматривали применение «предписаний о помощи», которые давали право таможенным чиновникам по малейшему подозрению производить обыски с целью обнаружения контрабанды. Акт об ограничениях, являвшийся составной частью программы Тауншенда, лишал нью-йоркскую ассамблею полномочий до тех пор, пока она не подчинится требованиям Акта о расквартировании войск и не станет обеспечивать британские войска в этой провинции некоторыми перечисленными в нем товарами.

Акты Тауншенда, подобно закону о гербовом сборе, вызвали в колониях бурю протестов. Как и в предыдущем

случае, первой реакцией населения было обращение к Англии с петицией, содержавшей просьбу о смягчении этих законов. Зная по прежнему опыту, что сами по себе петиции ничего не дадут, ремесленники, мастеровые и рабочие стали изыскивать другие меры для достижения своей цели. В период первого движения сопротивления филаделфийские мастеровые были единственными подерживавшими бойкот импортных товаров. Теперь же ремесленники, мастеровые и рабочие повсюду бойкотировали импорт английских товаров, рассматривая это как способ заставить метрополию отменить новые налоги. В обращении, адресованном всем, кто «никак не связан с импортом британских промышленных товаров», один из мастеровых писал в «Сауз Каролина газет», что необходимо действовать, дабы избежать пагубных экономических последствий, вызванных «несколькими актами, принятыми недавно парламентом с целью получения доходов в Америке».

«У нас отнимают деньги без нашего согласия, нас лишают нашего лучшего наследия — судебного разбирательства и законов страны... в то время, когда нам готовят широчайшие планы систематического порабощения, к которым акты, вызывающие сейчас недовольство, являются всего лишь прелюдией. Можем ли мы поэтому колебаться хотя бы минуту, объединиться ли нам с нашими братьями, страдающими в других колониях, в вопросе о единственно возможном средстве предотвратить столь ужасную цепь злодеяний, с какими мы сталкиваемся теперь лицом к лицу, а именно о достижении общей решимости не потреблять ни на один фартинг больше британских промышленных изделий, чем нам необходимо?»¹⁰

Причина, по которой из этого обращения были исключены те, кто был «связан с импортом британских промышленных товаров», вполне ясна. Купцов-импортеров не слишком беспокоили введенные Тауншендом пошлины, они просто перекладывали эти расходы на своих клиентов. Ремесленники же и рабочие находились в совершенно ином положении. Маляры, краснодеревщики, строители и представители других смежных профессий, имеющие собственные инструменты и поставляя-

шие свою продукцию на местный рынок, вынуждены были нести дополнительные расходы из-за налога на малярные краски и свинцовые белила. Более того, эти акты повлекли бы за собой еще большую утечку звонкой монеты из колоний (новые налоги, как и налоги по закону о гербовом сборе, надлежало оплачивать серебром) и еще более серьезный экономический кризис¹¹. Ремесленники и рабочие видели только один реальный выход из своего бедственного положения — создание жизнеспособной отечественной промышленности, а достичь этого можно было только путем бойкота импорта. На празднестве, устроенном чарлстонскими ремесленниками по случаю отмены закона о гербовом сборе, отмечалось, что «радость была повсеместно в какой-то мере омрачена из-за принятого недавно Акта о доходах». Настроение присутствовавших улучшилось, когда среди прочих был произнесен тост за то, чтобы «поощрить и всеми силами содействовать потреблению промышленных товаров североамериканского производства»¹². Чарлстонские мастеровые (а также и все другие, хотя и в меньшей степени) особенно приветствовали меры по бойкоту импорта еще и потому, что эти меры обычно включали в себя запрет на ввоз рабов из Англии, а «мастеровые, труд которых конкурировал с рабским трудом, радовались любому перерыву в торговле рабами»¹³.

«Поощрение американских промышленников» стало популярным лозунгом в период сопротивления предложенным Тауншендом мерам, и ремесленники стали создавать общества «любителей и поощрителей американских промышленников»¹⁴. Газеты публиковали объявления, рекламировавшие дмотканые продукты и такие, например, изделия отечественного производства, как «зонтики свободы». В моду стала входить одежда, изготовленная в Америке. Выпускники Гарвардского университета договорились защищать дипломы в одежде «отечественного производства»¹⁵.

Если в одних колониальных городах добиваться соглашений о бойкоте импорта были вынуждены купцы, то в других городах инициаторами этой кампании стали ремесленники, мастеровые и рабочие из числа «Сынов свободы», и, уж во всяком случае, именно они делали эти соглашения реальными. Отказ от торговли с Англией явился благом для ремесленников, которые получили

более широкий рынок сбыта для своих товаров, а последовавший за этим рост занятости поденщиков и наемных рабочих усилил их поддержку мерам по бойкоту импорта. На сцене вновь появились «Дочери свободы», занимавшиеся прядением и ткачеством. Они призывали женщин не покупать товары у кушцов, нарушавших соглашения об отказе от импорта. В Бостоне один из руководителей «Сынов свободы» Уильям Молино создал женские группы совместного прядения; во время организованных им соревнований были установлены «поразительные рекорды». Когда «Дочери свободы» из Коннектикута, Род-Айленда и Нью-Йорка устроили соревнование, чтобы выявить, кто покажет «более высокое мастерство у прялки», «Нью-Йорк джорнэл» выразил надежду, что «тот же дух распространится по всему континенту, чтобы дамы, соревнующиеся друг с другом в уменье и прилежании в этом прибыльном занятии, соревновались и с мужчинами в деле сохранения и процветания своей страны и наравне с ними разделили почести»¹⁶.

«Дочери свободы» в Ньюпорте готовы были на любые жертвы, необходимые «для сохранения и процветания их страны», при условии, если их мужья и возлюбленные откажутся от «своего дорогого и более любимого пунша, не станут ходить столь часто в таверны и будут более добрыми и любящими мужьями и возлюбленными». Одна из них так выразила их мысли:

Мы были бы рады совсем чай не пить,
Если бы могли что получше получить¹⁷.

Иногда «Сыны свободы» и «Дочери свободы» действовали сообща.

В плакате, расклеенном в Бостоне, говорилось:

УИЛЬЯМ ДЖЕКСОН,

Импортер, Брэйзен Хед,

К северу от здания муниципалитета и напротив городской водокачки, Корн Хилл, Бостон.

Желательно, чтобы сыны и дочери свободы ничего у него не покупали, ибо они навлекли бы этим позор на самих себя и на все свое потомство отныне и навеки. Аминь¹⁸.

Нельзя не согласиться с Джоном К. Миллером в том, что «Дочери свободы» немало способствовали успеху [кампании по бойкоту импорта] ¹⁹.

Некоторые историки утверждают, что в относительно спокойный период, последовавший за отменой закона о гербовом сборе, организация «Сыны свободы» стала абсолютно неэффективной как по численности, так и по своему влиянию и что она уже не возродилась ²⁰. Однако факты свидетельствуют о том, что если некоторые местные группы и прекратили свою деятельность, то большинство продолжало функционировать. Во время осуществления мер, предусмотренных программой Тауншенда, организация возродилась вновь. Там, где она возвращалась к жизни, она первой принимала участие в защите и осуществлении мер по бойкоту импорта. В Бостоне «Сыны свободы» убедили купцов поддержать политику бойкота импорта еще в августе 1768 года и под руководством Уильяма Молино добились вскоре, что практически ни один импортер в городе не стал заказывать или продавать английские товары ²¹. В числе мер, применявшихся по отношению к тем, кто отказывался бойкотировать импорт или, поддержав бойкот, впоследствии возобновлял торговлю импортными товарами, были такие, как уличные демонстрации, массовые шествия к жилым домам и предприятиям нарушителей бойкота, вывешивание перед ними объявлений и чучел, разгром витрин и запугивание покупателей, пытавшихся войти в магазины нарушителей. В одном случае попытка сорвать чучело привела к кровопролитию. Импортер выстрелил в толпу, бросавшую камни, и ранил 11-летнего мальчика. Его поволокли по улицам с веревкой на шее, и только вмешательство самого Молино спасло его от суда Линча. Импортера Патрика Макмастера фактически изгнали из Бостона за отказ соблюдать бойкот импорта ²².

В Филадельфии «Сыны свободы» уговорили колебавшихся вначале купцов-квакеров присоединиться к бойкоту импортных товаров. «Сыны свободы» в Уилмингтоне и Брансуике (штат Северная Каролина) выработали свое собственное соглашение о бойкоте импорта, и колониальная ассамблея распространила его действие на всю провинцию. В Чарлстоне купцы не желали предпринимать каких-либо действий: когда в сентябре 1768 года из Бостона были получены циркулярные письма,

призывавшие к совместному сопротивлению Актам Тауншенда, они их «молча игнорировали». Но мастеровые не молчали. Они маршировали по улицам Чарлстона с эмблемами «древа свободы» на груди, восхваляя бостонцев за их противодействие британским властям.

В июне 1769 года чарлстонские мастеровые объявили о своем намерении «последовать похвальному примеру жителей других городов, выступающих за отказ от импорта». В то же время они заключили союз с плантаторами, направленный против купцов. (Плантаторы жаловались, что фискальные пошлины, сокращая запасы звонкой монеты в колониях, создают для них экономические трудности.) Стремясь изолировать мастеровых, купцы и сами пытались установить союз с плантаторами, исключив возможность участия в нем мастеровых. Мастеровые гневно разоблачили этот маневр и вынудили купцов отказаться от своего плана. В результате было принято соглашение о бойкоте импорта, подготовленное мастеровыми и плантаторами. Оно содержало основные требования мастеровых, в том числе такие, как требование поощрять деятельность американских промышленников и запретить ввоз негров из Британской империи. Если мастеровые выдвигали это последнее требование главным образом для того, чтобы избавиться от конкуренции со стороны рабов, то плантаторы присоединялись к нему из опасения, что непрерывный ввоз рабов, приводивший к росту численности негров в колонии, где их и без того уже было гораздо больше, чем белых, увеличивает опасность восстаний рабов²³.

Мастеровые получили равное с плантаторами и купцами представительство в комитете по соблюдению бойкота импорта: каждая из этих групп имела в нем 13 представителей²⁴. Так была установлена традиция, сохранявшаяся и в дальнейшем. «Поскольку комитет был органом, не предусмотренным законом,— отмечает Ричард Уолш,— мастеровые постоянно вели агитацию за то, чтобы входить в каждый такой революционный орган вплоть до созыва Провинциального конгресса в 1775 году»²⁵.

Именно представители мастеровых в Комитете по соблюдению бойкота импорта настаивали на применении жестких мер с целью добиться осуществления бойкота и провозгласили лозунг «Подпиши или умри!». Мастеро-

вые из числа «Сынов свободы» расхаживали по улицам Чарлстона, распространяя уведомления о бойкоте и угрожая применить насилие по отношению к тем, кто отказывался подписываться под ними. Иногда дело не ограничивалось угрозами. Обычно тех, кто отказывался подписаться, просто бойкотировали; их объявляли «противниками американских прав», лишали права пользоваться пристанями «для отгрузки или выгрузки товаров или риса» и вообще подвергали большим неудобствам»²⁶.

В Нью-Йорке «Сыны свободы» вначале не принимали никакого участия в кампании против Актов Тауншенда. Эта организация раскололась на две группы, которые большую часть времени занимались нападками друг на друга. Одну группу, именовавшую себя «Подлинными сынами свободы» или иногда «Друзьями свободы и торговли», возглавляли Сиерз, Лэмб, Алликоке и Джон Морин Скотт. Другой группой, называвшейся «Верными сынами свободы», а иногда «Друзьями свободы», руководил Александр Макдугал²⁷. Раскол между ними возник в связи со спором о том, какое средство использовать в борьбе против закона о гербовом сборе: бойкот импорта или возобновление торговли без оплаты гербового сбора. Макдугал поддерживал умеренную позицию адвокатов, а Сиерз и Лэмб настаивали на радикальном возобновлении торговли без гербовых марок²⁸. Раскол принял наконец открытый характер в ходе весенних выборов в Нью-Йорке в 1768 и 1769 годах, когда «Сыны свободы» заняли различные позиции в вопросе о поддержке соперничавших между собой кандидатов в члены ассамблеи. Сиерз, Лэмб и их сторонники поддерживали Джеймса Делэнси (который победил), а Александр Макдугал и его группа выступили на стороне Филипа Ливингстона²⁹.

Обе группы продолжали каждая свою деятельность, устраивая отдельные празднества в годовщину отмены закона о гербовом сборе. На этих празднествах они провозглашали тосты за «незабвенное 18 марта 1768 года, за единодушие, верность и стойкость «Сынов свободы» в Америке». Однако все «единодушие» нью-йоркских «Сынов свободы» сводилось только к тостам³⁰.

В результате сопротивление Актам Тауншенда в Нью-Йорке практически отсутствовало. Хотя в августе 1768 года купцы и торговцы приняли соглашение о бойкоте импорта, которое должно было в ноябре

вступить в силу, бойкот оставался только на бумаге и никак не осуществлялся в жизни³¹. Учитывая эти неблагоприятные условия, обе группы «Сынов свободы» 7 июля 1769 года организовали общество «Объединенные сыны свободы». В оповещавшем об этом плакате они заявляли:

Каждому непредубежденному уму должно быть понятно, что бездеятельность имела бы для нас не менее роковые последствия, чем разлад, а поэтому, чтобы более эффективно уберечься от того и другого, многие жители города решили отбросить все групповые разногласия, возникшие из-за расхождений по другим вопросам, и организовать общество «Объединенные сыны свободы».

Основной целью нового общества было соблюдение соглашения о бойкоте импорта, и члены его поклялись «не заниматься никакими другими делами»³².

Таким образом, обе группы преодолели разделявшие их разногласия, чтобы защищать свои общие права.

После воссоединения нью-йоркские «Сыны свободы» стали осуществлять эффективные меры по бойкоту импорта. Хотя теперь уже существовал созданный купцами инспекционный комитет, практическим осуществлением бойкота занимались «Сыны свободы»; они устраивали собрания, сжигали чучела и проводили другие массовые мероприятия. Вид виселицы, сооруженной около «древа свободы», устроил непокорных, заставив их подчиниться и публично дать клятву выполнять соглашение. 21 сентября 1769 года «Сыны свободы» поместили в «Нью-Йорк джорнэл» заявление, в котором рекомендовали бostonцам нью-йоркский «метод обращения с теми, кто не соблюдает соглашения о бойкоте»: «Это окажет... на таких нарушителей, заставив их образумиться, более сильное воздействие, чем самые убедительные доводы, которые можно было бы привести»³³.

Бостонские «Сыны свободы» серьезно восприняли этот совет. Когда импортер Натаниэль Роджерс попытался бежать от бостонской толпы, «Сыны свободы» срочно отправили гонца к своим братьям в Нью-Йорке, «чтобы те устроили ему горячий прием», если он попадет им на глаза. Едва Роджерс прибыл в Нью-Йорк, как его там подстерегли и вывесили изображающее его чучело перед пятитысячной толпой; ему едва удалось

убраться вовремя из города, чтобы не оказаться обманутым дегтем и вываленным в перьях. Когда стало известно, что на смерть перепуганный Роджерс направился в Филадельфию, «Сынам свободы» этого «квакерского города» было послано письмо, в котором им советовали оказать ему такой же прием³⁴.

Все эти события происходили в период, когда «Сыны свободы» носили эмблемы в честь Джона Уилкеса, устраивали уличные демонстрации и провозглашали тосты за «Уилкеса и свободу». Воздавая почести человеку, попавшему в лондонскую тюрьму за нападки на короля и его правительство, «Сыны свободы» отождествляли судьбу Уилкеса с судьбой одного из них, ибо Александр Макдугал, «американский Уилкес», находился в нью-йоркской тюрьме по обвинению в пропаганде бунтарских настроений.

Как известно, один из законов Тауншенда был принят с целью наказать законодательные власти Нью-Йорка за отказ выделять средства на содержание британских войск. Он предусматривал временное лишение ассамблей права принимать законы, пока она не выполнит своих обязанностей по Акту о расквартировании 1765 года. Под давлением парламента нью-йоркская ассамблея согласилась в 1767 году утвердить законопроект о расквартировании войск, но фактически она приняла его незначительным большинством голосов только 15 декабря 1769 года вопреки яростному сопротивлению «Сынов свободы», которые вышли на улицы с протестом против этого.

Закон о снабжении войск привел в ярость налогоплательщиков Нью-Йорка, где были расквартированы основные силы англичан и где, как мы уже видели, стычки между горожанами и солдатами происходили почти ежедневно. «Сыны свободы» немедленно приняли действенные меры. Они стали проводить на центральной площади публичные собрания протеста, распространяли циркуляры и осуждали членов законодательных органов за то, что те не оправдали их доверия, проголосовав за выделение средств на содержание войск. В субботу, 16 декабря 1769 года, появился плакат, адресованный «Обманутым жителям города и колонии Нью-Йорк». Его автор Александр Макдугал, под псевдонимом «Сын свободы», выступал против закона о снабжении войск,

рассматривая его как новый пример британской тирании и деспотизма. Отмечая, что массачусетская и южнокаролинская ассамблеи отказались снабжать королевские войска, расквартированные на их территории, Макдугал обвинял нью-йоркскую ассамблею в том, что она «предала общее дело свободы», не заняв такую же позицию. «Предоставление этих денег ассамблеей становится еще более прискорбным потому,— продолжал Макдугал,— что она соглашается поддерживать войска, размещенные здесь для того, чтобы не защитить, а поработить нас». Он призывал своих отечественников протестовать: «Последуйте благородному примеру «Друзей свободы в Англии, которые, не желая быть порабощенными, предпочли бороться за свои права с королем, лордами и членами палаты общин. Неужели вы потерпите, чтобы ваших свобод вас лишили ваши же представители? Не рассказывайте об этом в Бостоне; не разглашайте этого на улицах Чарлстона».

Народ, писал он, имеет возможность «помешать осуществлению замыслов тиранов». На Полях надо устроить массовое собрание и провести открытое голосование по этому важному вопросу. После этого (он считал само собой разумеющимся, что подавляющее большинство голосов будет подано против выделения средств на снабжение войск) собравшиеся должны посетить представителей городских властей и потребовать, чтобы они примкнули к оппозиции. «Если же они осмелятся отказать вам в вашем справедливом требовании», нужно, считал он, назначить комитет, который бы отправил разъяснительные письма другим американским ассамблеям и «сторонникам нашего дела в Англии». Такая мера, утверждал Макдугал, «приведет к поражению врагов свободы Америки»³⁵.

На следующий день один из «Сынов свободы», подписавшийся «Легион», распространил листовку, в которой настаивал на созыве собрания. Рано утром в понедельник появилась еще одна листовка, призывавшая граждан собраться в полдень и напоминавшая о том, что они должны сделать выбор между «единством, деятельностью и свободой» и «расколом, бездеятельностью и рабством».

К полудню на Полях собралось более 1400 человек. Председателем собрания был избран один из руководи-

телей «Сыпов свободы» Джон Лэмб. Он подчеркнул, что из-за солдат существуют высокие налоги, инфляция и безработица и что они, как конкуренты рабочих, представляют собой для них постоянную угрозу. «Снабжение их предметами первой необходимости увеличит бремя, лежащее на бедняках», — заявил он и обратился к собравшимся с вопросом; «Вы одобряете результаты голосования?» — «Нет!» — «Согласны ли вы выделить деньги войскам на любых основаниях?» — «Нет!» — «Хотите ли вы назначить комитет, чтобы сообщить всем своим членам об этой сделке?» — «Да!» На собрании был избран комитет в составе 10 человек, в который вошли Лэмб, Сиерз и Макдугал. Члены ассамблеи, к которым они пришли сообщить о «настроениях жителей города» в связи с принятым недавно законом, встретили их враждебно. Члены ассамблеи, имевшие сведения о состоявшемся массовом собрании, заявили им, однако, что они выражают мнение меньшинства, а Лэмб был обвинен в подстрекательстве ³⁶.

19 декабря 1769 года ассамблея осудила анонимную листовку как «лживую, подрывную и позорную» клевету, и вице-губернатор Колден подписал постановление о выдаче 100 ф. ст. тому, кто сообщит имя автора. Под большим нажимом владелец типографии Джеймс Паркер, которому обещали не привлекать его к уголовной ответственности, назвал имя Александра Макдугала. Тогда судья Хорсманден вынес постановление об аресте последнего и привлечении его к суду, после чего предложил ему внести залог за временное освобождение из-под ареста или отправиться в тюрьму. «Сэр, залога я не внесу», — ответил Макдугал ³⁷.

В тюрьме Макдугал провел почти три месяца. Он написал обращение «К свободным землевладельцам, свободным гражданам и жителям Нью-Йоркской колонии», подробно рассказав в нем о своем аресте и о действиях ассамблеи. Заканчивалось обращение следующими словами:

Я рад, что первым пострадал за свободу, когда началась наша доблестная борьба, и если мои страдания хоть сколько-нибудь будут способствовать успеху нашего дела, я буду считать свое пребывание в заключении исключительной удачей и даже

свои оковы (как бы я ни возмущался утратой своей личной свободы хоть на минуту) — славой и торжеством... Пусть установят, пусть по справедливости установят, не являются ли свобода слова и свобода печати естественным следствием свободы, закрепленной в нашей превосходной конституции, и может ли сохраниться сама конституция в случае подавления этой свободы. Поэтому я был бы огорчен, если бы мое пребывание в тюрьме вызвало у кого-либо из моих друзей хоть малейшее беспокойство или тревогу. Я со своей стороны их не испытываю. Дело, за которое я страдаю, может превратить цепи в лавры, а тюрьму — в райскую обитель³⁸.

Подобно Уилкесу, который в конце своего обращения к миддлсекским избирателям отметил, что оно написано в тюрьме, и Макдугал закончил свое обращение словами: «Из нью-йоркской тюрьмы». И как Уилкес приглашал своих избирателей навестить его в тюрьме, так и Макдугал приглашал к себе народ, указав для посещения время с трех до шести часов. После этого начались ежедневные визиты посетителей, в том числе и «женщин — любительниц свободы».

Магическое число «45», ассоциировавшееся с Уилкесом, стали применять и к Макдугалу, особенно когда стало известно, что решение ассамблеи, приведшее к его аресту, напечатано на 45-й странице протоколов ее заседаний. В 45-й день года (14 февраля) 45 «настоящих противников внутреннего налогообложения, установленного чужеземными властями или теми, кто подчинялся этим властям, и сердечных друзей свободы Америки направились благопристойной процессией в Новую тюрьму» и принесли с собой, чтобы пообедать с Макдугалом, «45 фунтов бифштексов, вырезанных из мяса 45-месячного бычка». 14 марта 45 девиц посетили тюрьму, где руководитель «Сынов свободы» угощал их чаем, пирожными, шоколадом и вел «подобающую компании беседу». После трапезы была спета вторая часть 45-го псалма³⁹.

«Сыны свободы», особенно активно рекламировавшие одного из своих руководителей как «американского Уилкеса», подчеркивали, кроме всего прочего, что он,

подобно Уилкесу, боролся за демократизацию выборов. Действительно, незадолго до своего ареста Макдугал возглавил кампанию за замену открытого голосования тайным. Празднуя годовщину отмены закона о гербовом сборе, бостонские «Сыны свободы» провозгласили тост за то, чтобы «пигмеи, подражающие угнетателям Уилкеса, были прокляты и потерпели поражение в своих нападениях на храброго капитана Макдугала». В Нью-Йорке вновь объединившиеся «Сыны свободы», численность которых сильно возросла благодаря мужественному поведению Макдугала, устроили обед, на котором было провозглашено 45 тостов, в том числе за Макдугала, Уилкеса, «свободу печати», «свободу выборов», «дальнейшее соблюдение соглашений о бойкоте импорта вплоть до отмены акта о пошлинах», «процветание торговли и промышленности в Америке» и за «единодушие всех «Сынов свободы» в Америке и упорную борьбу за славное дело».

Незадолго до захода солнца компания из Хэмпден-Холла, к которой на Полях присоединились другие люди, под звуки оркестра и с развевающимися знаменами направилась к зданию Новой тюрьмы, где одобрительными возгласами приветствовала капитана Макдугала и услышала в ответ такие же возгласы из тюрьмы. Макдугал через окно на среднем этаже тюрьмы обратился к собравшимся с короткой речью, в которой поблагодарил их за проявленное к нему уважение ⁴⁰.

«Сыны свободы» ясно дали понять, что освободить Макдугала могут только простые люди, особенно мастеровые и рабочие. «Не верьте богатым, они верят только в свое богатство и в трудный час уйдут в сторону». Если простые люди не будут действовать, предупреждали они, «нам грозит неминуемая гибель». И простые люди отозвались на этот призыв. По дороге в суд, где Макдугал должен бы предстать перед большим жюри, его сопровождали люди, которых один консервативный ньюйоркец описывал как «толпу... состоявшую из 200—300 городских подонков и возглавляемую самыми ярыми приверженцами республиканской клики» ⁴¹.

25 апреля большое жюри, охарактеризовав Макдугала как «человека буйного и беспокойного характера и под-

рывных наклонностей», обвинило его в распространении клеветнических заявлений и назначило суд на октябрь 1770 года. Однако под давлением требований прекратить дело Макдугала суд над ним так и не состоялся. К большой радости народа, «нью-йоркский Джон Уилкес» был освобожден из тюрьмы ⁴².

Незадолго перед тем, как знаменитое «дело Макдугала» разбиралось в судебных инстанциях, в Нью-Йорке и Бостоне произошли вооруженные столкновения между регулярными войсками и гражданским населением, в частности рабочим людем. Первое открытое столкновение между американцами и британскими войсками вызвало первое в истории Америки кровопролитие.

5. БИТВА ПОД ГОЛДЕН-ХИЛЛОМ И «БОСТОНСКАЯ БОЙНЯ»

8 января 1770 года генерал Томас Гейдж писал из Нью-Йорка в Бостон подполковнику Уильяму Дэлримплу: «Люди повсюду как обезумевшие. Теперь здесь стало таким же обычаем собираться у «столба свободы» и в кофейне, чтобы обсудить общественные дела, как и в Древнем Риме на Форуме. А ораторы разглагольствуют со всех сторон»¹.

«Столб свободы», о котором упоминал Гейдж, был установлен на Полях недалеко от казарм британских солдат и, как говорилось выше, уже стал причиной нескольких стычек между солдатами и гражданским населением. Это был четвертый «столб свободы», установленный «Сынами свободы» после того, как три предыдущих были уничтожены солдатами. В ночь на 18 марта 1767 года, после того как ньюйоркцы отпраздновали первую годовщину отмены закона о гербовом сборе, несколько солдат разрушили третий «столб свободы». Четвертый столб был больше и прочнее трех предыдущих. Он был укреплен поставленными в длину железными брусками, а между ними плотники и металлисты вклинили железные обручи, закрепив их гвоздями.

В ту же ночь, когда был установлен четвертый столб, солдаты попытались подорвать его. Однако им не удалось этого сделать, как не удалось несколько дней спустя и взорвать его порохом, заложенным в просверленном в нем отверстии. После того как солдаты предприняли еще пять неудачных попыток, штаб британской армии и городские судебные власти приняли наконец меры, чтобы предотвратить дальнейшие покушения на символ, священный для «Сынов свободы»².

Пока держался четвертый «столб свободы», отношения между солдатами и городским населением продолжали ухудшаться с каждым днем. Ньюйоркцы, и особенно те городские рабочие, у которых солдаты отнимали работу, все больше высказывали свое возмущение тем, что им приходится содержать гарнизон. Их настроение разделяли

и матросы, которые, возвращаясь в город в поисках работы, убеждались, что их места заняли солдаты, свободные от несения воинской службы. И все же солдаты почти три года не пытались уничтожить «столб свободы», и власти надеялись, что стычки между войсками и «Сынами свободы» из-за патриотической святыни отошли в прошлое. Но эта надежда оказалась тщетной.

Вечером 13 января 1770 года примерно 40 солдат 16-го полка попытались взорвать «столб свободы». Они принялись пилить его опоры, сверлить отверстия, заполняя их порохом и забивая в них запалы. Кожевник Джон Уайт, заметивший, чем занимаются солдаты, бросился в таверну Монтейна, которую часто посещали «Сыны свободы», и поднял тревогу. Когда двое находившихся в таверне «Сынов свободы» вышли посмотреть, а вернувшись, подтвердили его слова, все, кто находился в таверне Монтейна, выбежали на улицу. Захваченные с поличным, солдаты постарались поскорее закончить свое дело и зажечь запал, но он не взорвался. Чтобы оповестить остальное население, наблюдавшие за их действиями горожане стали кричать «Пожар!» и освистывать солдат. Разъяренные солдаты загнали их в таверну Монтейна и стали крушить все вокруг. Они разбили 84 оконных стекла, оскорбили посетителей и выгнали их из помещения через разбитые окна, избили официанта и угрожали убить самого Монтейна, если он станет звать людей на помощь. К тому времени кто-то из горожан уже успел сообщить о происходящем офицерам, которые приказали всем солдатам вернуться в казармы и выставили часового охранять «столб свободы». Часовой сразу же исчез, но ночью новых покушений на «столб свободы» не предпринималось.

Спустя две ночи солдаты снова попытались взорвать столб. Прежде чем они успели повредить его, член городского управления сообщил об этом офицеру, и вторая попытка солдат также провалилась. 15 января появился плакат, автором которого, несомненно, был Джон Лэмб (хотя под ним и стояла подпись «Брутус») и в котором населению сообщалось о том, что происходит. Выражая недовольство бедняков и безработных, вынужденных в поисках работы конкурировать с английскими солдатами, Лэмб-Брутус писал: «Любого, кого серьезно беспокоит бедственное положение города, и особенно многих его

беднейших жителей, не может не удивлять поведение тех, кто нанимает на работу солдат, несмотря на то что в городе множество безработных, которым необходима работа, чтобы содержать свои нуждающиеся семьи». Разве не достаточно того, спрашивал он, что нью-йоркцы платят налоги «для содержания солдат и налог в пользу бедных, для содержания многих их шлюх и ублюдков в работном доме, чтобы не отнимать ради солдат работу у бедняков, которых вам все равно придется содержать, если вы не дадите им работу, что еще больше увеличит налог, уплачиваемый вами в пользу бедных?»

Автор выразил надежду, что представители высших классов, и главным образом «работодатели», откажутся впредь нанимать солдат, особенно после их «вопиющего злодеяния» — попытки взорвать «столб свободы» и разрушения таверны Монтейна. Он предупреждал, что солдаты — «банда врагов свободы, готовых по мановению руки тиранов поработать других», — должны уйти, ибо в ином случае город заслужит «справедливые упреки со стороны бедняков». В заключение автор плаката призывал «всех «друзей свободы» собраться у «столба свободы» в 12 часов в среду», 17 января.

Но солдаты осуществили свою цель прежде, чем состоялось собрание у «столба свободы». Накануне вечером их спугнули «Сыны свободы», собравшиеся, чтобы подготовить резолюции для собрания, назначенного на следующий день. Однако, когда «Сыны свободы» разошлись по домам, мстительные «красные мундиры» украдкой вернулись обратно, срубили столб, распилили и раскололи его на мелкие куски и бросили все это у дверей таверны Монтейна.

На следующий день в полдень «не менее трех тысяч» людей дрались как бешеные на том месте, где стоял «столб свободы». Как отметил один из очевидцев, еще до того, как началось собрание, «их с трудом удалось удержать от насилия». Среди присутствовавших находилось немало «людей, которые легко могли пострадать из-за найма на работу солдат». Председатель собрания, которым, по всей вероятности, был Джон Лэмб, указывая на пустое место перед трибуной, говорил о разрушении «столба свободы», который он назвал «мемориалом свободы» как о доказательстве «неоправданности действий, способствующих содержанию людей», которые твердо

намерены разрушать каждый, даже «малейший памятник, воздвигнутый в честь похвального духа свободы, царящего среди жителей города». Он призывал собравшихся «отбросить все групповые разногласия и объединиться ради защиты своих свобод». Затем он зачитал резолюции, подготовленные накануне «Сынами свободы»:

постановлено, что мы не станем нанимать ни одного солдата на каких бы то ни было условиях и будем относиться к ним с отвращением и презрением, которых заслуживают враги нашей счастливой конституции. Многие из них неоднократно ходили по улицам города ночью с оружием и покушались на жизнь многих граждан и тем не менее сумели избежать действия законов и остаться безнаказанными. Поэтому, чтобы в будущем жители города не подвергались оскорблениям и их жизни не грозила опасность,

постановлено: какой-либо солдат, замеченный ночью с оружием (за исключением часовых и дежурных сержантов) или вне казарм после переклички, как и тот, кто будет обнаружен даже без оружия, но станет наносить оскорбления, будет рассматриваться нами как враг мира в городе; мы торжественно обязуемся друг перед другом и перед каждым из нас делать все, что в наших силах, чтобы строго соблюдать вышеизложенные резолюции и по возможности подвергать их нарушителей заслуженному наказанию.

Толпа приветствовала эти резолюции одобрительными возгласами и подписала их вслед за Сиерзом, Лэмбом и Макдугалом. Затем плотник Уильям Лиск указал на дом, выходящий на центральную площадь, который накануне ночью солдаты использовали как караульное помещение. «Его надо снести!» — воскликнул он. Услышав его возглас, солдаты обнажили сабли и штыки и стали задирать присутствующих, предлагая им приблизиться. Толпа приняла их вызов, но затем с помощью вмешавшихся судей и офицеров избрала комитет, который должен был потребовать от муниципалитета распоряжения снести этот дом.

Тем временем группа матросов решила выполнить первую часть первой резолюции. Вооружившись дубин-

камн, матросы патрулировали улицы, «проникали в дома и на суда и насильственно выдворяли и прогоняли оттуда солдат, которых они заставляли за работой, угрожая отомстить всем жителям города, которые вознамерятся снова нанять их». Один из хозяев, которым угрожали такими мерами, обвинил «Сынов свободы» в том, что они послали «банду хулиганов с большими дубинками в руках патрулировать улицы».

В пятницу 19 января в ответ на это солдаты 16-го пехотного полка выпустили плакат. «*Поскольку*, — говорилось в нем после четырех стихотворных строк с жалобой на тяжелое положение солдат, — во всем городе наблюдаются необычные и буйные беспорядки», инспирируемые теми, кто «именует себя» «„Сынами свободы“», но кого более уместно «называть подлинными врагами общества», а «Сыны свободы» — истинные враги общества, «убийцы, грабители, изменники», которые подстрекают к бунту порядочных подданных его величества», королевские солдаты сделали безопасным пребывание в городе женщин и детей и являются подлинными защитниками английской свободы. В конце солдаты писали, что они отказываются «покорно терпеть» нападки на них и готовы «стать на защиту прав и привилегий солдата».

Когда несколько солдат расклеивали этот плакат с обвинениями в адрес «Сынов свободы», их заметили Сиерз и пекарь Уолтер Куэкенбос. Сиерз, схватив одного солдата, спросил, «какое тот имеет право клеветать в печати на горожан», и пригрозил, что отведет его к мэру города. Когда другой солдат обнажил свой штык, руководитель «Сынов свободы» бросил в него бараний рог и попал ему в голову. Остальные солдаты побежали в казармы, чтобы поднять по тревоге солдат, а Сиерз и Куэкенбос схватили двоих из них, отвели к мэру и попросили его арестовать их за расклеивание плакатов, содержащих клевету на народ.

Тем временем у дома мэра Хикса собралась толпа; внезапно к ней приблизились 20 солдат с обнаженными саблями и штыками, намереваясь освободить двух своих товарищей. В этот момент безработный провинциальный солдат «капитан Ричардсон» подвел небольшую группу людей к двери, чтобы остановить солдат. Пока между ними шла перебранка, из дома вышли мэр Хикс и один из

членов городского управления и приказали солдатам вернуться в казармы.

Солдаты нехотя отступили, толпа же последовала за ними. Когда солдаты, все еще размахивая саблями, подошли к Голден-хиллу на Джон-стрит, расположенному между Клиф-стрит и Бэрлинг-слип, они стали подниматься по Голден-хиллу, вместо того чтобы вернуться в казармы. Дойдя до вершины холма, солдаты повернулись к толпе, и один из них, «подозревали, что это переодетый офицер», закричал: «Солдаты, обнажите штыки и пробейте себе путь». Солдаты послушались его и стали пробивать и прорубать себе путь через толпу. Некоторые из них кричали: «Где же ваши „Сыны свободы“?» Одновременно солдаты, сбежавшиеся из казарм к подножию холма, напали на толпу сзади, крича солдатам, находившимся наверху, чтобы те «пробивали себе путь вниз, а уж они встретят их на полпути».

Хотя кое-кто из толпы имел при себе палки и дубинки, а один даже и перекладину от саней, подавляющее большинство «было не защищено». Многие получили сабельные ранения. Один из матросов был насквозь проткнут штыком и вскоре скончался. В тот день это был единственный смертный случай.

Однако террор не ограничился событиями у Голден-хилла. Размахивая саблями, солдаты с воплями гонялись за людьми по улицам. Когда горожане выходили из своих домов, чтобы узнать, в чем дело, солдаты набрасывались и на них, не щадя даже женщин и детей. Но дальнейшие столкновения предотвратили городские судьи и армейские офицеры, положившие конец нападкам солдат на гражданское население.

Солдаты вернулись в казармы. Они уже преподали «Сынам свободы» два урока. Чтобы еще яснее показать свои намерения, поздним вечером солдаты стали слоняться по городу и приставать к жителям. Они напали на двух фонарщиков, одного ранили в голову, «а из-под другого вытащили лестницу, когда он зажигал фонари».

На следующий день, в субботу 20 января, матросы, «Сыны свободы» и жители города отомстили им. Согласно одной версии, «матросы с дубинками, стремясь отомстить за смерть своего собрата», напали на Нассау-стрит на солдат, которые отбивались «с величайшей

яростью», что заставило «Сынов свободы» и всех граждан вообще встать на защиту матросов. По другой версии, группа пьяных солдат начала драку, напав на нескольких матросов. Во всяком случае, матросы, «Сыны свободы» и остальные граждане преследовали солдат до ворот казарм, куда те вбежали, чтобы перевязать свои раны.

Так закончились двухдневные бои. Мэр Хикс оповестил горожан об их частичной победе, когда объявил, что генерал Гейдж разрешил солдатам отлучаться из казарм во внеслужебное время только под командованием сержанта, который должен был отвечать за «надлежащее поведение» своих солдат. Жалобы же рабочих на нечестную конкуренцию со стороны солдат, свободных от несения службы, по-прежнему игнорировались³.

Что касается «столба свободы», то в этом отношении над «красными мундирами» была одержана полная победа. Через две недели после инцидента у Голденхилла комитет «Сынов свободы» во главе с Айсеком Спирзом, Джоном Лэмбом и Александром Макдугалом обратился к городскому совету за разрешением установить на центральной площади города новый «столб свободы». «Сыны свободы» намеревались передать его, после того как он будет установлен, в дар муниципалитету. К удивлению комитета, муниципалитет отклонил это предложение — мера, которую, по мнению «Сынов свободы», «нельзя было сравнить ни с одним актом любого муниципалитета в британских доминионах, избранного голосованием свободных людей». Спирз и еще несколько «Сынов свободы» купили у частного владельца участок земли шириной 3,6 м и длиной 30 м вблизи того места, где столб стоял прежде. Здесь в выкопанной яме глубиной 3,6 м был «установлен большой просмоленный сосновый столб, облицованный железными прутьями, уложенными вплотную в длину, соединенными между собой и полностью покрывавшими столб на две трети его длины; поверх прутьев снизу доверху, на небольшом расстоянии один от другого, были насажены большие железные обручи толщиной около 12 мм». На верхушке этого двенадцатиметрового столба находилась шестиметровая мачта, увенчанная поволоченным флюгером, на котором было начертано слово «свобода». Поскольку «столб свободы» напоминал корабельную мачту, его, вероятно,

строили матросы. Участие матросов неудивительно, ибо они сражались в битве у Голден-хилла и имели немало оснований ненавидеть работающих солдат.

6 февраля 1770 года новый «столб свободы» «протащили по улицам с судовой верфи шесть лошадей, украшенных лентами и тремя развевавшимися флагами, на которых были начертаны слова: «Свобода и собственность»; их сопровождали несколько тысяч жителей». Он был водружен «под звуки валторн, исполнявших мелодию „Боже, спаси короля“»⁴.

Этот «столб свободы» оказался достаточно прочным и сохранился до 28 октября 1776 года, когда уже многие из тех, кто участвовал в битве у Голден-хилла, были мобилизованы в континентальную армию, сражавшуюся за независимость Америки. Так, 20-летний ученик столяра Майкл Смит воевал, имея при себе мушкет, португезу, штыки и патронташ, отнятые им у британского гренадера, когда он бросился вверх на Голден-хилл с ножкой стула в руках, чтобы защитить и «безоружных» горожан⁵.

В своей изданной в 1859 году книге «„Сыны свободы“ в Нью-Йорке» Генри Б. Доусон назвал двухдневные бои в январе 1770 года «битвой у Голден-хилла», «первым военным столкновением в Американской революции»⁶. В большинстве исторических описаний событий, завершившихся 4 июля 1776 года, «битва у Голден-хилла», даже если о ней и упоминается, не занимает столь видного места, как «бостонская бойня», происшедшая шесть недель спустя. Однако оба эти события были вызваны одними и теми же причинами — возмущением заносчивостью солдат оккупационной армии и растущим антагонизмом между колониальными рабочими и британскими войсками из-за конкуренции за рабочие места и снижения зарплаток. Прежде чем рассказать о роковом дне 5 марта 1770 года в Бостоне, следует отметить, что «битва у Голден-хилла» укрепила единство «Сынов свободы». Более того, как подчеркивает Роже Шампань, «тесные товарищеские отношения между Спэрзом, Лэмбом и Макдугалом зародились именно во время этой битвы»⁷.

12 марта 1770 года на первой странице газеты «Бостон ивнинг пост» появилось сообщение о происшедшей в Бостоне за неделю до этого «кровавой бойне», которая была охарактеризована как «пагубный результат расквар-

тирования войск среди гражданского населения в мирное время»⁸. Во время этих событий были убиты четыре человека.

Погибли:

Сэмюэль Грей, убитый на месте пулей, которая пробила ему голову и снесла большую часть черепа.

Мулат Криспас Аттокс, родившийся в Фрамингеме, но последнее время живший в Нью-Провиденсе и намеревавшийся отправиться в Северную Каролину; он также был убит на месте двумя пулями в грудь. Одна из них пробила ему правое легкое и разорвала печень.

Джеймс Колдуэл, старший помощник на корабле капитана Мортона, также убит двумя пулями в спину.

Сэмюэль Мэйверик, многообещающий 17-летний юноша, сын вдовы Мэйверик и ученик мистера Гринвуда, был смертельно ранен; пуля пробила ему живот и была вынута из спины. Он умер на следующее утро.

Пятой жертвой стал Патрик Карр, скончавшийся от полученных им ран 14 марта.

Все пятеро были рабочими. Криспас Аттокс, беглый раб-негр, был матросом и портовым грузчиком, Сэмюэль Грей — канатчиком, Джеймс Колдуэл — молодым матросом, Патрик Карр работал в мастерской по пошиву кожаных штанов, а Сэмюэль Мэйверик был учеником столяра.

«Кровавая бойня» 5 марта 1770 года явилась высшей точкой в развитии событий, начавшихся в 1768 году после прибытия в Бостон двух полков регулярных британских войск. Генерал Гейдж с самого начала искал случая подчинить рассадник радикализма Бостон контролю военных. В январе 1766 года он писал военному министру Баррингтону, что ищет «законный предлог» для осуществления своего замысла⁹. Однако для этого ему потребовалось больше двух лет. «Законный предлог» представился лишь тогда, когда «Сыны свободы» повели за собой толпу, выступившую против печально прославившихся коррупцией таможенных уполномоченных, которых, помимо практиковавшейся ими системы вопиющего взяточниче-

ства, повышавшего стоимость продуктов, обвиняли и в том, что они дали кому-то взятку за то, чтобы срубить флагшток на «древо свободы». Уполномоченные вынуждены были бежать в Касл-Уильямс. Поскольку было ясно, что таможня может продолжать свою работу, прибегая к взяточничеству и другим формам коррупции лишь с помощью оружия, из Галифакса в Бостон были присланы два полка солдат¹⁰. Поль Ривер записал в связи с этим в своем дневнике:

В пятницу 30 сентября 1768 года шхуны, транспортные суда и т. п. вошли в гавань и стали на якорь вокруг города с заряженными пушками, готовые принять швартовы, как для настоящей осады. В полдень в субботу на Длинной пристани высадились 14-й и 29-й полки, отряд из состава 59-го полка и обоз артиллерии; здесь они построились и нагло промаршировали по Кинг-стрит под звуки барабана и флейт, причем каждый солдат получил пулю и пороха на 16 выстрелов¹¹.

По словам губернатора Бернарда, солдаты прибыли, чтобы «вызволить правительство из рук подстрекаемой толпы и восстановить деятельность гражданских властей». Короче говоря, войска заняли Бостон не в военных целях, а исключительно в качестве полицейских¹².

Непосредственно перед высадкой войск бостонские «Сыны свободы» собрались, чтобы решить, следует ли оказать им вооруженное сопротивление. Они приняли решение проводить политику «величественного отказа от сотрудничества», но прошло лишь немного времени, прежде чем эта пассивная позиция уступила место неукротимой ненависти к «красным мундирам». И не удивительно. В 1766 году Бенджамин Франклин заявил парламенту, что войска, отправленные в Америку, «не столкнутся там с восстанием, но могут его вызвать». Два года спустя один из корреспондентов отмечал в «Бостон газет», что в «свободной стране... регулярная армия скорее вызывает, чем предотвращает их [конфликты]»¹³. Последующие события вскоре подтвердили это.

«Британские войска в XVIII веке в большей части состояли из хулиганов и подонков,— отмечает Джон Миллер,— но 29-му полку, который министерство послало для укрощения бостонцев, видимо, досталось больше его за-

конной доли висельников»¹⁴. Бостонцы и сами могли видеть, в каких ужасных условиях жили солдаты. В своей работе, посвященной положению английских солдат в американских колониях, Джеймс Шай пишет, что население Бостона возмущалось суровой дисциплиной, существовавшей в армии, и что многие горожане фактически давали приют дезертирам. Он делает вывод, что бостонцы питали «известное гуманное чувство по отношению к этим несчастным созданиям, которым жилось хуже, чем рабам»¹⁵.

Однако оскорбительное поведение солдат по отношению к бостонцам было повседневным явлением (хотя многие историки отвергали это обвинение как пропагандистское)¹⁶, и это значительно уменьшало их сочувствие к войскам. Солдаты нередко забавлялись тем, что кололи горожан в ребра штыками и сталкивали с тротуаров. Присутствие на улицах часовых, постоянно задиравших прохожих, «переходило границы терпения большинства бостонцев». Весь город как бы напоминал сплошной гарнизон, ибо войска находились повсюду — даже в Фанейл-холле и в ратуше. Усиление пьянства, рост мелкого воровства и проституции, как и воскресные конские скачки на центральной площади, еще больше ухудшали отношения между солдатами и городским населением¹⁷.

Еще одним фактором, способствовавшим ухудшению отношений, была принятая в британской армии практика разрешать солдатам, свободным от несения службы, заниматься на гражданскую работу за плату, наполовину меньшую той, которую получали американцы. Конкуренция за рабочие места была, как мы уже видели, одной из причин «битвы у Голден-хилла». Когда к издевательствам над гражданским населением добавилась эта конкуренция, неминуемо должен был последовать такой же, если не более трагический, исход. Чтобы понять события, приведшие к «бостонской бойне», — подчеркивает Ричард Б. Моррис, — необходимо помнить об этой острой конкуренции»¹⁸.

2 марта 1770 года между английскими солдатами и рабочими-канатчиками произошло жестокое столкновение именно из-за этой конкуренции. Оно началось, когда представитель канатной фабрики Джона Грея предложил одному из трех английских солдат, искавших работы, отправиться «чистить мой сортир». Это оскорбление

вызвало рукопашную схватку, в которой английские солдаты потерпели поражение. Тогда они побежали к своим казармам и вернулись с несколькими товарищами. Когда их отогнали, они снова привели 30—40 человек подкрепления, вооруженных дубинками и саблями. Рабочие с соседних канатных фабрик присоединились к 13—14 рабочим канатной фабрики Грея, и, хотя в руках у них были только палки, им удалось разогнать солдат.

Ликование рабочих несколько приутихло, когда канатчик, оскорбивший солдата, по настоянию военных властей был уволен. Однако разгневанные и униженные солдаты поклялись отомстить своим обидчикам. Вечером 5 марта Сэм Грей, один из рабочих, участвовавших в предыдущем столкновении, и несколько рабочих, пострадавших из-за конкуренции со стороны свободных от службы солдат, подошли к гарнизону, где солдаты в полном боевом снаряжении стояли на вахте. «Давайте, мошенники, кровавые спины, подлые красномундирники, — дразнил их Грей, — стреляйте, если посмеете. Стреляйте, будьте вы прокляты; мы знаем, что вы не посмеете». Но солдаты посмели: трое из них, участвовавшие в столкновении на канатной фабрике, вместе с остальными солдатами открыли огонь. Когда дым рассеялся, трое рабочих лежали убитые и несколько было ранено; двое из них вскоре скончались¹⁹.

Противоречивое описание этих событий не позволяет точно установить, умышленно ли солдаты стреляли в рабочих, в которых они узнали людей, дравшихся с ними из-за рабочих мест. Хиллер Б. Зобел, возможно, прав, когда в своем необъективном в других отношениях «отчете» о «бостонской бойне» делает вывод, что «до сих пор никому еще не известно, что случилось в действительности»²⁰. Не подлежит, однако, сомнению, даже если Зобел не видит и не понимает этого, что между первым столкновением на канатной фабрике и происшедшим позднее побоищем существовала реальная связь²¹. Более того, именно Криспас Аттокс, беглый раб из Фрамингема, был, как позднее заявил Джон Адамс, главным инициатором нападения толпы на английских солдат, приведшего к бойне. Матрос Аттокс, один из трех-четырех негров и индейцев в этой толпе, работал портовым грузчиком в Бостоне, зарабатывая себе на жизнь. У него было достаточно оснований возмущаться постоянной работой «по совместительству» английских солдат, ибо она уменьша-

ла его шансы на получение работы и снижала его зарплаты в те тяжелые времена ²².

После убийства рабочих несколько солдат выскочили из казарм и избili многих горожан. «Опасения, что у них имеется жесткий план широкого, если не всеобщего побищца, вызванные столь варварскими актами насилия наряду с их прежними нападениями, справедливо встревожили народ: зазвонили колокола и собралось великое множество людей». Пока некоторые из них занимались убитыми и ранеными, Уильям Молино и другие попросили губернатора Хатчинсона приказать солдатам вернуться в казармы. Когда Хатчинсон ответил отказом, «Сыны свободы» сами отогнали солдат ²³.

Все пять жертв «бостонской бойни», и черные и белые, были похоронены в одной могиле, и в похоронной процессии шли 10—12 тысяч человек. Два солдата, виновные в их гибели, были обвинены в непредумышленном убийстве; у них выжгли клеймо на больших пальцах рук, и их уволили из армии. Шестеро других были оправданы. Судьи и другие участники судебного разбирательства получили денежное вознаграждение за то, что добились освобождения обвиняемых ²⁴.

Освобожденных солдат никто впоследствии не преследовал, хотя возмущение народа никогда не было в Бостоне таким сильным, как после этой бойни. Вместе с тем бостонцы настаивали на немедленном выводе войск, и, когда власти стали уклоняться от выполнения этого требования, «Сыны свободы» организовали наблюдение, чтобы добиться их вывода. Они заявили, что в случае необходимости выведут войска силой. «Сыны свободы» из Портсмута (штат Нью-Хэмпшир) поддержали их, сообщив, что в количестве 10 тыс. человек они придут «помочь сбросить красномундирников в Бостонскую бухту». Салемские «Сыны свободы» обещали прислать несколько тысяч человек, чтобы помочь Бостону уничтожить «распущенную и кроважадную солдатню». Вооруженные люди действительно двинулись в поход на Бостон, но бостонцы задержали их на окраине города ²⁵. По словам одного из исследователей, народное возмущение «бостонской бойней» было столь велико, что «революция вполне могла бы начаться в 1770 году, если бы англичане не вывели из Бостона свои войска» ²⁶. Несмотря на то что войска наконец ушли из города, Уильяму Молино пришлось проша-

гать рядом с ними от казарм до пристани, чтобы спасти их от гнева возбужденных горожан.

В 1770 году граждане Бостона постановили отмечать годовщину событий 5 марта выступлениями и организацией общественной выставки на Кинг-стрит, где произошло побоище, с изображением сцен убийства, войск и жертв. До самого конца Войны за независимость память о пяти рабочих, в том числе и о матросе-негре, поддерживали в народе, устраивая торжественные собрания, на которых выступали руководители «Сынов свободы». Выставку ежегодно посещали огромные массы народа, на ней собирали средства в пользу оставшихся в живых жертв «бостонской бойни». В 1774 году состоялся «очень щедрый сбор» в пользу Кристофера Монка, одного из молодых рабочих, раненных ночью 5 марта 1770 года²⁸.

* *
*

Генерал Томас Гейдж, бывший свидетелем и битвы у Голден-хилла, и «бостонского побоища», заявил, что нью-йоркские «Сыны свободы» решили восстановить народ против солдат, чтобы «иметь предлог требовать вывода войск», и что «о плане добиться вывода войск, устраивая ссоры с ними, вскоре было сообщено в Бостон». Кэдуоллейдер Колден выразил аналогичное мнение, говоря об «одинаковых действиях этой клики здесь и в Бостоне»²⁹. Многие историки согласны с ними, объясняя события, происходившие в начале 1770 года в Нью-Йорке и Бостоне, безрассудной решимостью «Сынов свободы» организовать «какой-либо инцидент», во время которого они могли бы поднять своих марионеток — «самую последнюю чернь» против солдат. Однако описанные здесь факты говорят о том, что восстанавливать рабочих против войск не приходилось. За исключением консерваторов, которым войска нужны были, чтобы держать народ в подчинении, у всего населения имелось достаточно причин для недовольства ими. У рабочих же их было более чем достаточно, ибо, разделяя всенародное возмущение заносчивостью солдат, они страдали еще и из-за конкуренции с ними.

На состоявшейся в 1772 году выставке в память «бостонской бойни» над панорамой, изображающей побоище на Кинг-стрит, была сделана надпись: «Роковые последствия размещения регулярной армии в свободном городе»³⁰.

6. БОРЬБА ПО ВОПРОСУ О БОЙКОТЕ ИМПОРТА И «ЧАЕПИТИЯ»

После принятия Актов Тауншенда 1767 года купцы приморских городов согласились временно прекратить импорт английских промышленных товаров до тех пор, пока не будут удовлетворены претензии колоний. Однако в большинстве случаев они действовали нерешительно, да и то лишь под нажимом мастеровых и их сторонников среди «Сынов свободы». В конце концов соглашения об отказе от импорта были подписаны, но многие из подписавших были по-прежнему недовольны и ждали первого случая, чтобы отменить их. Одной из причин их недовольства была тревога, вызванная усилившейся ролью мастеровых и ремесленников в борьбе за выполнение соглашений о бойкоте импорта. Купцы, как представители правящего класса, «понимали, что политическое усиление мастеровых и ремесленников представляет собой такую же серьезную угрозу для их контроля над провинциальными органами власти, как и для британского правительства»¹. Единство, достигнутое «Сынами свободы» в Нью-Йорке, возникновение более эффективного движения «Сынов свободы» в Филадельфии под руководством Чарлза Томсона, организация политической партии мастеровых в Чарлстоне усиливали стремление купцов покончить с бойкотом импорта, который, как они считали, вызвал эти беспрецедентные явления². Не удивительно поэтому, что создававшиеся купцами ассоциации по бойкоту импорта обычно предусматривали их самороспуск после отмены Актов Тауншенда. Если бы не нажим со стороны «Сынов свободы», купцы отказались бы от политики бойкота импорта еще до их отмены.

Случай, которого так ждали купцы, представился весной 1770 года, когда парламент отменил все налоги, введенные Актами Тауншенда, за исключением налога на чай. Купцы немедленно решили уклониться от соблюдения соглашений о бойкоте импорта, однако «Сыны свободы» потребовали оставить соглашения в силе до тех пор, пока не будут отменены все налоги, введенные Тауншен-

дом, заявляя, что в ином случае парламенту придется поступиться правом взимать этот налог. Мастерские решительно поддержали это требование. Бойкот импорта, обеспечивавший им монопольное положение на местном рынке, явился для них благом, и, естественно, они стали его самыми ревностными сторонниками и надеялись сохранить его как можно дольше.

Несмотря на эти частичные уступки со стороны парламента, бостонские «Сыны свободы» быстро приняли меры для осуществления дальнейшего бойкота импорта. Когда несколько бостонских купцов организовали собрание, чтобы принять резолюцию, разрешающую импорт всех английских товаров, кроме чая, «Сыны свободы», придя на собрание, потребовали изменить резолюцию, включив в нее требование о сохранении бойкота импорта до полной отмены всех налогов. Купцы спешно прекратили собрание, но «Сыны свободы» заняли Купеческий клуб, где оно проходило, и превратили его в «орган народа», который своей собственной властью принял резолюции о продлении бойкота импорта и о создании самостоятельных инспекционных комитетов. Затем были проведены уличные демонстрации с целью заставить импортеров передать свои товары инспекционным комитетам. Одного из купцов, отказавшегося подчиниться этому требованию, изгнали из города, предупредив, чтобы он и не вздумал возвращаться³.

Бостонские «Сыны свободы» ясно показали, что они скорее «прибегнут к мечу, чем потерпят нарушение соглашения»⁴. Однако и меч мало чем мог помочь, если бы английские товары свободно поступали в другие морские порты. Сразу после получения в Род-Айленде известия о решении парламента ньюпортские купцы вопреки энергичным протестам «Сынов свободы» подорвали единство колоний, прекратив бойкот импорта. Вскоре после этого в Бостон начали проникать слухи о растущем недовольстве в Нью-Йорке и Филадельфии. Если бы эти города последовали примеру Ньюпорта, то попытка сохранить в силе соглашение о бойкоте импорта в Бостоне была бы обречена на провал. Именно так и случилось.

Нью-йоркские купцы заявили, что только они одни имеют право решать, следует ли продолжать бойкот им-

порта. Они особенно не хотели участия мастеровых в решении этого вопроса, который, как считали купцы, касался исключительно экономического благосостояния торговой общины. Разумеется, благосостояние мастеровых также зависело от дальнейшего соблюдения политики бойкота импорта, но купцы использовали этот аргумент, чтобы замаскировать истинную причину своего недовольства, а именно то, что мастеровые начали играть слишком активную роль в делах, не касавшихся «низших классов».

Как и следовало ожидать, «Сыны свободы» отвергли доводы купцов. Один из нью-йоркских «Сынов свободы» выпустил блестящий плакат в духе Свифта, озаглавив его «За создание и поощрение новой мануфактуры». Поскольку «мастерской (определить этот вид животных трудно), или, иными словами, двуногая рабочая лошадь, создан исключительно для того, чтобы способствовать росту комфорта и влияния кучки импортеров», он предлагал государству построить сыромятню, чтобы компенсировать импортеров за защиту ими прав американцев:

Во-первых, следует изыскать надлежащие методы, чтобы поощрять разведение мастеровых, приученных к самому тяжелому физическому труду.

Во-вторых, после смерти этих мастеровых, их жен и детей назначить комитет из импортеров, чтобы их шкуры очистить от блох, а затем отправить на сыромятню.

В-третьих, за счет провинции создать мануфактуру для выделки, сушки и дубления этих шкур.

И в-четвертых, прибыли, полученные от продажи этой кожи, использовать в интересах компании⁵.

30 мая 1770 года нью-йоркские «Сыны свободы» созвали массовое собрание, чтобы «обсудить меры по защите свобод этой страны, на которые посягнуло тираническое министерство». Резолюции, принятые «значительным большинством», осуждали ньюпортских мастеровых «за их позорное отступничество от интересов своей страны». Они и все другие, следовавшие их примеру, были «объявлены врагами свобод Северной Америки». В резолюциях подчеркивалось также, что «Сыны свободы» и их сторонники будут

всеми силами и всеми законными средствами сохранять нерушимым в этом городе и колонии со-

глашение о бойкоте импорта, пока вышеуказанный Акт Тауншенда о государственных доходах не будет полностью отменен, и что мы не будем покупать никаких товаров у любых групп или лиц, нарушающих это благотворное соглашение, и используем все свое влияние, чтобы помешать другим покупать у них товары.

Собрание постановило также, чтобы только что прибывшая из Шотландии партия товаров была немедленно отправлена обратно, а импортеры, которым она предназначалась, публично обязались сделать это ⁶.

Действия «Сынов свободы» сразу же вызвали нападки на них купцов, которые заявили, что только они вправе решать такие вопросы. «Сыны свободы» ответили им на это, что импортеры в других колониях, занявшие такую же позицию, «люди настолько омерзительные и презренные, что все их избегают, будто они заражены чумой, так что у них самая несчастная и жалкая жизнь, и большинство их боится, что им придется уехать из колонии» ⁷. Не испугавшись угроз, купцы приступили к осуществлению своего плана — провести среди городского населения голосование по вопросу о бойкоте импорта. Они создали комитет, в состав которого, как заявили «Сыны свободы», входили «эгоистичные, корыстные импортеры и несколько мастеровых, являвшихся их орудием» ⁸. Комитет должен был опросить людей, хотят ли они сохранить старую ассоциацию или заменить ее новой, которая разрешила бы ввозить из Англии все товары, за исключением чая. Если бы жители города проголосовали за последнее предложение, то оно должно было быть осуществлено лишь в том случае, если бы с ним согласились Бостон и Филадельфия. Если же эти города отвергли бы предложение Нью-Йорка, в городе было бы проведено новое голосование, чтобы решить, следует ли Нью-Йорку «действовать в одиночку» ⁹.

Купцы провели опрос, несмотря на резкие возражения «Сынов свободы». Тогда Айсек Сьерз и Питер ван Бевоорт, двое представителей «Сынов свободы» в инспекционном комитете, вышли из него в знак протеста. Они заявили, что не намерены общаться «с людьми, прилагающими все усилия к тому, чтобы противодействовать самой цели нашего избрания» ¹⁰. Окончив опрос, купцы

16 июня 1770 года сообщили в Бостон и Филадельфию, что жители Нью-Йорка высказались за импорт всех товаров, кроме тех, которые облагаются пошлиной, — то есть чая¹¹.

«Сыны свободы» также немедленно сообщили в Бостон и Филадельфию, что опрос населения был фальсифицирован и что 1180 человек, подписавшихся под этим предложением, представляют собой лишь незначительную часть всего населения и были или подкуплены, или настолько сбиты с толку, что не знали, под чем подписываются. Чтобы наглядно продемонстрировать, что случилось бы, если бы купцы действительно отменили соглашение, «Сыны свободы» начали захватывать и сжигать товары, ввозившиеся из Англии. Купцы объявили, что твердо намерены выполнить свои планы независимо от того, как будут поступать «беззаконные хулиганы»¹².

Когда из Бостона и Филадельфии поступили ответы, свидетельствовавшие, что эти города отвергли нью-йоркское предложение, «Сыны свободы» потребовали опубликовать эти ответы и отказаться от отмены бойкота импорта. Купцы ответили отказом; они провели еще один опрос и публично заявили, что посылают заказы на английские товары пакетботом, отправлявшимся через несколько дней в очередной рейс¹³.

В ответ на это Сьерз, Лэмб и Макдугал от имени «Сынов свободы» предложили провести массовое собрание и оповестить народ о том, что «никакая частная группа людей не имеет права определять способ, посредством которого граждане должны голосовать по вопросу, чреватому самыми опасными последствиями для свободы американцев»¹⁴. На массовом собрании, состоявшемся в городской ратуше 7 июля, председательствовали Сьерз и Лэмб. Как писал сын вице-губернатора Александр Колден, Сьерз заявил собравшимся, что, если какой-нибудь купец нарушит обязательство не ввозить английские товары, «он простится с жизнью, предприняв такую попытку, или же ввезенные им товары будут сожжены сразу после выгрузки». Собравшиеся шумно поддержали его и потребовали сохранить в силе старое соглашение¹⁵.

Выделенные купцами люди для опроса населения снова стали обходить жителей, но на этот раз их сопровождали «Сыны свободы», которые разъясняли горожанам те вопросы, по которым их опрашивали, и освистывали

тех, кто подписывался в пользу отмены бойкота импорта. В тот же день нанятые купцами головорезы в сопровождении одного из городских судей Элиаса Десброссеса напали на Уолл-стрит на «Сынов свободы» и избili их дубинками. Двое из подвергшихся нападению, Сиерз и Макдугал, подали официальные жалобы на Десброссеса, но суд отказался рассмотреть их ¹⁶.

Хотя на этот раз купцы получили только 800 голосов в поддержку отмены бойкота импорта, они заявили, что вопрос решен раз и навсегда, и отправили в Филадельфию и Бостон письма, в которых сообщали купцам этих городов, что посылают в Англию заказы на пакетботе, отплывающем на следующий день. Купцов «квakerского города» спрашивали, не хотят ли и они воспользоваться этой возможностью. В свою очередь «Сыны свободы» опубликовали «Протест», подписанный Джоном Лэмбом и Айсеком Сиерзом, в котором осуждали решение купцов импортировать английские товары после того, как

только 794 человека в этом многолюдном городе, включая всех жителей обоого пола, высказались положительно по этому вопросу и на основании столь скудных результатов голосования (да поверят ли этому грядущие поколения, чьи свободы находятся в наших руках!) славный и благотворный союз столь многих колоний был аннулирован в этом городе без ведома и согласия остальных многочисленных обитателей колонии.

Так как отмена бойкота импорта «повлекла бы за собой самые опасные последствия для американской свободы», населению предоставлялась возможность подписать этот «Протест», засвидетельствовав тем самым свое возмущение прекращением бойкота импорта. Чтобы «не было никакой фальсификации», людей призывали «указывать наряду с именами профессию и местожительство» ¹⁷.

Протест подписали многие горожане, но, поскольку большинство их были мастеровыми (как свидетельствовали данные о профессии и местожительстве), купцы попросту игнорировали его. Бойкот импорта прекратился, и, что бы ни предпринимали по этому поводу «Сыны свободы» или жители Нью-Йорка, для купцов не имело значения. Им наконец удалось установить полный контроль над деловой жизнью, чего они и добивались с самого на-

чала движения сопротивления. Вопреки желаниям «Сынов свободы» и не считаясь с тем, одобряют их действия другие колонии или нет, они покончили с бойкотом импорта в Нью-Йорке.

Казалось бы, что победа купцов должна была унижить и дискредитировать нью-йоркских «Сынов свободы». Случилось, однако, обратное. Прежде всего в глазах общественности за «Сынами свободы» теперь уже «прочно утвердилась репутация защитников американских прав в Нью-Йорке»¹⁸, да, по существу, во многих отношениях и их единственных защитников. Кроме того, отныне «Сыны свободы» уже не стали бы рассчитывать на купцов, аристократов и других представителей правящих кругов как на своих союзников в последовательной борьбе против Англии. Именно здесь, как мы увидим ниже, и было заложено начало самостоятельного движения сопротивления мастеровых.

В Бостоне было публично предано сожжению письмо нью-йоркских купцов от 16 июля, а из Филадельфии пришел следующий язвительный ответ: «Мы не можем не сказать вам, что, как бы вы ни представляли свои действия, мы считаем, что в день испытания вы отступились от дела защиты свободы и своей страны»¹⁹. Богатые купцы Филадельфии последовали бы примеру своих нью-йоркских коллег, если бы «Сыны свободы» не оказывали на них нажим. Так, импортеры, торговавшие с Англией, потребовали прекратить бойкот импорта, но менее состоятельные торговцы «жидкими товарами», по-прежнему поддерживавшие коммерческие связи с Вест-Индией, объединились с филадельфийскими мастеровыми в борьбе против возобновления торговли с Англией. Теперь, когда покупка американских промышленных товаров считалась актом патриотизма и конкуренция извне была пресечена, для филадельфийских мастеровых настали хорошие времена. Как писал в то время журнал «Трейдсмен», филадельфийские мастеровые единодушно поддерживали политику бойкота импорта потому, что тех, кто страдал от нее, было «очень немного по сравнению с теми, кто получал от нее большую выгоду»²⁰.

Когда купцы попытались последовать примеру Нью-Йорка, мастеровые полностью порвали с квакерской партией купцов и объединились с мелким торговцем и твердым сторонником развития отечественной промышленности

Чарлзом Томсоном и пресвитерианским адвокатом Джоном Дикинсоном. Опубликованные в 1768 году «Письма фермера» Дикинсона, в которых отрицалось право парламента облагать колонии налогами, получили широкую поддержку среди ремесленников во всех колониях. Действуя совместно, Томсон и Дикинсон оказывали сильный нажим на купцов, убеждая их держаться твердо после отмены ньюпортскими и нью-йоркскими купцами соглашения об отказе от импорта. В этом им помогло письмо Франклина к его политическому соратнику Томсону, в котором он призывал соблюдать бойкот импорта, пока не будут отменены все пошлины²¹. Когда купцы созывали собрания для обсуждения вопроса о прекращении бойкота импорта, мастера во главе с Томсоном приходили на эти собрания и предотвращали принятие решений об отмене бойкота. В конце июня 1770 года они создали Комитет мастеровых для наблюдения за выполнением соглашения о бойкоте импорта. Когда появились слухи о том, что кое-кто из купцов добивается его отмены, было созвано собрание «ремесленников, промышленников, торговцев, мастеровых и других», чтобы определить позицию ремесленной общины. Собрание постановило поддерживать дальнейший бойкот импорта и содействовать развитию американского промышленного производства. Когда некоторые торговцы нарушили соглашение, их предупредили, что, если они откажутся «полностью выполнить обязательства», им придется иметь дело с Комитетом мастеровых. Большинство этих торговцев признались, что поступили неправильно, но и то лишь после угрозы обмазать их дегтем и вывалить в перьях²².

Несмотря на все старания мастеровых, филаделфийские купцы в конце концов аннулировали свое соглашение о бойкоте импорта и возобновили торговлю с Англией. Они приняли это решение на собрании, состоявшемся 20 сентября, которое мастера и мелкие торговцы бойкотировали²³. И все же мастера отказались признать себя побежденными. Один из мастеровых писал в «Пенсильвания джорнэл» 1 октября 1770 года, что поскольку купцы не выполнили своих обязательств как защитники американских свобод, то «пусть патриотические силы будут черпать свою энергию из надлежащего источника. Пусть арендаторы земельных участков, ремесленники и независимые свободные граждане этой провинции возь-

мут на себя дело защиты тех свобод, в которых они больше и сильнее всего заинтересованы». Он предложил также гражданам бойкотировать купцов-импортеров и предпринять дальнейшие усилия по развитию отечественного производства.

Хотя отменить меру, принятую купцами, было уже поздно, мастеровые выразили свое возмущение на выборах, состоявшихся в октябре 1770 года. Они полностью отошли от квакерской партии, которая выступала за отмену бойкота импорта, и подали свои голоса за партию, возглавлявшуюся Чарлзом Томсоном. Список кандидатов от этой партии, которые и были избраны, возглавляли Джон Дикинсон и Чарлз Томсон; в него вошел также ремесленник-портной Джозеф Паркер. Все они решительно выступали за политику бойкота импорта²⁴.

Таким образом, хотя в Филадельфии бойкот импорта и был отменен, конфликт по этому вопросу изменил характер политических союзов в городе. Мастеровые вступили в борьбу как самостоятельная группировка и стали «силой, с которой приходилось считаться»²⁵. Под руководством Чарлза Томсона они обеспечили филадельфийским «Сынам свободы» то, чего до сих пор этой организации не хватало, — объединенную поддержку со стороны ремесленников, самой многочисленной и влиятельной группы населения колоний. Теперь уже ни их внутренняя политика, ни борьба Филадельфии против Англии не могли оставаться такими, какими они были в прошлом.

После того как Ньюпорт, Нью-Йорк и Филадельфия, несмотря на сопротивление мастеровых, полностью уступили купцам, Бостон неизбежно должен был последовать их примеру. Однако «Сыны свободы» попытались предотвратить неизбежное. Члены комитетов, возглавлявшихся Молино, прибыли в Ньюпорт и Провиденс, чтобы организовать там значительное сопротивление и заставить «джентльменов от торговли» соблюдать соглашения о бойкоте импорта, но их попытка не имела успеха. В конце концов мастеровые и их сторонники в Бостоне, как и их собратья в других колониях, вынуждены были отступить. Купцы одержали победу: бойкот импорта был отменен и в Бостоне.

В Чарлстоне «Сынам свободы», несмотря на сопротивление купцов, удавалось продолжать бойкот импорта, но отказ от него в северных колониях заставил наконец

сдаться и их. Купцы успешно использовали то обстоятельство, что каролинские радикалы оказались покинутыми своими братьями на Севере и что продолжение бойкота в этих условиях означало бы лишь то, что «Сыны свободы» твердо намерены подорвать коммерческую жизнь в Чарлстоне. Бойкот импорта прекратился в Чарлстоне в начале 1772 года; руководитель «Сынов свободы» Кристофер Гэдсен мог похвастать тем, что чарлстонские «Сыны свободы» «последними изменили общему делу»²⁶.

Историки называли годы существования Ассоциации по бойкоту импорта (1770—1773) «спокойным периодом», а кое-кто из них утверждал, что в этот период «Сыны свободы» почти полностью сошли со сцены. Действительно, казалось, что в политической жизни наступило спокойствие, но это впечатление было обманчивым. Вполне понятно, что после вывода войск на улицах Бостона воцарилось спокойствие, поскольку основной причиной бурных событий в городе в начале 1770 года было присутствие «красных мундиров». Дело в том, что «Сыны свободы» накапливали силы, готовясь к будущему. В ходе выборов весной 1771 года они успешно провели кампанию за сохранение мест в Суде высшей инстанции и в массачусетской ассамблее за своими радикальными лидерами — Адамсом, Отисом и Ханкоком. Более того, именно в «спокойный период» 1772 года был создан бостонский корреспондентский комитет, чтобы пробудить жителей Массачусетса и информировать их об их правах. Этот комитет в свою очередь положил начало практике использования местных корреспондентских комитетов. Среди видных членов бостонского корреспондентского комитета 18 принадлежали к организации «Сыны свободы». Для установления контакта с другими колониями использовали специальных посланцев — «сына свободы» Поля Ривера и «высшего сына свободы» Джона Марстона. В эти «годы бездействия» «Сыны свободы» в других районах Америки поддерживали связь со своими соратниками в Бостоне²⁷.

Одной из организаций, продолжавших поддерживать контакты со своими братскими обществами, были нью-йоркские «Сыны свободы». В 1771 году эта организация доказала, что она еще жива, отметив день отмены закона о гербовом сборе, — день, когда Америка избавилась от

рабства и угнетения». Были возданы почести всем тем, кто до конца твердо выступал за бойкот импорта; в числе прочих были произнесены и следующие два тоста: «Пусть выборы будут тайными и пусть представителей народа можно будет исключать только на основании известных законов страны!», «Пусть американские колонии широко пользуются британской конституцией!» Перед окончанием празднества участники его заявили присутствующим, что на них можно рассчитывать как на руководителей борьбы за осуществление принципа, провозглашенного в последнем тосте ²⁸.

«Спокойный период» был именно тем периодом, когда в ходе революции раздались первые выстрелы. Акты насилия произошли 8 июня 1772 года, во время пожара на «Гаспе», который в свою очередь возник вследствие недовольства населения Род-Айленда попыткой англичан провести в жизнь законы о государственных доходах. Американская шхуна «Ханна» под командованием капитана Линдсея, представив в ньюпортской таможне сведения о своем грузе, следовала своим курсом вверх по реке к Провиденсу, когда за ней погналось судно «Гаспе». «Ханне» удалось пройти мелководный участок реки у Нанкит-пойнт, а «Гаспе», пытаясь догнать ее, села на мель. Вечером того же дня жители Провиденса во главе с «Сынами свободы», узнав от капитана Линдсея о трудном положении, в которое попала «Гаспе», отправились на лодках к Нанкит-пойнту, находившемуся в шести милях от Провиденса. Они поднялись ночью на борт судна, сняли с него команду и подожгли его. При их приближении капитан «Гаспе» Уильям Даддингстон сделал несколько выстрелов и был ранен ответным выстрелом.

Губернатор Уонтон издал прокламацию, обещая вознаграждение тому, кто укажет лиц, причастных к пожару; впоследствии британское правительство обещало еще более крупные вознаграждения. Была назначена следственная комиссия, но и она ничего не выяснила. Широкую известность в колониях получила баллада «Новая песня под названием „Гаспе“»; ее пели повсюду, где собирались «Сыны свободы». В ней рассказывалась история пожара на «Гаспе» и в конце говорилось о том, что лица, причастные к нему, никогда не будут найдены. В балладе отмечалось, что общественный порядок постоянно нарушают британские суда, препятствующие торговле и

создающие условия, с которыми «Сыны свободы» не могут мириться»; заканчивалась она следующими строками:

Затем команду высадили на берег,
а судно, как мы понимаем, сожгли,
так сильно разгневав короля,
что он велел убить этих людей.

Итак, пусть только он их найдет,
как сразу на помощь палачей призовет,
ибо он в гневе заявил,
что отдаст их под суд, как громил.

Чтоб поскорей тех людей разыскать,
король Георг обещал много денег дать:
тысячу фунтов, чтобы найти того,
кто ранил Уильяма Даддингстона.

Еще одну тысячу, сказал он, сбережет
для тех, кого шерифами кличет народ,
а тысяча фунтов осталась тому,
кто лидера имя подскажет ему.

Еще пятьсот фунтов за каждого из тех,
кого его люди найдут среди всех.
Но как ни старается их отыскать,
поверьте, ему никогда не поймать
ни одного из людей с золотым сердцем,
пусть хоть впятеро больше обещает нам
с вами ²⁹.

В 1772 году филадельфийские мастеравые создали постоянную политическую организацию под названием «Патриотическое общество». Согласно уставу, его члены обязаны были «стараться расширять... и сохранять нерушимыми для нас и для наших потомков наши справедливые права и привилегии, противодействуя любым попыткам нарушать или ущемлять их как здесь, так и по другую сторону Атлантики». Они обязались также выдвигать кандидатов и проводить политику в соответствии с высшими интересами провинции, как их понимало большинство членов общества. «Ясно,— пишет Чарльз Олтон,— что в начале 70-х годов XVIII века уже проявлялись настроения, порожденные классовым самосознанием». Ясно также (хотя Олтон, подобно многим другим историкам, придерживавшимся теории единодушия, отказывается признавать факты), что борьба по вопросу о том, кто должен править в стране, как и по вопросу о самоуправлении в целом, происходила в Филадельфии уже в начале 70-х го-

дов. Проницательный очевидец событий того времени отмечал, что «частые призывы к народу должны со временем привести к перемене, и мы видим, что подавлять растущую волю народа с каждым днем становится все труднее и труднее»³⁰.

В 1769 году мастера Чарлстона создали свою политическую партию; в ходе осенних выборов они выдвинули и избрали кандидатов по своему списку и добились в Южной Каролине больших изменений в политической жизни. В 1770 году в Филадельфии состоялось первое политическое собрание, на котором присутствовали исключительно мастера, а два года спустя, как уже известно, мастера создали постоянную политическую организацию «Патриотическое общество» для поддержки кандидатов и политической платформы ремесленников. В Бостоне они занимались политической деятельностью и, как мы уже видели, созданием новой формы революционной организации — бостонского корреспондентского комитета. В Нью-Йорке мастера поклялись никогда больше не рассчитывать на купечество в борьбе за права американцев.

К 1773 году, когда «чайный закон» вызвал новую волну народного протеста, мастера уже были сознательной наступательной антибританской силой в колониальной политике. Именно после принятия «чайного закона» в мае 1773 года революционное движение возродилось снова. На этот раз оно не топталось на месте, как в 1770 году, а переросло в восстание, которое неуклонно вело страну к независимости.

«Чайный закон», принятый в интересах Ост-Индской компании, разрешал ей экспортировать чай непосредственно в колонии. Он предоставлял ей также льготы для компенсации таможенных пошлин, уплачивавшихся в Америке. Таким образом, компания и ее агенты имели возможность продавать чай по более низким ценам, чем другие торговцы, даже несмотря на то, что существовавший налог на чай в принципе сохранялся. Этот акт предоставлял Ост-Индской компании полную монополию на торговлю чаем в Америке. Возмещение английских пошлин на чай не только делало невыгодной контрабандную торговлю чаем; предоставлявшаяся по этому закону компании возможность отправлять чай непосредственно в

Америку, минуя оптовиков, позволяла ей также продавать его по более низким ценам, чем ее конкурентам³¹.

В циркуляре, составленном руководителями бостонских «Сынов свободы» Сэмюэлем Адамсом и Джозефом Уорреном, отмечалось, что «чайный закон» породил те же проблемы, которые вызвали борьбу еще в 1765 году. Закон о гербовом сборе был отменен. Все налоги, введенные Актами Тауншенда, также были отменены, за исключением налога на чай. Этот налог был сохранен в доказательство того, что парламент вправе облагать колонистов налогами. Поэтому, утверждали авторы циркуляра, колонисты не должны соглашаться платить налог на чай, ибо это означало бы признание права парламента — органа, в котором сами они не представлены, — на налогообложение. «Чайный закон» создавал, по их словам, колоссальную власть монополии, которая могла свести на нет колониальную торговлю, увеличивая в то же время неконституционные доходы Британии. Против него следовало организовать сопротивление всех колоний³².

В стандартных аргументах, выдвигавшихся против «чайного закона», как правило, подчеркивались те же моменты, которые были изложены в массачусетском циркулярном письме. Время от времени какой-либо мастерской добавлял, что монополия на торговлю чаем вытеснит с рынка местных купцов, подорвав тем самым колониальную торговлю, а следовательно, и лишив работы мастеровых и рабочих. Поэтому принятой парламентом мере мастерам должны были сопротивляться вместе с купцами, а в случае необходимости — и сами по себе³³.

В октябре 1773 года от берегов Англии отплыли семь судов, взявших курс на Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию и Чарлстон. На борту у них были сотни ящиков с чаем, предназначенным для агентов Ост-Индской компании в этих городах. Вопрос заключался в том, будет ли выгружен этот чай и уплачена пошлина за него?

Первым пришел ответ из Бостона. Еще 23 октября мастера и их союзники из «Норт энд кокас» — штаб-квартиры «Сынов свободы» — проголосовали за то, чтобы «противодействовать продаже любого чая, посылаемого Ост-Индской компанией в любую часть континента, не жалея наших жизней и имущества»³⁴. 2 ноября «Кокас» решил, что ост-индский чай ни в коем случае «не должен быть выгружен». Он предложил провести массовое

собрание у «древа свободы», чтобы добиться отставки агентов по продаже чая. Если же агенты не пойдут на это, предупреждал он, они почувствуют на себе «справедливое возмущение» «Кокаса» и всех тех, кто собрался у «древа свободы»³⁵.

На собрании, состоявшемся 3 ноября у «древа свободы», агенты отказались уйти со своих постов, и на них пришлось оказать еще более сильный нажим, чтобы убедить их изменить свою позицию³⁶. Тем временем в порт прибыли три судна с грузом чая на борту. И «Сыны свободы» приняли меры с целью помешать выгрузке «министерского чая». «Снова в полной форме» они ходили по улицам Бостона, расклеивая историческое объявление:

Друзья! Братья! Сograждане! Худшее из бедствий, проклятый чай, отправленный в наш порт Ост-Индской компанией, прибыл в порт. Вы должны выбрать: разорение или мужественное сопротивление махинациям тиранов. Всех, кто хочет помочь стране, себе самому и грядущим поколениям, приглашаем сегодня в 9 часов собраться у Фанейл-холла; в это время будут звонить колокола, призывая к общему и успешному сопротивлению этой последней, худшей и самой пагубной мере со стороны администрации.

Бостон, 29 ноября 1773 года³⁷.

В тот же день перед большой толпой с пламенной речью выступил д-р Янг, предложивший выбросить чай за борт. Члены организации «Сыны свободы», особенно Поль Ривер и Уильям Молино, поддержали его³⁸. Однако действенные меры значительное число торговцев, мастеровых и рабочих приняли только 16 декабря. Сбравшись в таверне «Зеленый дракон», они переоделись в одежду индейцев, пробрались на судно, груженное чаем, и за короткое время сбросили в воду в бостонской гавани 342 ящика чая стоимостью 18 тыс. ф. ст.³⁹. Сбрасывая подлежащий обложению пошлиной чай в воду, местные «Сыны свободы» действовали рука об руку с жителями, и это говорило об успешной деятельности созданного незадолго до того бостонского корреспондентского комитета. Еще до выгрузки чая члены этого комитета встретились со своими единомышленниками из пяти соседних городов у Фанейл-холла и проголосовали «использовать свое

совместное влияние с целью помешать выгрузке и продаже чая, присланного Ост-Индской компанией»⁴⁰. Результатом этого «совместного влияния» и явилось «бостонское чаепитие».

В своей книге «Бостонское чаепитие» Бенджамин У. Лабари возлагает «окончательную ответственность» за уничтожение чая на бостонский корреспондентский комитет, но весьма вероятно, что руководство и выполнение этой акции фактически осуществлял «Норт энд кокас». Во всяком случае, в центре этого движения находились именно бостонские «Сыны свободы», мастеровые и их союзники, и именно они подготовили и осуществили «бостонское чаепитие».

Когда чай лежал уже на дне гавани, мастеровые и поденные рабочие получили возможность ликовать и петь:

Собирайтесь [индейцы.— *Ред.*], могауки,
тащите свои топоры
и скажите королю Георгу, что мы не будем
платить пошлины
за его чужеземный чай!
Угрозы его тщетны, и зря он мечтает
заставить наших девушек и жен пить
его вонючий китайский чай!
Так спешите, ребята, собирайтесь скорей
в «Зеленом драконе» встретить наших вождей!

Здесь наш Уоррен и храбрый Ривер,
руки у них — чтобы дело делать,
а слова — чтобы подбодрить
тех, кто за свободу и законы стоит;
«храбрецов» и твердых защитников нашей страны
никогда не оставят настоящие ребята из «Норт энда»,
сражающиеся за ее Свободу!
Так спешите, ребята, собирайтесь скорей
в «Зеленом драконе» встретить наших вождей! ⁴¹

Вскоре мастеровые и рабочие Филадельфии, Нью-Йорка и Чарлстона, где выражались уже открытые протесты против налога на чай, действовали сообща со своими бостонскими братьями.

На массовом собрании в Филадельфии, созванном 18 октября «Сынами свободы», был назначен комитет; его члены должны были встретиться с купцом, которому предназначалась эта партия чая, и заставить его отказаться от своей позиции. После того как он «подобающим образом отказался от своей опасной и позорной обязанности уполномоченного по продаже чая», «Пенсильвания газет»

поздравила его с тем, что «теперь его презирают несколько меньше, чем раньше»⁴³.

Когда в Филадельфии стало известно о приближении судна с грузом чая, «Сыны свободы» стали распространять листовку, адресованную «делавэрским лоцманам», в которой говорилось: «В настоящее время в порт направляется *судно с грузом чая*, отправленным министерством с целью *порабощения* и отравления *всех американцев*». Подчеркнув, что судно не может войти в филадельфийскую гавань «без вашей помощи», «Сыны свободы» просили лоцманов повернуть его обратно⁴⁴. О том, что затем произошло, Генри Лоренс рассказал в своем письме к сыну Джону от 21 января 1774 года:

К речным лоцманам обратились надлежащим образом, рекомендуя им не проявлять заботу о любом судне с грузом чая на борту, и поэтому, когда суда прибывали в Делавэрский залив, каждый лоцман отказывал им в помощи. Залив опаснее для навигации, чем открытое море. Поэтому капитаны судов вынуждены были выходить обратно в море.

На следующий же день, после того как «делавэрские лоцманы» приблизились к судну, капитан повернул обратно и взял курс в Англию с тем же грузом чая на борту⁴⁵.

Когда в Нью-Йорке стало известно о «чайном законе», в печати началась шумиха по этому поводу. Кое-кто утверждал, что сам по себе закон не представляет никакой опасности для американских свобод, поскольку обеспечивает поступление на рынок большого количества дешевого чая. «Сыны свободы» немедленно выступили против этого аргумента, назвав его «постыдной фальсификацией». По поводу же дешевого чая они заявляли: «Пусть весь мир убедится, что у вас не настолько испорчен вкус», чтобы поддаваться «дешевому соблазну»⁴⁶.

Пока спор продолжался, «Сыны свободы» предложили свою программу. Прежде всего она предусматривала осуществление некоторых мер с целью заставить агентов по торговле чаем отказаться от своих обязанностей. После того как этих агентов посетили члены комитета из числа «Сынов свободы», имевшие опыт подобной работы еще с времен закона о гербовом сборе, агенты по торговле чаем выразили готовность оставить свои посты вследствие

«общей оппозиции» к продаже чая⁴⁷. 29 ноября 1773 года «Сыны свободы» опубликовали Устав ассоциации, обязавший подписавших его членов бойкотировать всех, кто будет продавать, хранить или употреблять чай, ввезенный в страну на основе «чайного закона». Такие лица подлежали осуждению как «враги свобод Америки», а члены ассоциации должны были обещать «не общаться, не договариваться о найме на работу и не иметь никакой связи» с теми, кто игнорировал или нарушал этот устав⁴⁸.

Тем временем судно с чаем прибыло в нью-йоркскую гавань. Когда губернатор Трайон приказал провести его до пристани под конвоем британского корвета «Сюзен»⁴⁹, «Сыны свободы» приняли меры, чтобы не допустить выгрузки чая с судна. В объявлении, оповещавшем о массовом собрании, говорилось:

Членам общества «Сыны свободы» предлагается собраться у здания муниципалитета в час дня завтра, в пятницу, по чрезвычайно важному делу. И все другие друзья свобод и торговли Америки самым сердечным образом приглашаются настоящим собраться в то же время и в том же месте.

*Комитет общества*⁵⁰.

17 декабря, несмотря на «плохую погоду», у здания муниципалитета собралось две-три тысячи человек. Председествовавший на собрании Джон Лэмб зачитал письма из других городов, в которых говорилось о необходимости совместно выступить против «чайного закона», и призвал присутствовавших создать корреспондентский комитет для установления регулярных контактов с другими колониями по вопросу о налоге на чай⁵¹. Идея создания такого комитета возникла после получения Айсеком Сиерзом и Александром Макдугалом письма от бостонского корреспондентского комитета, в котором их просили использовать свое «влияние на сограждан на любом собрании в будущем для избрания корреспондентского комитета», аналогичного бостонскому, чтобы облегчить быстрый и надежный обмен новостями по вопросам, касающимся всех колоний⁵².

Появившийся на собрании мэр города заявил от имени губернатора Трайона, что чай будет выгружен и помещен на хранение в форт, пока не будет принято окон-

чательное решение о том, что с ним делать. «Вы довольны этим, господа?» — спросил он. «Нет, нет, нет!» — последовал громкий ответ. Затем Лэмб зачитал «чайный закон», и значительным большинством присутствующих были приняты две резолюции, против которых голосовали только купцы и другие консерваторы. В одной из резолюций отмечалось, что «патриотические жители» Бостона и Филадельфии твердо решили не выгружать чай ни в одном из этих городов. В другой выражалось одобрение «мужественного и патриотического поведения» их собратьев в Филадельфии и Бостоне «в поддержку всеобщих свобод в Америке». Перед окончанием собрания Лэмб задал присутствующим вопрос: «Считаете ли вы, господа, что в этих обстоятельствах чай должен быть выгружен?» Поскольку к этому моменту консерваторы уже покинули собрание, «последовало так много отрицательных ответов, что голосования никто не потребовал»⁵³.

Через четыре дня консервативно настроенные богачи стали распространять петицию, обязывавшую подписавших ее не прибегать к насилию при сопротивлении импорту чая. За исключением купцов, эту петицию мало кто подписал⁵⁴.

Подбодренные этой всенародной поддержкой, «Сыны свободы» начали регулярно собираться в таверне и продумывать свои планы на случай прибытия новых судов. В то же время нью-йоркский корреспондентский комитет разослал письма комитетам в Бостоне, Филадельфии, Балтиморе и Чарлстоне, предлагая бойкотировать весь английский чай, пока парламент не отменит «чайный закон». Он также выдвинул предложенный филиладельфийским печатником и членом организации «Сыны свободы» Уильямом Годдардом план создания самостоятельной почтовой системы для колоний, которая бы гарантировала сохранение тайны переписки между колониями и ликвидировала доходы, поступавшие правительству через существовавшую почтовую службу. Прибыв в Бостон, Годдард привез с собой «энергичную рекомендацию» от нью-йоркского корреспондентского комитета, поддерживавшую его план⁵⁵.

Тем временем «Сыны свободы» призывали ньюйоркцев быть начеку и помогать «сестрам-колониям добиться свободы своей страны». Консерваторы были уверены, что присутствие губернатора Трайона, одержавшего победу

над «регуляторами» (разгневанными фермерами Северной Каролины, объединенно выступившими против налогов и других навязанных им несправедливых мер), удержит «Сынов свободы» от применения силы, чтобы не допустить выгрузки чая⁵⁶. Но «Сыны свободы» открыто заявили, что никакая сила — ни губернатор и, уж конечно, «ни одна монопольная компания» — не заставит их сойти со своего пути:

Мы, с божьего благословения, надеемся настоять на своем и, поскольку час испытания близится, убедить весь американский мир, что мы не слабы и не бездеятельны и что нас отнюдь нельзя считать недостойными звания подлинной братской провинции; мы полностью убеждены, что *решимость и всеобщее созласие* всегда будут твердыми основами *всеобщего успеха*⁵⁷.

Первому судну с партией чая так и не удалось разгрузиться. Затем, в апреле 1774 года, в Нью-Йорк пришли два судна с чаем. «Сыны свободы» немедленно организовали группу «могауков», «готовых выполнить свой долг». Одно из судов было отправлено обратно в Лондон неразгруженным, с партией чая на борту. 21 апреля, пока «могауки» готовились направиться на пристань, где стояло второе судно, собравшаяся толпа поднялась на судно, захватила чай и «по примеру краснокожих в Бостоне» сбросила его в воду. Капитану едва удалось спастись. Судно под конвоем шлюпа, которым управляли «Сыны свободы», было вывезено обратно в море — без чая⁵⁸.

Поль Ривер сообщил из Востона Джону Лэмбу, что у него имеются сведения о приближении судна с чаем к нью-йоркскому порту и что «следующей почтой я надеюсь получить хорошие вести». Его надежды полностью оправдались. После «чаепития» в нью-йоркской гавани Лэмб писал: «Мы буквально ликуем. Ни один тори во всем городе не может придаться к тому, как мы поступили... У меня не хватает слов, чтобы описать настроение народа по всей стране»⁵⁹.

Лэмб был либо наивен, либо чересчур оптимистичен. Купцы и все консерваторы отнюдь не считали, что они «буквально ликуют». Напротив, они были взбешены популярностью «Сынов свободы», растущим влиянием мас-

теровых в делах, которые, по мнению высших классов, их не касались, и, конечно, собственной неспособностью направить движение сопротивления «чайному закону» в «безопасное и разумное русло»⁶⁰. Через пять дней после отплытия «чайных» судов один из купцов в консервативной газете «Ривингтонс газеттир» осудил действия «Сынов свободы» и выразил возмущение тем, что «сапожники и портные» возложили «на свои могучие, огромные плечи руководство лояльными и разумными жителями города»⁶¹. Мастеровые не мирились с такими оскорблениями. Один из них, назвавшийся «Сыном свободы» «со своей шапкой свободы на голове», обвинил автора в том, что тот потерял голову и выражает мнения аристократов как в Англии, так и в колониях, которые в целом можно определить следующим образом:

Голос народа — это голос толпы, голос дьявола. Народ не имеет права ожидать, что избранные им представители будут советоваться с ним или считаться с его склонностями.

Защитники конституционных свобод проявляют неуважение к губернатору.

Принимавшиеся ими в последнее время в этой и соседних колониях меры в защиту их прав не могут быть оправданы с точки зрения конституционных принципов, а лица, действовавшие наиболее активно в этих важных акциях, руководствовались бунтарскими принципами и заслуживают порицания, а не благодарности от своей страны⁶².

Даже в тот момент, когда в Нью-Йорке «чайный закон» становился недействительным, между купцами и мастерами, консерваторами и «Сынами свободы» возникало новое противоборство.

В Чарлстоне «чаепитие» наступило поздно и в известном смысле представляло собой попытку «Сынов свободы» искупить «позор», заключавшийся в том, что партии чая, присланные Ост-Индской компанией, были выгружены только «здесь»⁶³. Правда, когда прибыло первое судно с 257 ящиками чая на борту, «Сыны свободы» приложили усилия, чтобы помешать его выгрузке. На собрании, состоявшемся 20 декабря 1773 года, мастера и плантаторы объединились, чтобы преодолеть сопротивление купцов, намеревавшихся выгрузить этот чай, и приняли

резолюцию о том, чтобы не допустить этого. Резолюция была подготовлена мастерами, которые призывали плантаторов поддержать их и отказаться от своей прежней позиции, осуждавшей «чайный закон», но обходившей молчанием вопрос о выгрузке чая.

Пока шли споры, судно оставалось в гавани. После того как оно простояло там 20 дней, таможенный инспектор получил полномочия захватить груз и сдать его на склад за неуплату пошлин. С помощью шерифа и его помощников чай был выгружен и помещен на хранение в здании биржи. Таким образом, Чарлстон, последним аннулировавший соглашение о бойкоте импорта, оказался первым городом, где ненавистный чай был выгружен⁶⁴.

Чарлстонских «Сынов свободы» призвали к ответу, «То был недобрый час для Америки»,— писали нью-йоркские «Сыны свободы». Они утверждали, что принятие партии чая в Южной Каролине «затянет отмену закона о государственных доходах»⁶⁵. Подстрекаемые критикой в адрес их собратьев на Севере, «Сыны свободы» удвоили свои силы, чтобы не допустить выгрузки чая в дальнейшем. В ноябре 1774 года, когда прибыла новая партия чая, все ящики под радостные возгласы собравшейся на пристани толпы были сброшены в реку Купер⁶⁶. Репутация чарлстонских мастеровых была восстановлена.

«Сыны свободы» настолько эффективно препятствовали выгрузке чая во всех колониях, что его перестали ввозить туда даже контрабандой, и они могли хвастать тем, что «теперь уже нет необходимости в «ожидających прилива доносчиках и осведомителях» таможни»⁶⁷. Бдительность «Сынов свободы» была столь острой, а сотрудничество «Дочерей свободы», которые обязались «никогда больше не выпить ни одной чашки чая», настолько широким, что чай полностью исчез из колоний. «Вы можете ехать несколько дней, нет, несколько недель,— писал один из путешественников,— и нигде не получить ни капли чая»⁶⁸. Джон Миллер говорит по этому поводу: «Пить кофе стало считаться в колониях патриотическим поступком, и американцы переключились с чая на кофе, к которому они в большинстве своем привержены и поныне»⁶⁹.

7. УСИЛЕНИЕ РОЛИ МАСТЕРОВЫХ

Сопrotивление населения колонии «чайному закону» разгневало британское правительство. Гнев этот был напpавлен в основном против Бостона — «рассадника мятежа». В марте 1774 года был принят акт, закрывший бостонский порт до тех пор, пока Ост-Индской компании не будет выплачена компенсация за чай, уничтоженный во время «бостонского чаепития» 16 декабря 1773 года. В мае парламент по инициативе премьер-министра лорда Норта изменил Массачусетскую хартию, чтобы предоставить короне исключительное право назначать провинциальный совет, не допускать без одобрения губернатора городских собраний, разрешать шерифам выбирать присяжных, а в случае отсутствия в колонии «справедливых судов» вершить правосудие в Англии. И наконец, британские войска вернулись, чтобы оккупировать Бостон.

В результате этого суда, в состав которых входили «Сыны свободы», не могли судить солдат, должностных лиц и таможенных чиновников, которые поступали вопреки воле народа¹. Это означало также, что руководители «Сынов свободы» могли быть отправлены для суда в Англию. После жестокой борьбы за вывод войск последние снова были навязаны народу. Не удивительно поэтому, что эти меры получили название «нестерпимых актов».

На примере Бостона и Массачусетса королевское правительство надеялось преподнести наглядный урок всем колониям, оказывавшим ему сопротивление. Многие в Англии считали, что правительство как бы толкает американцев на восстание.

Поскольку Бостон целиком зависел от торговли, закрытие порта до тех пор, пока Ост-Индская компания не получит «полного возмещения» своих убытков, означало, что основной источник средств существования для жителей города был внезапно отрезан. Фактически Бостон находился в блокаде. В результате, согласно данным, к концу мая около 15 тыс. человек оказались в

нищете, на грани голодной смерти. В одном из памфлетов, подписанном «Бостонец», так описывалось положение рабочих Бостона:

Почти все рабочие или ремесленники вследствие этого акта, пресекавшего торговлю, полностью лишены единственных средств существования. Именно таково положение наших кораблестроителей, судовых плотников, такелажников, конопатчиков, канатчиков и изготовителей парусов, работа которых в свое время обеспечивала им и их семьям безбедное существование. Так обстоит дело и с нашими строителями и каменщиками, у которых сейчас очень мало работы по строительству и ремонту домов, ибо в город запрещено доставлять лес, доски, дранку, кирпич и известь на любом судне из любой части провинции или из любого другого места. В таком положении и наши винокуры и сахаровары, сразу лишившиеся возможности заниматься своей работой, которая давала им средства к существованию, ибо в бостонскую гавань не пропускаются ни патока, ни сахар. В таком же положении и наши бондари, которые, даже если бы они сумели достать доски и обручи, вряд ли могли их использовать, так как для работы по обтесыванию импортных бочек и изготовлению своих бочек на экспорт настало теперь плохое время. Так обстоит дело и с нашими ломовыми извозчиками, носильщиками и множеством поденщиков, которые будут обречены теперь на бездействие и должны страдать от голода и носить лохмотья ².

В этих условиях город срочно обратился за помощью, которая начала поступать в виде продовольствия, одежды и денег из американских, канадских, вест-индских и даже британских источников ³. Типичным примером солидарности мастеровых и рабочих других городов была резолюция, предложенная Александром Макдугалом от имени нью-йоркских мастеровых на городском собрании. В ней говорилось:

Немедленно начать подписку для оказания помощи тем бедным жителям Бостона, которые лишлись или могут лишиться средств существования из-

за парламентского акта о закрытии бостонского порта. Средства, которые станут поступать по подписке, должны распределяться таким образом, который, по мнению корреспондентского комитета города, будет лучше всего отвечать намеченной цели ⁴.

Для сбора и распределения пожертвований необходимо было создать координационный орган. Поэтому в сентябре 1774 года в Бостоне был создан комитет по пожертвованиям; 80 процентов его членов составляли представители организации «Сыны свободы», «главным образом мастеровые» ⁵. Комитет сразу же приступил к делу. Он объявил о своем намерении обеспечить людей работой за счет приведения в порядок улиц, строительства кирпичных заводов и распределения лесоматериалов между плотниками, льна между прядильщицами и кожи между сапожниками ⁶.

За помощью в комитет обратились главным образом «мастеровые и рабочие», скудных средств которых было недостаточно, чтобы прожить несколько месяцев без работы. Осознавая тяжелое экономическое положение этих рабочих, британские власти попытались привлечь их на свою сторону, нанимая для строительства казарм для четырех полков, прибывших в Бостон в августе 1774 года и расквартированных на центральной площади. Однако, несмотря на то что большинство бостонских рабочих были безработными, лишь немногие согласились на эту работу, и то по неведению. Но, поняв, чем занимаются, они сразу же бросали свои инструменты, решительно отказывались вновь вернуться к работе и проявляли такое «ослиное упрямство», что генерал Гейдж вынужден был написать в Англию министру лорду Дартмутскому: «Я поторопился, заверив вашу светлость, что бостонские ремесленники будут работать на нас. Их отказ в чем-то помочь нам неожиданно поставил нас перед трудностями» ⁷.

Гейдж вынужден был искать плотников и каменщиков в Нью-Йорке и Новой Шотландии. Когда двое мастеровых из Нью-Йорка согласились подрядиться плотниками к Гейджу, их посетили представители «Сынов свободы», которые вначале убеждали их не делать этого, а затем опубликовали решительное предупреждение:

«Если среди нас найдется негодяй, который станет помогать врагам нашей страны подрывать ее свободы, пусть он не удивляется, если его постигнет кара, достойная предателей». На своем собрании 24 сентября 1774 года мастеровые Нью-Йорка выразили признательность своим коллегам, отказавшимся помогать генералу Гейджу⁸. Так рабочие Нью-Йорка «полностью поддержали бастующих бостонцев»⁹.

Вот почему Гейдж должен был полагаться главным образом на Новую Шотландию. Губернатору же Фрэнсису Леггу в Галифаксе не терпелось помочь ему. Вот как он объяснил свое нетерпение лорду Дартмутскому:

Беспорядки в колониях приняли небывалые масштабы и требуют принятия принудительных мер; я надеюсь, примера города Бостона будет достаточно, чтобы американцы поняли: их интересы и их долг требуют соблюдения законов Великобритании¹⁰.

Из Новой Шотландии в Бостон было направлено 50 плотников и каменщиков и несколько мастеровых из Нью-Хэмпшира. Но лишь несколько. «Сыны свободы» в Рочестере (штат Нью-Хэмпшир) признали Николаса Остина виновным в заключении подряда на выполнение работ для британской армии в Бостоне. Его заставили молить на коленях о прощении и обещать, что впредь он никогда не будет действовать «вопреки конституции страны»¹¹.

Как только в Бостоне стал известен акт о закрытии порта, бостонский корреспондентский комитет — организация «Сынов свободы» — сразу же стал добиваться от купцов заключения соглашения об отмене их заказов на неограниченный импорт. Предполагалось, что это побудит другие колонии присоединиться к межколоннальному соглашению о прекращении торговли с Англией и быстро вынудит парламент вновь открыть порт. Однако, как и раньше, купцы воспротивились этому. Некоторые предложили собрать средства, чтобы выплатить компенсацию за чай и тем самым избавить бостонцев от торговой блокады. Другие были готовы рассмотреть вопрос о саботаже импортных товаров, но лишь после того, как на это согласятся остальные колонии. Тогда члены корреспондентского комитета разработали стратегию, которая должна была вынудить купцов прекратить импорт

товаров. Составляя проект «Торжественной лиги и договора об отказе от использования британских товаров», они в качестве единственной альтернативы «ужасам рабства» или «кровопролитию и опустошению, которое несет с собой гражданская война», предложили прекратить всякую торговлю с Великобританией. Короче говоря, бойкот импорта товаров предлагалось заменить бойкотом их потребления. Отказавшись потреблять товары, импортируемые из Великобритании, участники бойкота тем самым намеревались вынудить купцов прекратить их импорт.

«Сыны свободы» призвали все взрослое население обоюго пола подписать «Торжественную лигу и договор» до 31 августа 1774 года и расклеили объявления, в которых разъясняли гражданам, что установление к тому времени успешного бойкота британских товаров докажет, что бойкот — «спасение Северной Америки»¹². Несмотря на то что купцы все еще упирались, по-прежнему настаивая на выплате компенсации за чай, городское собрание Бостона поддержало предложенный план, против которого был подан всего лишь один голос. Корреспондентскому комитету было поручено установить контакт с другими колониями и настоятельно призвать их присоединиться к «соглашению об отказе от потребления британских товаров»¹³. В конце концов и купцы против своей воли вынуждены были принять новую тактику сопротивления, инициаторами которой явились «Сыны свободы». Последние же были уверены в том, что, как только этот план одобряют все тринадцать колоний, он станет мощным оружием в борьбе против «нестерпимых актов».

Хотя их расчеты в конце концов оправдались, все же, несмотря на бурю протестов, которую вызвали во всех колониях меры, принятые против Бостона, исход дела был решен далеко не сразу. Даже в Бостоне не были уверены в том, что купцы не будут саботировать решение о прекращении торговли. Рассказывая о положении в этом городе находившемуся за его пределами Сэму Адамсу, Джозеф Уоррен писал 15 июня 1774 года: «Если робость одних и предательство других в этом городе не погубят нас, я думаю, мы будем спасены». Однако его беспокоил не только Бостон, он опасался за исход дела и в Нью-Йорке. И все же мерцала робкая надежда.

«Я боюсь, что Нью-Йорк будет помогать нам не очень охотно,— писал он,— но ему, возможно, будет стыдно оставить нас в беде: во всяком случае, если нью-йоркские *купцы* захотят продать нас, его *мастеровые* не допустят этого»¹⁴.

Говоря о «мастеровых», Уоррен имел в виду «Сынов свободы», ибо к лету 1774 года эти слова стали синонимичными и «Сыны свободы» открыто называли себя «мастеровыми».

Законопроект о закрытии бостонского порта — первый из «нестерпимых актов» — стал известен в Нью-Йорке 12 мая 1774 года. Спустя два дня Айсек Сиерз предложил купцам созвать 16 мая общее собрание купечества, чтобы «обсудить вопрос о целесообразности заключения соглашения о бойкоте импорта... [и] ...решить вопрос о назначении членов корреспондентского комитета в целях проведения конгресса» делегатов от всех колоний для выработки единой программы бойкота импорта¹⁵. На следующий день программа «Сынов свободы» была расширена за счет включения в нее пункта о бойкоте экспорта. В письме в Бостон от 15 мая Сиерз и Макдугал рассказывали, что им уже ясны и «намерения жителей в отношении некоторых средств вашего избавления от ваших бед» и что они нашли способ защиты американских прав:

Многие наши граждане хотели бы, чтобы наш порт оказался в таком же положении, что и ваш. И поскольку министерство лишило вас власти над ним, мы ради продолжения вашей торговли с Великобританией побудили купцов провести завтра в 7 часов вечера собрание, чтобы достичь договоренности об общем соглашении, касающемся бойкота импорта товаров из Великобритании и их экспорта туда, пока требования американцев не будут удовлетворены на основе таких положений, которые могут принять комитеты провинциальных городов континента, чей общий конгресс должен быть созван с этой целью в этом городе.

«Сыны свободы» предложили Бостону обратиться ко всем городам, расположенным к северу от Нью-Хейвена, и пообещали, что Нью-Йорк свяжется с Нью-Хейвеном,

Филадельфией, Чарлстоном и другими городами к северу от Нью-Инглэнда. Это могло обеспечить быстрый созыв конгресса ¹⁶.

По распоряжению Макдугала на купеческой кофейной бирже были расклеены объявления, в которых излагалось вышеуказанное предложение и содержался настоятельный призыв к купцам принять его, а также давались заверения недоверчивым дельцам в том, что «Сыны свободы» не будут навязывать свои порядки. Эти заверения до некоторой степени ослабили опасения консервативных купцов, ибо на собрании предложение «Сынов свободы» о создании корреспондентского комитета совместно с другими колониями, которые предпринимали шаги в поддержку Бостона, было принято подавляющим большинством. Однако, когда встал вопрос о численности и составе членов комитета, между «Сынами свободы» и консерваторами произошел раскол. «Сыны свободы» выступали за небольшой комитет в составе 15—21 члена; консерваторы же, опасаясь засилья в столь небольшом органе руководителей мастеровых из организации «Сыны свободы», добивались создания комитета в составе 50 человек, кандидатуры которых подлежали затем одобрению народа. Купцы не только протасовали свое предложение о создании комитета в составе 50 членов, но и включили в него своих лидеров и спешников ¹⁷.

Тогда представители «Сынов свободы», собравшись отдельно, предложили свой комитет в составе 25 мастеровых. Их кандидатуры предполагалось вынести на следующий день на суд народа, которому и надлежало решить, какой комитет должен представлять жителей Нью-Йорка ¹⁸.

Собрание было назначено на 19 мая — на «самый неудобный, — как писал один историк, — для мастеровых и рабочих час и, стало быть, на наиболее удобное время для весьма расчетливых купцов, которые вели политическую игру, не считаясь ни с чем» ¹⁹. Однако, несмотря на эти уловки, на собрание пришло довольно много рабочих. Сьерз, напомнив, что эти люди могли потерять целый рабочий день, если открытие собрания задержится, настоятельно призвал незамедлительно принять решения по вопросам, ради которых они собрались. Его предложение осталось без внимания, и собрание безнадежно

затянулось, в результате чего многие мастеровые и рабочие вынуждены были уйти прежде, чем были приняты какие-либо решения. Взяв руководство собранием в свои руки, консервативные элементы сумели отделаться от всех предложений «Сынов свободы». Когда Сиерз попытался зачитать полученные им из Бостона письма, в которых Нью-Йорку предлагалось прервать все свои связи, консерваторы громкими презрительными выкриками заставили его замолчать. Заткнули ему рот и тогда, когда он предложил поставить вопрос о кандидатах в корреспондентский комитет на голосование горожан. В конечном счете консерваторы одобрили предложение о создании комитета в составе 50 членов. Однако в качестве уступки «Сынам свободы» в состав комитета был введен один из их лидеров, Фрэнсис Льюис, и комитет стал называться комитетом 51. «Большинство, если не все члены» комитета 51 были купцы и адвокаты²⁰. В письме в Англию лорду Дартмутскому Колден радостно сообщал, что в состав комитета вошли «самые осмотрительные и благоразумные люди города». Некоторых его членов, писал он, вынудили временно прекратить свои дела, дабы не допустить засилья в комитете «многочисленных... представителей низшего сословия и самых ярых их приверженцев, называемых „Сынами свободы“»²¹.

В известном письме от 20 мая 1774 года молодой губернатор-консерватор Моррис так описывал общее собрание, на котором для одобрения народа был представлен список 50 кандидатов. «Я стоял на балконе,— писал Моррис. — Справа от меня расположились состоятельные люди и несколько зависевших от них людей; с другой стороны разместились все ремесленники и прочие, считавшие, что они должны пожертвовать своим рабочим днем ради своей страны». Вот как объяснял Моррис свое понимание роли «Сынов свободы» и их «мастерской» партии:

Этими баранами, сколь бы просты они ни были, нельзя понукать, как до сих пор. Короче говоря, управлять ими невозможно; и теперь, следуя той же метафоре, можно сказать, что погонщики этого стада становятся опасными для землевладельцев; вопрос в том, как их утихомирить. Пока они переписываются с другими колониями, созывают и

распускают народные ассамблеи, принимают решения давить на совесть остальной части человечества, запугивают бедных печатников и полностью используют все другие судебные полномочия, обуздать их невозможно.

Виновниками усиления роли мастеровых Моррис считал аристократов. Он утверждал, что они так часто и так много разглагольствовали о конституционных принципах и правах человека, что это неизбежно пробудило политическое сознание народа. Хотя власть по-прежнему находилась в руках аристократов, будущее представлялось неясным: «Чернь начинает думать и рассуждать. Бедные пресмыкающиеся: для них настало вешнее утро, они купаются в лучах солнца, и прежде, чем наступит полдень, они начнут кусаться, и от этого будет зависеть их существование. Землевладельцы начинают страшиться этого».

Решение проблемы Моррис видел только в немедленном примирении с метрополией; это лишило бы руководителей масс возможности поднять и увлечь за собой массы по пути демократии: «Я предвижу, предвижу со страхом и трепетом, что в случае продолжения распрей с Великобританией мы окажемся под самой худшей властью — под властью взбунтовавшейся толпы».

Моррис считал, что разногласия между «состоятельными людьми» и «толпой» касались внутреннего положения колоний: «Спор, несомненно, шел о будущих формах правления, о том, на аристократических или демократических принципах они должны быть основаны»²². Он ссылаясь, в частности, на то, что «Сыны свободы» «требовали равных прав для классов, которые до этого не имели права голоса». Это требование было логическим продолжением кампании, которую начиная с 1769 года нью-йоркская организация «Сынов свободы» вела за упразднение системы открытого голосования и за использование избирательных бюллетеней вместо «предоставления права голоса людям из доверенных мест... обеспечивающего сохранение свободы»²³.

Точку зрения Морриса обсуждали и другие консерваторы Нью-Йорка. Их пугало не просто усиление роли мастеровых, они боялись, что предложение «Сынов свободы» прекратить всякую торговлю с Великобританией

создаст угрозу их богатству. Они были полны решимости установить свой контроль над всеми актами сопротивления, которые могли быть приняты в ответ на «нестерпимые законы». Что касается их самих, то Бостон мог бы как-нибудь перебиться; своим радикализмом он сам навлек на себя беду. Однако идея проведения всеобщего конгресса, считали они, может быть, и не столь уж плоха, ибо нескончаемые дебаты на нем создали бы много возможностей для проволок и — не исключено — позволили бы отложить работу конгресса, так и не приняв никакого решения²⁴. Так или иначе, им нельзя было допускать, чтобы мастерские играли и далее какую-то роль в движении сопротивления. Консерваторы были так напуганы усилением роли мастерских, что, когда мастерские пронесли через весь город чучела британского премьер-министра лорда Норта и двух его приспешников и сожгли их на центральной площади, купцы потребовали запретить подобную церемонию в Нью-Йорке. В ответ «Сыны свободы» заявили, что «подлинная цель этого требования состоит в том, чтобы предотвратить и не допустить возникновения какой-либо действительной оппозиции мерам министерства, которые настойчиво осуществляются в настоящее время с нескрываемым намерением низвести Америку до положения раба». Ко всем свободным людям был обращен призыв отвергнуть предложение о запрещении подобных шествий²⁵.

На своем собрании 20 мая мастерские приняли решение «проверить комитет 51 в действии и, в случае если его члены не оправдают надежд, отозвать их». Комитет 51 собрался на свое заседание тремя днями позже, и делегация «мастерских» во главе с Джоном Лэмбом призвала его принять решительные меры в поддержку Бостона²⁶. Консерваторы отвергли это предложение. Вместо этого они приняли резолюцию, в которой отмечалось, что, хотя Нью-Йорк и симпатизирует Бостону, он тем не менее будет действовать только по согласованию с другими колониями. И Макдугал мог сказать Полю Риверу, ожидавшему ответа Нью-Йорка, чтобы отвезти его в Бостон, только то, что нью-йоркскому корреспондентскому комитету следовало бы немедленно потребовать созыва Континентального конгресса. Поскольку консерваторы, в чьих руках находился комитет 51,

заявили, что они начнут действовать только в том случае, если так сделают и другие колонии, созыв конгресса положил бы конец тактике проволочек ²⁷.

Бостонцам такое предложение показалось разумным, поэтому «Сыны свободы» и Сэм Адамс договорились провести конгресс в начале сентября. 17 июня по предложению палаты представителей Массачусетса эта дата была указана в призыве о проведении Континентального конгресса. Тремя днями позже идею проведения конгресса одобрил и массовый митинг жителей Филадельфии, которые также рекомендовали установить систему выбора делегатов ²⁸.

Итак, совершенно очевидно, что идея проведения Континентального конгресса возникла у руководителей нью-йоркской организации «Сынов свободы» Сиерза, Лэмба и Макдугала и была поддержана «Сынами свободы» Бостона. Ничто не подтверждает мнения Карла Бекера о том, будто эта идея принадлежала консерваторам ²⁹. В действительности предложение о проведении конгресса и поддержка этого предложения Филадельфией заставили нью-йоркских консерваторов врасплох. «Сыны свободы» не дали им возможности опомниться. Они вынудили комитет 51 официально заявить, что он выступает за созыв Континентального конгресса, и согласиться направить своих делегатов «в сроки и место, которые будут согласованы другими колониями». 6 июля Колден информировал графа Дартмутского о том, что «Сыны свободы» «столь энергично проталкивали это решение», что «комитет 51 принял его» ³⁰.

Когда пришло время назначать делегатов на 1-й Континентальный конгресс, консерваторы позаботились о том, чтобы были избраны только их люди. Комитет мастеровых выразил недовольство тем, что «комитет купцов отказался допустить представителей мастеровых в свой орган, консультироваться с их комитетом и указать кандидатуры, представленные им для согласования» ³¹.

Но комитет мастеровых не просто выразил свое недовольство, он назначил на 16 июля 1774 года общее собрание. На этом собрании, пользуясь полной поддержкой народа, он представил свой список делегатов мастеровых на Континентальный конгресс и заручился аналогичной поддержкой в отношении платформы, с которой мастера-

вые должны были прибыть на конгресс. Суть программы мастеровых была изложена в следующей резолюции:

Настоящее собрание считает, что в случае, если основные колонии на континенте примут совместное решение о прекращении всякого импорта из Великобритании и всякого экспорта в Великобританию, пока не будет отменен парламентский закон о закрытии бостонского порта, такое решение будет равносильно спасению Северной Америки и ее свобод; с другой стороны, есть серьезные основания опасаться, что если они будут продолжать свой экспорт и импорт, то обман, произвол и самые отвратительные формы угнетения восторжествуют над правом, справедливостью, социальным благополучием и свободой; а посему

постановляет... Депутатам, которые будут представлять эту колонию на конгрессе американских представителей, открывающемся 1 сентября с. г. в Филадельфии, настоящим поручается, предписывается и предоставляются полномочия установить связь с большинством основных колоний, договориться от имени этого города об отказе от импорта из Великобритании всех товаров и изделий, пока не будет отменен закон о блокаде бостонского порта и не будут удовлетворены требования американцев; а также согласиться со всеми другими мерами, которые по мудрому суждению конгресса будут способствовать достижению великих целей и общему обеспечению прав и привилегий Америки;

постановляет... Собрание будет твердо следовать, выполнять и соблюдать все резолюции, решения и меры, которые вышеуказанный конгресс примет и будет руководить их выполнением или рекомендовать их выполнение для достижения и обеспечения важных целей, упомянутых в вышеуказанных резолюциях. Для этого необходимо немедленно подписать обязательство и направить его конгрессу, чтобы продемонстрировать нашу готовность и решимость предпринять совместные с нашими братскими колониями действия в целях оказания помощи нашим попавшим в беду собратьям из Бостона и обеспечения наших общих прав и привилегий ³².

Восторженная поддержка народом списка представителей и платформы мастеровых заставила купцов задуматься. Были проведены встречи между представителями комитета 51 и комитета мастеровых и разработан план, в соответствии с которым комитет мастеровых обязался изъять свой список представителей в счет на обещание кандидатов купечества поддержать программу мастеровых и добиваться на предстоявшем конгрессе прекращения торговли³³.

Изъятие списка комитета мастеровых не вызывает удивления. Ведь в конце концов мастеровые и добивались того, чтобы их программа была принята в качестве программы города Нью-Йорка, и ее одобрение комитетом 51 явилось большой победой. Это означало также, что усиление роли мастеровых было реальностью, над которой консерваторы могли смеяться, но с которой они не могли не считаться. Не следует также забывать, что если мастеровым было трудно присутствовать на более или менее продолжительных массовых митингах, поскольку они не могли оставить работу, то тем более они были не в состоянии поехать в качестве делегатов на конгресс в Филадельфию, ибо никто не оплачивал их пребывание на конгрессе и связанные с этим расходы.

После утверждения списка кандидатов комитета 51 комитет мастеровых направил бостонскому корреспондентскому комитету сообщение, в котором квалифицировал выборы как победу «Сынов свободы», поскольку делегацию Нью-Йорка на Континентальный конгресс обязали поддержать любые меры, которые могли быть приняты в Филадельфии. Мастеровые добавляли: «Теперь мы, пожалуй, убеждены в искренних намерениях друг друга; наши разногласия сгладились, и мы сцементированы в один крепкий организм и надеемся, что Нью-Йорку не будет равных в этой великой, благородной и отважной борьбе за свободу Америки»³⁴.

Это ликование не помешало, однако, «Сынам свободы» быть постоянно начеку. Когда генерал Гейдж обратился с просьбой обеспечить поставки для размещенных в Бостоне войск, купцы тут же изъявили готовность заключить с ним сделку. Сперз, Лэмб и Макдугал немедленно потребовали не предоставлять никакой помощи оккупационной армии, подчеркнув при этом, что каждый купец, который предоставит армии свое судно, навлечет на себя

«позор и вызовет возмущение всех благородных людей»³⁵. По инициативе комитета мастеровых были организованы массовые митинги протеста против поставок для английского гарнизона в Бостоне. Вначале консерваторов возмутила самонадеянность мастеровых, которые пытались поучать купцов, с кем им иметь дело; однако в конечном счете Гейдж вынужден был, как мы видели, обратиться за поставками для своих войск к Новой Шотландии³⁶.

Когда бостонский корреспондентский комитет направил Поля Ривера в Филадельфию, чтобы заручиться поддержкой этого города в борьбе против «парламентской тирании», проведение митинга, спешно созванного в городской таверне для заслушивания просьбы Бостона, захватили в свои руки консервативные купцы. Но, как и в 1765 и 1768 годах, они не предложили ничего радикального; следует, доказывали они, попытаться с помощью петиций, составленных на межколонияльном конгрессе, добиваться примирения с Англией, к прекращению же торговли следует прибегать лишь как к крайней мере. Они утверждали, что, если купцы Филадельфии начнут действовать прежде, чем остальные колонии достигнут договоренности, они «рискуют потерять всю свою собственность, в то время как другие не рискуют ничем»³⁷. В ответ на это мастеровые, выступавшие за немедленный бойкот торговли, распространили 8 июня 1774 года плакат с призывом провести на следующий день в здании муниципалитета собрание общины ремесленников³⁸.

Тысяча двести мастеровых слушали 9 июня письмо нью-йоркских мастеровых, которые настоятельно призывали их выступить против блокады Бостона, прекратив всякую торговлю с метрополией. Затем собрание назначило членов исполнительного и корреспондентского комитетов и поручило им осуществить сотрудничество с «патриотически настроенными купцами» в осуществлении «мер, которые будут эффективно содействовать достижению нашего единства в борьбе за общее дело нашей страны»³⁹. К «патриотически настроенным» относили купцов — сторонников продажи спиртного или мелких купцов, которые склонялись к бойкоту импорта на более ранних этапах движения сопротивления и согласились блокироваться с мастеровыми против политики «бездействия» консервативных купцов. Однако в 1774 году мастеровым вскоре стало ясно, что «патриотически на-

строенные купцы» выступали лишь за умеренный курс, препятствуя бойкоту торговли до тех пор, пока его не поддержал межколониальный конгресс.

Собрание мастеровых напугало консервативных купцов, которые поняли, что не должны оставаться в стороне и пустить дело на самотек. Поэтому они предложили провести 18 июня собрание всех жителей Филадельфии и даже направили к мастеровым своих делегатов, отметив при этом, что на собраниях будут предложены «решения, значительные по своей несравненной мудрости и духу», и обещав назначить «большой объединенный комитет, который представлял бы всех жителей этого города и страны»⁴⁰. В то же время они заключили союз с купцами, разделявшими умеренные взгляды, дабы не допустить поддержки собранием программы мастеровых, в которой предусматривалось немедленное прекращение торговли, и их влияния в комитете при принятии каких-либо резолюций. И тем не менее, как отмечал Чарлз С. Олтон, тот факт, что купцы «сочли необходимым добиваться расположения мастеровых», убедительно свидетельствует, что городская община ремесленников «достигала своей самой важной на начальном этапе революции политической цели — участия в руководящих советах провинции». Короче говоря, так же как и в Бостоне, Чарлстоне и Нью-Йорке, мастеровые Филадельфии «превращались в политическую силу»⁴¹.

Однако по сравнению с союзом консервативно и умеренно настроенных купцов «политическая сила» мастеровых позволила добиться немногого. Под давлением коалиции купцов на собрании 18 июня была принята «размытая» резолюция, в которой выражалось сочувствие Бостону и заявлялось об оппозиции закону о закрытии порта, вопрос же о прекращении торговли был оставлен на усмотрение межколониального конгресса. Хотя мастеровые не могли изменить заранее продуманную купцами политику, они все же вынудили их внести изменения в состав намеченного постоянного комитета, в котором первоначально мастеровых не было. Опасаясь, что это изменение может побудить мастеровых к созданию своего комитета, консервативные и умеренные купцы согласились дополнительно внести в список кандидатов семь мастеровых, предварительно вычеркнув из списка двух самых нежелательных для них купцов. Эта уступка означала

лишь частичную победу мастеровых, ибо им представили дело так, будто в состав постоянного комитета войдут все без исключения члены комитета, назначенного ими на своем митинге 9 июня. В конечном счете туда вошла лишь половина этой группы, и на одного мастерового в постоянном комитете приходилось четыре купца ⁴².

И все же мастеровые в постоянном комитете начали бороться за радикальное изменение политики. Они выражали недовольство тем, что обращение комитета к жителям Бостона было «слишком холодным» и что комитет колебался в вопросе об установлении бойкота импорта и экспорта товаров. Однако купцы не обращали на это недовольство никакого внимания ⁴³.

11 июля разочарованные мастеровые собрались вторично, чтобы вновь попытаться заставить Филадельфию поддержать политику бойкота торговли. Они предупредили своих сограждан, что, если такие крупные торговые центры, как Филадельфия, не поддержат этот план, он будет сорван, ибо вскоре от него откажутся и другие города. Они призвали жителей Филадельфии «самим прийти к какому-нибудь соглашению или *недвусмысленно* оставить вопрос о выработке такого соглашения для них на усмотрение конгресса». Поэтому они призвали провести еще одно общее собрание жителей, чтобы поручить делегатам Пенсильвании на Континентальном конгрессе поддержать политику бойкота торговли. При этом они, однако, подчеркнули, что не хотят «вступать ни в какие противоречия» с постоянным комитетом. Они отметили, что ничто в деятельности комитета с момента его создания не дает оснований надеяться, что он поручит своим делегатам добиваться бойкота товаров: «Давайте же не будем посылать наших депутатов на конгресс со связанными за спиной руками или с запечатанными ртами» ⁴⁴.

В течение всего лета 1774 года мастеровые Филадельфии добивались проведения нового общего собрания. Они указывали, что принятие вторых и третьих «нестерпимых актов» привело к возникновению новой ситуации, которой не существовало в момент проведения собрания 18 июня, и что тенденции к прекращению торговли, возможно, проявятся на новом собрании еще сильнее. И все же никаких мер принято не было. В конце августа стали распространяться слухи, что в Филадельфию направляется большая партия английских товаров, которую анг-

лийские предприниматели надеялись продать до того, как Континентальный конгресс одобрит ту или иную политику бойкота торговли. В то время как созданный 18 июня постоянный комитет раздумывал, какую занять позицию по данному вопросу, возникшему в связи с возражениями его членов-мастеровых, в «Пенсильвания газет» появилось письмо за подписью «Ремесленник», в котором эти колебания квалифицировались как доказательство необходимости созвать новое общее собрание, чтобы назначить «новый комитет для охраны интересов общественного благополучия и разработки рекомендаций о мерах, которые необходимо принимать во всех возможных чрезвычайных ситуациях»⁴⁵.

Слухи о предполагавшемся импорте товаров не подтвердились, а новое собрание, которое намечалось провести до Континентального конгресса, так и не состоялось⁴⁶. Однако мастеровые продолжали свою агитацию за принятие более радикальной программы вплоть до самого созыва конгресса и даже в период его работы. С прямодушной решимостью они настаивали на «абсолютной необходимости прекращения нашей торговли с Англией до тех пор, пока не будут удовлетворены наши претензии»⁴⁷.

Как только в Чарлстоне стало известно о законопроекте о закрытии порта, «Сыны свободы» этого южного города сразу же приняли резолюции с призывом прекратить торговлю с Великобританией. Кристофер Гэдсден сообщил бостонскому корреспондентскому комитету, что, принимая во внимание осторожность купцов и плантаторов, представление программы на одобрение народа решено отложить на несколько недель. Кроме того, тот факт, что Чарлстон «остался в дураках», когда речь шла о бойкоте импорта в 1770 году, поскольку северные города один за другим вышли из состава ассоциации, еще более осложнял представление радикальной программы на том этапе⁴⁸.

На 6 июля 1774 года было назначено собрание «для рассмотрения... таких мер, которые совместно со всеми жителями наших братских колоний необходимо принять на этом континенте... чтобы отвратить угрозу, нависшую... [в результате] последних враждебных актов парламента, предпринятых против Бостона». Существовавший в то время корреспондентский комитет в составе тринадцати

мастеровых, тринадцати купцов и тринадцати плантаторов, якобы представлявших сельские районы, разослал извещения о собрании во все районы провинции. На собрании, куда прибыли 104 делегата, разгорелся жаркий спор между представителями купцов и мастеровых. Купцы выступали против немедленного бойкота торговли, считая, что не следует принимать никаких мер до тех пор, пока такое решение не примут остальные колонии. Мастеровые квалифицировали это как тактику провокаций и настаивали на немедленном принятии политики бойкота, однако они потерпели поражение от плантаторов и купцов.

Тогда мастеровые стали добиваться направления делегатов на Континентальный конгресс, и благодаря поддержке плантаторов их усилия увенчались успехом. Затем мастеровые стали добиваться предоставления делегатам неограниченных полномочий, чтобы те могли проголосовать за немедленное прекращение торговли с Великобританией. И вновь при поддержке плантаторов они одержали победу, которая, как они считали, «уже начала давать ощутимые результаты»⁴⁹.

Следовало выбрать членов делегации. Было представлено три соответствующих списка: от купцов, плантаторов и от мастеровых. Список мастеровых возглавляли Кристофер Гэдсен и Томас Линч — руководители «Сынов свободы» Чарлстона. Платформа мастеровых предусматривала немедленное прекращение торговли и выдвижение делегатами этого требования в Филадельфии. Плантаторы в своей платформе выступали за то, чтобы осуществить политику бойкота торговли лишь после того, как она будет одобрена в Филадельфии, и только после этого ее должны были поддержать делегаты. Купцы в своей платформе ратовали за петиции и предписывали своим делегатам голосовать на Континентальном конгрессе против прекращения торговли.

В то время как купцы со своими приказчиками организовано шли на выборы, мастеровые обегали город, мобилируя своих сторонников. В результате на выборах в Чарлстоне победили мастеровые, а в сельской местности победу одержали плантаторы. Хотя большинство членов делегации составляли плантаторы, Кристоферу Гэдсену, избранному от мастеровых, предстояло сыграть важную роль в пропаганде в Филадельфии радикальной програм-

мы мастеровых Чарлстона. Сайлас Дин, представитель Коннектикута на Континентальном конгрессе, писал:

Г-н Гэдсен намного опережает всех «Сынов свободы» Новой Англии. Он за то, чтобы взять свое кремневое ружье и отправиться прямо в Бостон; более того, даже если бы в Бостоне у него были жена и дети, заявил он сегодня утром, которым предстояло бы погибнуть от его меча, все равно это не изменило бы его намерений и не помешало добиваться свободы Америки⁵⁰.

На Континентальном конгрессе разгорелся большой спор, поскольку такие консерваторы, как Джеймс Дьюэйн из Нью-Йорка и Джозеф Гэллоуэй из Пенсильвании, выступили против радикальной программы Сэма Адамса, Кристофера Гэдсдена и Патрика Генри, выступавших за полное прекращение торговли, за непризнание власти парламента и за утверждение колониальных прав на основе «естественного закона». Доходившие до конгресса в Филадельфии разговоры о том, что англичане не колеблясь прибегнут к помощи войск, чтобы осуществить «нестерпимые акты», помогли колебавшимся делегатам стать на сторону радикалов.

16 сентября 1774 года Поль Ривер привез в Филадельфию суффолкские решения, которые конгресс принял без промедления. В них парламентские акты объявлялись антиконституционными, отстаивалось право колонистов пренебрегать ими и подчеркивалась необходимость прекращения импорта и экспорта товаров. 20 октября конгресс одобрил соглашение о бойкоте импорта и утвердил ассоциацию. В соглашении предусматривалось, что после 1 декабря 1774 года будет прекращен импорт товаров из Великобритании и чая из Вест-Индии и Ост-Индии. Если же экономический нажим не приведет к удовлетворению претензий до 10 сентября 1775 года, то колонии предпримут санкции и против экспорта.

Чтобы выполнить положения соглашения, последнее содержало призыв к тому, чтобы комитеты во всех городах и графствах выбирали все, кто имел право голоса, и они «должны будут внимательно следить за поведением всех лиц, причастных к ассоциации». Каждый виновный в нарушении этого соглашения должен был быть заклеен как враг народа, с которым никто не должен иметь

дела. Вопрос о необходимости применения дополнительных мер наказания был оставлен на усмотрение соответствующих комитетов и конвентов.

Приняв решение об ассоциации, конгресс составил два длинных обращения — одно к народу Великобритании, другое к народу Америки, — в которых объяснял, почему он избрал такие меры. Несколько дней спустя Континентальный конгресс принял аналогичное обращение к народу Квебека и к королю. Завершив работу, конгресс прекратил свои заседания и рекомендовал провести в мае будущего года второй конгресс, если к тому времени его требования не будут удовлетворены ⁵¹.

Ассоциация отнюдь не была пределом желаний мастеровых, поскольку вступление в действие соглашения о прекращении торговли в полную силу откладывалось еще на один год. Однако основная часть их программы была выполнена, и бойкот импорта должен был начаться в ближайшем будущем. Более того, в отличие от соглашений о бойкоте импорта 1756 и 1769 годов осуществление этого соглашения не собирались отдавать на откуп купцам. Теперь это возлагалось на конгресс, который навязал его купцам, не считаясь с их мнением. Раньше комитеты сопротивления находились почти под исключительным контролем купцов. Мастеровые, рабочие и матросы должны были подталкивать их к действию и зачастую, когда созданные организации либо не принимали никаких мер, либо просто отказывались действовать, сами приступали к осуществлению соглашений. В Бостоне, в период сопротивления программе Тауншенда, мастеровые просто прибрали к рукам комитет купцов, чтобы продолжать бойкот импорта. Теперь же автоматического господства купцов в созданных для осуществления соглашений органах больше не должно было быть. В нескольких городах мастеровые имели значительный вес, чтобы осуществлять полномочия Континентального конгресса. Для Бостона и Чарлстона это, вероятно, не было новым, однако ни в Нью-Йорке, ни в Филадельфии ничего подобного никогда не происходило.

Важным результатом Континентального конгресса в Нью-Йорке было то, что по соглашению комитета 51 и комитета мастеровых комитет 51 был распущен и для осуществления политики ассоциации создан новый инспекционный комитет. Колден считает, что комитет 51

решил объявить о самороспуске, «дабы уберечь город от разрушительных действий толпы... Если бы он этого не сделал, то верх одержали бы самые опасные среди нас элементы, которые под предлогом осуществления предписаний конгресса немедленно создали бы в городе самую опасную ситуацию»⁵². Так или иначе, а 60 членов инспекционного комитета были выбраны из двух списков — по сто кандидатов в каждом, — представленных отдельно комитетом 51 и комитетом мастеровых.

На выборах 22 ноября 1774 года все кандидаты, представленные в совместном списке комитета 51 и комитета мастеровых, были избраны единогласно. В новом комитете 60 мастеровые представляли значительную, если не доминирующую, силу. В него входило 29 членов прежнего комитета, а большинство тех, кто был выведен, в конце концов стали лоялистами. Впервые мастеровые получили значительное влияние в неофициальном механизме движения сопротивления в Нью-Йорке. Сиерз, Лэмб и Макдугал в большой мере выполнили программу, разработанную ими в интересах народа, когда в городе стало известно о «чайном законе»⁵³.

В Филадельфии мастеровые также появились в неофициальном механизме движения сопротивления в качестве новой силы. Здесь тоже был избран новый комитет, наделенный полномочиями для осуществления политики Континентального конгресса. В успешно прошедшем на выборах в ноябре 1774 года списке кандидатов в городской комитет было двенадцать мастеровых; некоторые из них были членами организации «Сыны свободы» с 1765 года, другие присоединились к ней позже. В Комитете по наблюдению и инспекции было если не подавляющее, то по крайней мере значительное число представителей мастеровых⁵⁴. Р. А. Райерсон в одном из своих замечательных исследований, посвященных движению сопротивления в Филадельфии, пишет:

В 1765 и 1769 годах богатые купцы среднего возраста, как правило умеренных взглядов, доминировали и в официальной политике, и в движении сопротивления, которое возглавлял комитет... Однако коалиция [Чарлза] Томсона — коалиция радикальных молодых купцов и недавно мобилизованных ремесленников, которую заботливо пестовал каждый

радикальный стратег,— наконец покончила с за-
сильем богатых купцов в политической жизни горо-
да. В июне 1774 года три четверти членов комитета
составляли купцы и лишь одну десятую — масте-
ровые. После ноября купцы занимали две трети мест,
а мастеровые — более одной четверти ⁵⁵.

Таким образом, в то время как в различных неофи-
циальных комитетах, созданных в 60-х годах для контро-
ля за осуществлением соглашений о бойкоте импорта, не
было практически ни одного мастерового, в 1774 году
они составляли уже 33 процента членов всех комите-
тов ⁵⁶.

В июне 1774 года один радикальный наблюдатель
писал из Бостона:

Именно на этих достойных членов общества ре-
месленников мы опираемся, по воле божией, в деле
укрепления решимости граждан других слоев в Фи-
ладельфии и Нью-Йорке. Они, безусловно, увлекают
за собой здесь всех... Это обеспечит осуществление
бойкота импорта в этой провинции независимо от
того, снизойдут ли *messieurs les marchands* [госпо-
да купцы.— *Перев.*] до того, чтобы примкнуть или
не примкнуть к нему ⁵⁷.

Развитие событий показало, что он был прав. После
образования ассоциации усиление роли мастеровых на-
столько, что они стали играть важную роль в официаль-
ном механизме осуществления соответствующих решений,
являлось гарантией того, что бойкот импорта и сопротив-
ление мерам Великобритании не должны были быть пре-
даны забвению, как это произошло в 1770 году.

Усиление политического влияния мастеровых, несом-
ненно, объяснялось ненавистью, которую вызывали у них
меры Великобритании, а также их глубокой заинтересо-
ванностью в осуществлении бойкота импорта в качестве
меры, способствовавшей развитию национальной про-
мышленности; их патриотические настроения и экономи-
ческие интересы совпадали. Однако со временем масте-
ровых все больше и больше стало возмущать то, что бо-
гатые купцы установили контроль над экономической и
политической жизнью их городов. К началу 70-х годов
они уже осуждали претензии богачей, которые «имели

наглость утверждать, будто мастеровые — люди безответственные», и «беззастенчиво заявляли, что мастеровые... не имеют права выступать от своего имени или думать о себе». Теперь они открыто выражали свое негодование по поводу прежних политических соглашений, в соответствии с которыми «та или иная группа заправил» составляла перед каждыми выборами список кандидатов, «никогда не позволяя ни одному мастерскому высказать свое положительное или отрицательное мнение». Они очень гордились «расширением сферы деятельности и усилением роли состоятельных мастеровых» и требовали соответствующего представительства на выборных городских должностях. Они заявляли о своей солидарности с «благородной борьбой», которую граждане Лондона, главным образом мастеровые, вели во время дела Уилкеса⁵⁸.

Не следует забывать, что виновниками появления политической активности мастеровых губернатор Моррис считал аристократов, слишком много разглагольствовавших о конституционных принципах и правах человека. Однако молодые консерваторы умалчивали о другом — о том, что эти разглагольствования оказали свое влияние еще на одну группу рабочих, которые были широко представлены в колониях, но не участвовали в неофициальном механизме движения сопротивления. Речь идет о черных рабах. «Колонисты по закону природы рождены свободными, как, впрочем, рождаются свободными все люди, белые или черные», — писал в 1764 году в своем знаменитом памфлете против «постановлений о помощи» Джеймс Отис. Когда Джон Адамс узнал об этом, его, как и губернатора Морриса, «привела в содрогание доктрина, которую тот проповедовал», и мысль о «последствиях, которыми чреватые такие посылки». Жена Джона Адамса, Эбигейл, женщина поистине выдающаяся, не разделяла опасений своего мужа. Напротив, большую опасность она усматривала в росте бунтарских выступлений рабов, нежели в эмансипации черных. Она разделяла точку зрения многих американцев, которые считали основным противоречием между требованием колонистов об освобождении от британского гнета и существованием рабства. В известном письме мужу от 22 сентября 1774 года она писала:

«Я бы искренне хотела, чтобы в этой провинции не было ни одного раба; мне всегда казалось в высшей степени несправедливым бороться за то, что мы ежедневно отнимаем и чего лишаем тех, кто имеет такое же право на свободу, как и мы сами»⁵⁹.

В год «бостонского чаепития» группа массачусетских рабов подала генералу Кортю петицию с просьбой предоставить им свободу; в качестве аргумента они выдвинули те же доводы, которые приводила в своем письме Эбигейл Адамс. Они указывали на конфликт между колониями и Великобританией: «Мы ожидаем великих деяний от тех, кто столь благородно сопротивлялся замыслам своих *собратьев* поработить их». Те, кто подписал петицию, выразили надежду, что законодатели, рассматривая просьбу рабов, вспомнят свою борьбу за свободу.

В мае 1774 года, когда Бостон выступал против «нестерпимых актов», рабы направили массачусетским законодателям еще одну петицию с просьбой предоставить им свободу. На этот раз петиция была написана гораздо смелее и недвусмысленно отражала революционную идеологию сторонников естественных прав. Рабы писали о себе как о «множестве черных людей провинции, которых держат в рабстве в свободной и христианской стране». Их петиция начиналась драматическими словами: «Те, кто подписался под петицией, понимают, что мы и все другие имеют естественное право на свободу, право, которого нас не могут лишить наши сограждане, ибо мы рождены свободными и никогда не поступались этим благословенным правом ни в каких договорах или соглашениях». Они указывали, что даже если их и сделали рабами на основании закона, то все равно никогда не было закона, по которому «наши дети на всю жизнь становились бы рабами, если они рождены в свободной стране». Петиция заканчивалась просьбой о постепенной эмансипации, которая предусматривала бы освобождение тогдашних рабов по достижении двадцати одного года.

Шесть недель спустя в следующей петиции рабы просили уже предоставить им не только свободу, но и «часть принадлежащей провинции невозделанной земли для ее заселения, с тем чтобы каждый из нас мог спокойно отдыхать под своим собственным фиговым деревом».

Хотя рабы заручились поддержкой Сэма Адамса, их мольбы все же не тронули законодателей. Их окончательное решение было таково: дать этому делу «сейчас затихнуть»⁶⁰.

10 февраля 1774 года в «Массачусетс спай» был опубликован призыв «Сына Африки». Не назвавший себя негр выражал свою радость по поводу того, «что в этой и в соседней провинциях царит дух свободы», однако отмечал, что «над ней в течение уже многих лет нависает туча», которая затмевает лучи свободы:

Вас облагают налогами, не спрашивая на то вашего согласия (я признаю, что это несправедливо), и вы просите о помощи и не можете получить ее... Так разве не жестоки и ваши сердца, если вы держите в рабстве людей, которые имеют право на свободу в силу естественного права, которые так же равны, как и вы? А если так, то, пожалуйста, милостивый государь, вытащите бревно из собственного глаза, дабы лучше видеть, чтобы вытащить сучок из глаза брата своего; и когда вы прозреете, вы ясно увидите разницу между вашими претензиями к Великобритании и претензиями африканцев. Мы все исходим от одного Отца, и Он на основании естественного права положил каждому человеку в равной мере беспрепятственно пользоваться всем, что было сотворено. А если так, то разве законно, чтобы одна нация поработала другую? Закон природы не терпит этого.

Вопросы, поставленные «Сыном Африки», требовали ответа, ибо американцы шли вперед по пути независимости.

8. ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Приняв решение на Континентальном конгрессе, американские колонии впервые договорились об общем плане действий. Первой проверкой этого плана должна была стать его поддержка народом. Что касается консерваторов, то принятые в Филадельфии решения не импортировать после 1 декабря 1774 года некоторые британские товары, не потреблять после 1 марта 1775 года чай и не экспортировать товары в Англию после 10 сентября 1775 года вызвали у них бессильный гнев. Их недовольство возросло еще больше, когда результаты выборов показали, что мастеровые и рабочие должны будут играть важную роль в местных комитетах по обеспечению выполнения решений конгресса в ведущих городах. От Массачусетса до Джорджии раздавались по этому поводу причитания консерваторов. Губернатор Джорджии сетовал на то, что в Саванне «местный комитет представляет собой сборище самых ничтожных людей, главным образом каменщиков, сапожников, кузнецов и пр.». «Ривингтон'з гэзитиер», рупор наиболее консервативных элементов в Нью-Йорке, предостерегал граждан не променять бездумно так называемую британскую «тиранию и угнетение» на подлинную тиранию и угнетение, дабы не стать жертвой «самой отвратительной и рабской формы господства, то есть господства лени, порока и нечисти... Речь идет о тех, кто подстрекает к мятежам и волнениям, кто может даже призвать к восстанию по всей стране, и все лишь для того, чтобы захватить часть вашей собственности»¹.

Один бостонский консерватор горько сетовал на то, что на публичных собраниях «последние мастеровые с беспредельной свободой обсуждают самые важные вопросы управления». В Коннектикуте Джонатан Трамбал предпочел выразить свое недовольство в стихах:

Каждый тупица в кожаном фартуке, поумнев,
Лезет со своими советами,
И оборванцы — законодатели в лохмотьях
Сбегают на заседания
Со всех мастерских на улице.

Из всех самых грязных навозных куч
Выскакивают эти выросшие в грязи патриоты,
Рвутся к богатству, власти и почестям,
Подобно мухам, только что вырвавшимся из личин².

Англиканские священники выступили со злобной безудержной критикой в адрес Континентального конгресса. Один святой отец из Чарлстона объявил своим прихожанам, что конгресс совершил богохульство, заявив, будто народ может сам выбирать свои местные комитеты, ибо, согласно воле божьей, «мастеровые и деревенские *невежды* не вольны рассуждать о политике или прошлых и будущих деяниях королей, лордов и палаты общин»³. Некий Сэмюэль Сибири — англиканский священник из Нью-Йорка, писавший под псевдонимом «Вестчестерский фермер», — настоятельно призывал массы не повиноваться конгрессу, игнорировать местные комитеты, избранные «глупыми и неуравновешенными людьми», и не страшиться никаких репрессий со стороны «черни и невежественных людей», которыми они могут угрожать тем, кто слушается его советов: «Если уж меня должны поработить, то пусть это сделает по крайней мере король, а не шайка выскочек и самозванцев из комитета. Если меня должны поглотить, то пусть уж меня перемелют челюсти льва, а не заедят до смерти крысы и паразиты»⁴.

«Сыны свободы» не остались в долгу. В первый же день появления памфлета Сибири они охарактеризовали его как «самый предательский, самый злонамеренный и опасный из всех, что появлялись до сих пор», и публично сожгли его⁵. Чарлстонский священник, который выступил с нападка на «*мастеровых и деревенских невежд*», был смещен своими прихожанами, и ему и «всем таким духовным лицам» было заявлено, «что мастеровые и деревенские невежды (которым дали это оскорбительное прозвище) и являются подлинными и абсолютными господами королей, лордов, палаты общин и священников»⁶.

Однако «Сынам свободы» недостаточно было лишь ответить на нападки консерваторов. Их главная задача состояла в том, чтобы не допустить срыва соглашения о бойкоте импорта в результате его саботажа или нарушений. Купцы, выбранные в комитеты по выполнению решений конгресса от коалиции купцов и мастеровых, так называемые умеренные, могли вести двойную игру, с одной стороны, заявляя о своей поддержке ассоциации, а

с другой — делая все, чтобы помешать ее работе. Через день после того, как в Нью-Йорке был выбран комитет 60, один из «Сынов свободы» Хью Хьюз писал Джону Лэмбу, что он «опасается, как бы они [купцы] через своих приспешников не помешали осуществиться их лучшим намерениям». Поскольку это их последняя ставка, предостерегал он, «Сыны свободы» могут не сомневаться, что те пойдут ва-банк, и поэтому нужна исключительная бдительность, чтобы сорвать их замыслы⁷.

Уже на первом заседании комитета Джеймс Дьюэйн попытался сорвать осуществление решений, предложив отказаться от ключевых позиций ассоциации. Ассоциация постановила, что товары, импортированные в период с 1 декабря 1774 года по 1 февраля 1775 года, подлежали либо отправке обратно, либо продаже, причем прибыль должна была пойти в казну Бостона. Дьюэйн же хотел, чтобы эти товары были либо уничтожены, либо проданы, и притом так, чтобы оказавшийся в столь тяжелом положении город не получил никакой прибыли. Это сразу же встревожило Макдугала: он был убежден, что лидер нью-йоркских купцов решил «погубить» ассоциацию. Под его руководством мастера в комитете решительно выступили против предложений Дьюэйна и сумели провалить их⁸. Этот инцидент показал, насколько была ненадежна коалиция купцов и мастеровых.

30 января 1775 года комитет 60 принял официальное решение о возвращении всех импортированных из Великобритании товаров в место их отгрузки. «Сыны свободы» следили за выполнением этого постановления. Одно судно из Глазго «Сыны свободы» вынудили покинуть гавань, чтобы не допустить его разгрузки, причем вдоль его борта они поставили шлюп со своими вооруженными людьми, чтобы предотвратить тайную разгрузку⁹.

16 февраля в порт вошла «Бьюла», и местным лодчманам было приказано не прикасаться к ней. Айсек Сиерз вместе с вооруженной группой в составе двадцати человек из числа мастеровых — членов комитета 60 и матросов — немедленно организовал караульную службу на находившемся неподалеку шлюпе. Тогда в дело вмешались Роберт и Джон Марри, одни из самых богатых по тем временам купцов¹⁰, и, поскольку груз прибыл для них, попросили комитет 60 разрешить им выгрузить то-

вары. Комитет заявил Марри, что они будут наказаны, если доставят свои товары в город.

Нью-йоркские купцы, которые ненавидели ассоциацию, а таких было большинство, решили использовать инцидент с «Бьюлой» для того, чтобы покончить с движением. Они призвали Марри не обращать внимания на комитет 60. Получив соответствующее предупреждение, вооруженные «Сыны свободы» под руководством Сиерза наблюдали со шлюпа за стоявшей у Песчаной косы «Бьюлой», когда налетевший вдруг шторм заставил их укрыться в бухточке. Марри решили воспользоваться столь долгожданным случаем. К «Бьюле» подошло судно, приняло на борт большое количество товаров и отвезло на Стейтен-Айленд, где они были спрятаны на одном из складов. На следующий день «Бьюла» отбыла в Англию, якобы увозя так и не разгруженные товары, предназначавшиеся для Марри.

Сиерз, подозревая, что товары были разгружены в то время, когда «Сыны свободы» находились в укрытии, узнал все же у местных матросов об их местонахождении. Прижатые к стене, Марри признали свою вину. Негодование народа было столь велико, что даже их жалкие извинения и обещания не повторять этого в будущем не изменили решения мастеровых, потребовавших изгнания Марри. Не помогли ни их богатство, ни известность (их именем назван современный район Марри-Хилл на 42-й улице). В отчаянии г-жа Марри написала Сиерзу и Макдугалу открытое письмо, умоляя заступиться за мужа и зятя. Ее просьба возымела действие¹¹.

Исход дела с «Бьюлой» явился большой победой «Сынов свободы» и ассоциации в Нью-Йорке. Макдугал был уверен, что «кары, которой они [Марри] подверглись сейчас и подвергнутся в дальнейшем, достаточно, чтобы удержать любого, даже самого низкого, человека от нового нарушения»¹². И он оказался прав. В прессе того времени нет ни одного сообщения о других нарушениях постановлений ассоциации в Нью-Йорке.

В Чарлстоне мастеровым также пришлось проявить бдительность, чтобы сохранить ассоциацию. Когда их коллеги в комитете по выполнению решений — купцы и плантаторы — проголосовали за то, чтобы разрешить вернуться из Англии купцу из Каролины выгрузить лошадей, предназначавшихся для его личного пользования,

мастеровые выступили против. Оказавшись в меньшинстве, они обратились за помощью к народу. Чарлстонские мастеровые пригрозили убить животных, если их выгрузят на берег. Тогда для охраны животных во время выгрузки была направлена вооруженная группа, однако большинство ее составляли «Сыны свободы», они побросали оружие и отказались выполнять приказ¹³.

В петиции, направленной в комитет общины ремесленников, указывалось, что мастеровые, «которые принимают вопрос о свободе Америки очень близко к сердцу», расценивают результаты первоначального голосования как «нарушение соглашения об ассоциации, принятого на всеобщем конгрессе». Во избежание дальнейших конфликтов в общине авторы петиции настаивали на «возможном пересмотре этого вопроса». Вопрос был пересмотрен, на этот раз множество мастеровых явилось на заседание, чтобы обеспечить такие результаты голосования, которые содействовали бы «свободе Америки». Они восторженно встретили предложение своего представителя Кристофера Гэдсдена — руководителя «Сынов свободы», избранного в комитет от мастеровых, пересмотреть результаты первоначального голосования. Они приветствовали тех, кто говорил о выгрузке лошадей, употребляя «позорные и презрительные выражения», а когда Эдвард Ратледж, самый ярый поборник в комитете выгрузки лошадей, осудил мастеровых как «непокорную толпу», в ответ «раздалось улюлюканье». Большинством всего в один голос, 35 против 34, комитет принял решение запретить выгрузку. «Такое решение вызвало всеобщее удовлетворение; и в общине, по-видимому, восстановлено полное спокойствие», — писала на следующий день «Сауз Кэролина газет»¹⁴.

Отмена решения о выгрузке лошадей имела решающее значение для будущего ассоциации в Чарлстоне, так же как и успешное завершение инцидента с «Бьюлой» — в Нью-Йорке. Ричард Уолш пишет по этому поводу:

Ассоциация была спасена. Если бы мастеровые проиграли это на первый взгляд пустячное дело, последствия были бы плачевными. Вице-губернатор провинции Булл заметил, что, «если бы этот вопрос был решен положительно», купцы «расценили бы такое решение как отказ от бойкота импорта» и не-

медленно послали, как обычно, за товарами в Англию. Этому примеру, вероятно, последовали бы Нью-Йорк и другие колонии¹⁵.

Булл мрачно отмечал, что показательным для этого дела было то, что самые умеренные руководители «Сынов свободы» вынуждены были поддержать радикальную позицию мастеровых. Мастерovým «открылись их сила и значение», причитал он, и отныне «их прежним руководителям будет не так легко управлять ими»¹⁶. В справедливости этого замечания вскоре убедился не кто иной, как сам идол чарлстонских мастеровых — Кристофер Гэдсен, когда он стал все больше скатываться на умеренные позиции.

В соседнем городе Саванне комитет по выполнению решений о создании ассоциации действовал столь энергично, что фактически взял на себя контроль за управлением. Некий консервативно настроенный купец с грустью писал 26 декабря 1775 года своему другу в Англию: «Губернатор здесь, так же как и в других провинциях, — просто нуль; все вершит комитет, состоящий из брадобреев, портных, сапожников и пр., чья наглость и нахальство возмутили бы любого англичанина»¹⁷. Это было пронизательное замечание, ибо в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Чарлстоне, так же как и в Саванне, местные комитеты, призванные обеспечить выполнение решения о запрещении всей торговли с Великобританией и Вест-Индией, быстро заменили собой официальные городские органы управления и обрели подлинную власть при решении вопросов на местах.

В числе других статей о создании ассоциации были такие, которые предусматривали, «что все товары в этой стране будут продаваться по разумным ценам» и что «продавцы изделий или товаров не воспользуются их нехваткой, которая может возникнуть в результате создания ассоциации, а будут продавать их по ценам, которые мы почтительно привыкли платить в последние двенадцать месяцев». И местные комитеты контроля, руководство которых испытывало на себе постоянное давление со стороны мастеровых, выполняли это положение. Они следили за «отдельными торгашами», которые стремились «воспользоваться общим несчастьем», скупая в больших количествах товары, импортированные на законных осно-

ваниях или изготовленные в колониях, и воздерживаясь от их продажи в ожидании повышения цен. Комитеты предупреждали «таких скупщиков», требуя, чтобы они отказались от «своих корыстных планов» и «просили за них надбавку не выше той, какую обычно брали за такие товары». Встречается не так уж много сообщений о спекуляциях с целью установления монопольных цен¹⁸.

«Осенью 1774 и зимой 1775 годов,— вспоминал впоследствии Поль Ривер,— я был одним из тридцати с лишним человек, в большинстве своем мастеровых, которые создали комитет, чтобы следить за перемещениями британских солдат и собирать различные сведения о действиях тори»¹⁹. Этой группе, регулярно собиравшейся в таверне «Зеленый дракон», удавалось получать ценную информацию о военных планах высшего британского командования в Новой Англии. В декабре 1774 года, когда Гейдж намеревался перевести из Портсмута часть военных складов, его план стал достоянием гласности. Поль Ривер был срочно направлен к портсмутским «Сынам свободы», чтобы сообщить им об этом. Будучи предупреждены, они с помощью своих соратников из Ньюкасла и Рая захватили запасы прежде, чем англичане смогли забрать их. Аналогичным образом секретной службе мастеровых стало известно о намерениях Гейджа арестовать Сама Адамса и Джона Хэнкока. Информация была передана Уоррену, который в свою очередь 16 апреля 1775 года направил Ривера в Лексингтон, чтобы предупредить этих людей об опасности²⁰.

В марте 1775 года Континентальный конгресс постановил называть массачусетскую милицию «минитмены» и поручил ей приступить к действиям, если британские войска в Бостоне перейдут в наступление. Среди «минитменов» Массачусетса были такие негры, как Питер Сэлем из Фрамингема, которому хозяин даровал свободу, чтобы он записался в городскую роту, а также Лемюзель Хейнс, уроженец Вест-Хартфорда (Коннектикут), впоследствии ставший пастором в церквах для белых в Коннектикуте и Вермонте.

15 апреля 1775 года генерал Гейдж направил отряд в Конкорд, чтобы уничтожить военные запасы, собранные в этой деревне «Сынами свободы». Когда семьсот «красномундирников» двинулись 18 апреля на Лексингтон, Поль Ривер молниеносно оповестил город об опасности.

Появились «минитмены» и другие вооруженные люди, они вскоре открыли стрельбу, и их выстрелы «прогремели на весь мир». Вместе с теми, кто участвовал 19 апреля 1775 года в сражениях при Лексингтоне и Конкорде, находились негры, бывшие «минитмены» и те, кто откликнулся на призыв о наборе добровольцев. Среди них были Питер Сэлем, Сэмюэль Крафт из Ньютона, Кейто Бордмэн из Кембриджа, Кафф Уайтмор и Кейто Вуд из Арлингтона, принц истэбрукский из Вест-Лексингтона и Помп Блэкмен из «мест неопределенных».

73 британских солдата были убиты и почти 200 ранены. Американцы потеряли 49 убитых и 39 раненых. В списках погибших в этом сражении, опубликованных в протоколах заседаний конгресса Массачусетса, значится и «принц-негр»²¹.

Когда британские солдаты вновь предприняли наступление, патриоты сконцентрировались в Банкер-хилле в Бостоне, чтобы опередить их. 17 июня 1775 года произошло сражение при Банкер-хилле, в котором на стороне патриотов принимали участие негры Барзилай Лью из Челмсфорда — бондарь, ставший флейтистом, Кафф Уайтмор, Помп Фиск, Титус Колберн, Цезарь Дикерсон, Кейто Тафтс, Цезарь Везарби, Симор Берр, Грант Купер, Чарлстон Ид, Семпсон Тэлберт, Цезарь Бейсом, Сэлем Пур и Питер Сэлем. За это сражение Сэлем Пур, сражавшийся в полку, которым командовал полковник Фрай, был удостоен награды за храбрость. 5 декабря 1775 года 14 массачусетских офицеров в письме законодательным органам провинции отметили исключительную храбрость Пура. Под пулями, подчеркивали они, Пур «вел себя как опытный офицер и прекрасный солдат». Перечислять примеры его доблести, писали они, было бы утомительно. «С вашего позволения мы осмеливаемся лишь утверждать, что у этого негра душа храброго и доблестного солдата». Так же офицеры рекомендовали его и Континентальному конгрессу, однако никаких свидетельств о том, что он был удостоен какой-либо награды, нет.

Питер Сэлем принимал участие в обоих сражениях — при Лексингтоне и Конкорде и при Банкер-хилле. В течение семи лет он участвовал в Войне за независимость и в 1816 году был похоронен в Фрамингеме. 10 апреля 1882 года жители Фрамингема установили на его могиле мемориальное надгробие. На гранитной плите написано:

«Питер Сэлем, солдат революции. Умер 16 августа 1816 года. Конкорд, Банкер-хилл, Саратога. Воздвигнуто жителями города в 1882 году». Мушкет Питера Сэлема хранится в Банкер-хилльском монументе²².

Когда вести о победе при Лексингтоне и Конкорде достигли Нью-Йорка, Айсек Сиерз и Джон Лэмб вместе с десятками представителей «Сынов свободы» прошли по городу «с барабанным боем и с развевающимися знаменами», призывая народ вооружаться, чтобы защищать «попранные права и свободы Америки». В тот же день в Бостоне были захвачены и разгружены два корабля с продовольствием, предназначенным для генерала Гейджа. Вечером Сиерз и Лэмб организовали нападение на муниципалитет и захватили 500 мушкетов и большое количество пороха. Еще в декабре 1775 года «Сыны свободы» получили партию мушкетов, пороха и дроби, но, прежде чем они успели их распределить, все захватили власти. Теперь же они роздали оружие «самым активным гражданам, создавшим добровольные корпуса и взявшим на себя управление городом». Они ежедневно проводили военную подготовку, и 28 апреля вооруженные граждане под предводительством Сиерза и Лэмба захватили все помещения таможни и общественные склады. Под руководством этих двух руководителей «Сыны свободы» задержали все находившиеся в гавани суда. Они преследовали двоякую цель: не допустить поставок снаряжения британской армии в Бостоне и одновременно отбить у купцов охоту снабжать Гейджа на основе тайных сделок. Когда купцы отказались внять предупреждению общественности, «Сыны свободы» захватили судно с припасами и запретили экипажу продолжать плавание. Сиерз, как зачинщик, был арестован, однако мастеровые и рабочие освободили его и победно пронесли по городу²³.

В течение мая и июня происходили столкновения между группами вооруженных «Сынов свободы» и регулярными британскими войскам. Однажды «Сыны свободы» под руководством Маринуса Уиллета воспрепятствовали переброске британских войск в Бостон²⁴.

Следует отметить, что в документах, повествующих о событиях тех волнующих недель, которые последовали за сражением при Лексингтоне и Конкорде, не упоминается имя Александра Макдугала. Макдугал пытался помешать «Сынам свободы» вооружаться. Мастеровые быстро от-

странили его от дел, и с тех пор в триумвират, возглавлявший нью-йоркских «Сынов свободы», входили Айсек Сиерз, Джон Лэмб и Маринус Уиллет — все трое непримиримые радикалы, чутко прислушивавшиеся к слову мастеровых²⁵.

Комитет 60 был распущен, и 1 мая 1775 года избран новый комитет 100. Хотя большинство этого нового комитета составляли купцы, тем не менее мастеровые увеличили свое представительство. В эту «сотню» вошли председатель комитета мастеровых Даниэль Данскомб, Лэмб, Сиерз, Макдугал и рабочий Хекьюлес Малиган. Впервые представители рабочих и мастеровых вошли в состав неофициальных революционных органов²⁶.

Ввиду «полного бессилия» королевского правительства в Нью-Йорке «сотня» руководила провинцией вплоть до созыва революционного провинциального конгресса. Она поддерживала порядок в городе, обеспечивала неукоснительное выполнение решений о континентальной ассоциации и поощряла мужчин на подготовку к войне. С конца мая 1775 года Нью-Йорком фактически управляли четыре последовательных провинциальных конгресса либо их комитеты безопасности, уполномоченные выполнять их функции в промежутках между сессиями конгрессов. Эти конгрессы действовали как эффективное правительство, а их комитеты осуществляли контроль в портах и распоряжались конфискованными грузами. Изолируя противников ассоциации, как врагов, они заключали в тюрьмы всех тех, кто был «настроен враждебно к американским свободам»²⁷. Должностными лицами в комитетах по-прежнему оставались купцы, однако они представляли уже более радикальные элементы в торговой общине. Вместе с тем там было достаточно и мастеровых, чтобы они могли постоянно заявлять о своем присутствии. Для обеспечения радикальной «направленности» руководства был сохранен комитет мастеровых²⁸.

По мере того как американцы переходили от пассивного сопротивления к открытому восстанию, события, аналогичные нью-йоркским, происходили во всех колониях. Результаты сражения при Лексингтоне и Конкорде везде вызывали одинаковую реакцию — они убеждали в том, что политика мирного принуждения метрополии к уступкам изживает себя и что неизбежен повсеместный военный конфликт. Началась лихорадочная кампания по

сбору оружия, пороха и патронов и формированию отрядов подготовленных людей. В Чарлстоне мастеровые, давно уже объединенные в организацию «Сыны свободы», приступили вместе с другими жителями к созданию разведывательного комитета, основная задача которого состояла в захвате военного снаряжения. Затем под руководством мастеровых последовали налеты на королевские склады боеприпасов. Мастеровые изготавливали оружие, боеприпасы, пушечные ядра. Комитет нанимал ружейных мастеров, шорников, портных и других ремесленников, чтобы обеспечить всем необходимым милицию. Когда англичане эвакуировали форты Чарлстона и погрузились на стоявший у самой гавани военный корабль, мастеровые подготовили форты к тому, чтобы патриоты могли использовать их в оборонительных целях. «Мастеровые (почти все до одного) всей душой отдавались делу и с радостью приходили на помощь всегда, когда к ним обращались», — вспоминал один из руководителей комитета ²⁹.

После сражения при Лексингтоне и Конкорде Пенсильвания приняла меры к созданию постоянных военных сил, и провинциальная ассамблея начала сбор средств для ведения войны. Однако состоятельным людям было разрешено уклоняться от военной службы, заплатив скромный штраф или обеспечив себе замену ³⁰. В результате филадельфийская милиция формировалась главным образом из бедных ремесленников и рабочих, а также «множества подмастерьев» и законтрактованных рабочих. Закон не разрешал неграм служить в милиции, однако можно предположить, что случаи их нелегальной службы там все же бывали, ибо в конце 1775 года городской совет безопасности направил в исправительный дом некоего «Дэвида Оуэна, подозреваемого в приеме негров» ³¹.

Солдаты милиции говорили о себе как о «ремесленниках и пр., которые жили своим ремеслом». Они подчеркивали также, что были выходцами из среды беднейших рабочих — «людьми, которые за малейшее упущение в выполнении возложенных на них работодателями обязанностей могли остаться без пропитания», людьми, которые оставили свои семьи «без каких бы то ни было средств для достойного существования» и которые заслуживали, как они утверждали, помощи со стороны общества, льгот при трудоустройстве или даже «общественных

должностей». Анализ членского состава роты милиции, которой командовал сапожник Стефен Симпсон, показывает, что в таком положении находилось большинство ее членов. Это были в основном скорее поденщики, нежели хозяева, люди, имевшие очень скромную собственность или вообще ее не имевшие и в большинстве случаев не удовлетворявшие требованиям имущественного ценза на получение права голоса ³².

Роль филаделфийской милиции в последующие после Лексингтона и Конкорда месяцы отнюдь не ограничивалась ролью военной силы в принимавшем все более четкие формы конфликте между колониями и Британией. Благодаря своему участию в милиции поденщики, подмастерья и слуги — самая низшая категория рабочих — впервые выступили на политическую арену. В сентябре 1775 года был создан солдатский комитет. Военное объединение каждого округа направило трех своих членов из числа солдат в качестве делегатов на встречу, на которой было создано это объединение. Затем был организован корреспондентский комитет, который направил всем солдатам провинции письменные обращения с призывом создать аналогичные комитеты. Так образовалась сеть организаций революционных рабочих низших категорий.

Председателем солдатского комитета в Филадельфии был вышеупомянутый сапожник Стефен Симпсон. В состав корреспондентского комитета входили портной Фредерик Хейгенер, обойщик Джеймс Райвс и гравер Роберт Белл. Эти люди помогли создать организацию, которой предстояло оказать мощное воздействие как на борьбу против Великобритании, так и на борьбу за установление в Пенсильвании более широкой демократии. Ни один из них не принимал активного участия в движениях ремесленников в начале 70-х годов XVIII века ³³. Теперь же они привнесли в антибританское движение настроения неимущих рабочих, тех, кто трудился за самую скудную плату или же, как, например, слуги и подмастерья, вообще бесплатно. Один из исследователей сравнивает солдатский комитет с «новой образцовой армией периода Семилетней войны», отмечая, что, как и прежняя армия, милиция стала «школой политической демократии» ³⁴.

Требования солдат милиции, предъявленные ими в конце 1775 и в начале 1776 года, показали, что они быстро усваивали прививавшиеся им в этой «школе» знания.

Вначале они отстаивали свое право выбирать офицеров и даже предложили выбирать их ежегодно тайным голосованием, как выбирали членов ассамблей и местных должностных лиц, «ибо без ежегодных выборов немислима свобода свободных граждан». Затем они заявили о праве каждого из них на голосование независимо от того, удовлетворяли ли они требованиям возрастного или имущественного ценза. Таким образом, подмастерьев и слуг уже нельзя было отстранять от политической жизни. В-третьих, они требовали, чтобы служба в милиции стала действительно всеобщей или чтобы по крайней мере богачи, не служившие в милиции, делали крупные финансовые взносы. В-четвертых, они потребовали сократить разрыв между «верхами» и «низами» филадельфийского общества и остановить процесс дальнейшего расслоения. Среди тех, кто не входит в ассоциацию, указывали они, находятся «несколько самых богатых людей в провинции», и на них следует налагать штрафы «в зависимости от размера собственности каждого», а полученные средства использовать для оказания помощи семьям членов ассоциации, «существование которых зависит от труда этих членов». В-пятых, необходимо было пересмотреть традиционные формы оказания помощи бедным в Филадельфии, поскольку «ни один человек, который в состоянии содержать благодаря своему ремеслу жену и детей, не может даже думать о том, чтобы отдать их на попечение заведующих призреием бедных, как это предписано законом»³⁵.

Петиции, составленные солдатским комитетом милиции, свидетельствуют о том, что интересы мелких ремесленников, подмастерьев и слуг — а все они были, как правило, люди бедные — касались не только борьбы с британской тиранией, но и борьбы против господства богачей в экономической и политической жизни Филадельфии и за сокращение все увеличивающегося разрыва между богатыми и бедными. Их «школа политической демократии» дала им возможность ясно выразить свое возмущение сложившимся положением. Другим свидетельством их политической зрелости было заявление одной роты милиции от 4 мая 1776 года, опубликованное в «Пенсильвания ивнинг пост». Издателя настоятельно призвали опубликовать резолюцию, принятую членами милиции — рабочими, чтобы «убедить общественность, что прозелиты

в Пенсильвании отнюдь не лишены *здорового смысла*». Текст этой резолюции гласил:

Постановлено единодушно, что мы хотим установить независимые принципы здравого смысла, как только мудрый досточтимый Континентальный конгресс сочтет это уместным, ибо мы видим в этом единственную возможность сохранить наши свободы и избавить нас перед лицом всего мира от позорного эпитета бунтовщиков.

В резолюции упоминался призыв к достижению независимости американских колоний от Великобритании, содержащийся в памфлете Томаса Пейна — человека, начавшего свою трудовую жизнь ремесленником, в чьих трудах, как отметил недавно один из историков, слышится голос «умного ремесленника, который наконец нашел себя»³⁶.

Томас Пейн родился 29 января 1737 года в Тетфорде, графство Норфолк, в Англии, и прожил в этой стране первые тридцать семь лет своей жизни. Он был сыном бедного корсетчика, который едва мог позволить себе отдать сына в бесплатную школу, где его учили лишь читать, писать и считать. В тринадцать лет Пейн начал работать корсетчиком, помогая отцу, спустя три года он убежал из дому, добрался до моря и устроился матросом на капер, который принимал участие в Семилетней войне. После двух богатых событиями плаваний он вернулся в Лондон, где стал зарабатывать на жизнь любым трудом, каким только мог. Некоторое время он работал корсетчиком, затем стал мелким государственным чиновником, занимавшимся сбором акцизных налогов. Стремясь пополнить свое скромное образование, скудное жалованье корсетчика и сборщика акциза он использовал на покупку книг и различных приборов.

В годы молодости и в зрелом возрасте, живя в Англии, Пейн наблюдал пагубные последствия огораживания общинных земель, в результате чего тысячи мелких независимых фермеров оказались изгнанными с земли и превратились в безземельных городских и сельскохозяйственных рабочих. Он видел тысячи людей, борющихся с нищетой и деградацией, пытавшихся хоть как-то свести концы с концами; он ежедневно встречал «оборванных и

голодных детей и семидесяти- и восьмидесятилетних стариков, просивших подавания на улицах». Получая нестерпимо низкую заработную плату, он знал, как трудно обеспечить себе прожиточный минимум в условиях, когда цены на товары неудержимо росли, а заработная плата оставалась практически неизменной. Он видел пагубные последствия действия законов о бедных, которые фактически низводили рабочих до положения рабов. Он был свидетелем жестокости уголовного кодекса и понимал, что этот кодекс направлен главным образом против низших классов.

Все это не прошло для Пейна бесследно. Будучи сам рабочим, он использовал свое перо как оружие, стремясь улучшить положение трудящихся классов. В самом деле, его первое известное произведение в прозе и первый значительный памфлет — «Положение работников акцизного управления» — был посвящен достижению именно этой цели. В 1772 году работники акцизного управления выбрали его своим представителем для выступления в парламенте, где он должен был потребовать увеличения заработной платы. После написания памфлета всю зиму 1772/73 года Пейн пытался убедить членов парламента в необходимости повысить слишком низкую заработную плату этих работников. Власти, которые видели в Пейне смутьяна, пытавшегося организовать своих коллег, постарались уволить его со службы.

Пейн потерял свое место правительственного служащего 8 апреля 1774 года. Через неделю ему пришлось продать свою мастерскую и имущество, чтобы избежать тюремного заключения за долги. Он решил начать новую жизнь в Новом Свете. В октябре 1774 года Пейн покинул Англию, а 30 ноября ступил на американскую землю, имея при себе рекомендательное письмо от Бенджамина Франклина, с которым познакомился в Лондоне. В письме к своему зятю Ричарду Бахе Франклин рекомендовал Пейна как «искреннего, достойного молодого человека», который мог бы принести пользу в Филадельфии в качестве «клерка, помощника учителя в школе или же помощника таможенного чиновника»³⁷.

Пейн прибыл в Филадельфию с ее многоликой ремесленнической общиной в тот момент, когда движение сопротивления против Британии возглавляли руководители

города из числа вигов— Томсон, Дикинсон и Рид, опиравшиеся на общину ремесленников, и когда сами мастеровые оказывали существенное влияние на политику сопротивления. Цель его приезда, однако, была отнюдь не революционной — он намеревался создать учебное заведение для молодых женщин. Благодаря рекомендательному письму Франклина Пейн получил пост редактора «Пенсильвания мэгэзин» — периодического издания, принадлежавшего издателю и книгопродавцу Роберту Эйткену. С февраля по сентябрь 1775 года он был постоянным редактором этого издания, в котором опубликовал и свои собственные стихи, и очерки, в том числе один из самых первых его призывов к эмансипации женщин и статью «Африканское рабство в Америке», которая считается одной из лучших ранних статей того времени, направленных против рабства в этой стране. В этой статье, подписанной словами «Справедливость и гуманность», Пейн сравнивал порабощение негритянского народа с «убийством, грабежом, развратом и варварством» и призывал американцев немедленно «прекратить и с болью и отвращением отвергнуть его». Он спрашивал американцев: «Какой логикой или какими нормами благопристойности они руководствуются, выражая столь громко свое недовольство попытками поработить их и одновременно держа в рабстве столько сотен тысяч людей и порабощая ежегодно тысячи и тысячи других, даже не пытаясь доказывать, будто они имеют на них какие-либо права или привязания»³⁸.

Статья Пейна была опубликована 8 марта 1775 года. А через несколько недель он уже находился в числе филаделфийцев, которые создали первое в мире общество аболиционистов — Общество вспомоществования свободным неграм, незаконно обращенным в рабство. Цель общества состояла в том, чтобы оказать помощь многим незаконно содержавшимся в рабстве свободным неграм в возвращении свободы, его конечной целью было освобождение всех рабов.

После сражений при Лексингтоне и Конкорде в статьях Пейна все чаще стали содержаться нападки на политику Британии. 16 сентября 1775 года он опубликовал в «Пенсильвания ивнинг пост» поэму «Древо свободы», в конце которой содержались нападки на короля и парламент и такой призыв:

С востока до запада трубите клич к оружию,
Пусть пронесется он над всей землей:
Все как один пусть радостно поднимутся
На защиту нашего древа свободы.

Пейн был полон решимости изменить «симпатии народа с зависимости на независимость и с монархической формы правления на республиканскую». Момент для таких перемен назрел. Война между британскими и американскими войсками вспыхнула в целом ряде колоний; в Филадельфии собрался 2-й Континентальный конгресс, на который прибыли не только Сэм Адамс, Кристофер Гэдсен и другие представители мастеровых, но и такие известные деятели, как Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Ричард Генри Ли и Патрик Генри. Все лето 1775 года, когда колонии вели активную вербовку в войска, в конгрессе шли споры между сторонниками решительной оппозиции метрополии и сторонниками примирения. В ноябре Англия фактически объявила американским колониям войну, не только установив морскую блокаду, но и заявив о намерении направить в помощь своим солдатам немецких наемников.

Все эти события укрепили позиции Сэма и Джона Адамсов, Кристофера Гэдсена и других поборников независимости. И все же тех, кто открыто призывал к этому, было немного. И именно памфлет Пейна «Здравый смысл», опубликованный в январе 1776 года, изменил суть политических дебатов, переключив их с прежних споров о колониальных правах в рамках Британской империи на новые проблемы будущего. «Опубликовав в январе 1776 года «Здравый смысл», — пишет Джон К. Миллер, — Том Пейн разбил лед, который медленно сковывал революционное движение»³⁹.

Содержание памфлета было столь революционным, что опубликовать его не осмеливался вначале ни один печатник. Наконец «республиканский печатник» Роберт Белл согласился издать его. 10 января 1776 года появился памфлет на пятидесяти страницах, который назвали «самым великолепным памфлетом, написанным в эпоху Американской революции, и одним из наиболее выдающихся памфлетов, когда-либо написанных на английском языке»⁴⁰.

Написанный простым, ясным языком, легкодоступным для чтения и понимания всех, памфлет «Здравый смысл» сразу же получил широкую известность. Во времена, ко-

гда тираж самых популярных колониальных газет едва достигал в среднем 2 тыс. экземпляров в неделю и когда обычные памфлеты выходили одним или двумя изданиями, «Здравый смысл» выдержал двадцать пять изданий и за короткий срок после его публикации было продано почти 150 тыс. экземпляров: (В наши дни это равнялось бы по меньшей мере 10 млн. экземпляров.) Кроме того, многие наиболее важные разделы памфлета перепечатавали газеты всей страны. Вскоре простые люди стали цитировать целые разделы из памфлета, в котором выдвигалось требование об отделении, содержались неуважительные высказывания о наследственной монархии, где король Англии был назван «королевским животным Великобритании», где британские правящие классы обвинялись в эксплуатации низших классов в Америке и Англии и содержался настоятельный призыв к колониям провозгласить себя свободными и независимыми государствами, с тем чтобы они могли создать у себя рай, в котором нашли бы убежище угнетенные народы Европы.

О вы, которые любите человечество! Вы, кто отваживается противостоять не только тирании, но и тирану, выйдите вперед! Каждый клочок Старого Света подавлен угнетением. Свободу травят по всему свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой, Англия же потребовала ее высылки. О! Примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества.

«В нашей власти начать строить мир заново», — писал он. «Рождение нового мира не за горами». Этот новый мир должен признать не только необходимость существования в больших обществах основанного на принципе представительства правительства, но и то, что это правительство как можно больше должно быть приближено к прямой демократии, в которой участвует каждый гражданин; что представительство в нем должно быть справедливым, а представители должны сменяться на основе частых выборов; что полномочия правительств должны ограничиваться зафиксированными положениями конституций, обеспечивающих неприкосновенность граждан и собственности и прежде всего свободное вероисповедание. Эти принципы нового мира, который должен был быть создан вместе с независимостью, несомненно, привлекали масте-

ровых и рабочих, жаждавших играть важную роль в его политике. Привлекало их и то, что Пейн делал упор на обеспечение возможностей для американского экономического развития и роста обрабатывающей промышленности сразу же после того, как будут сняты ограничения, наложенные Англией на американскую экономическую жизнь ⁴¹.

Несмотря на бедность, Пейн пожертвовал все деньги, вырученные от продажи «Здравого смысла», в том числе и 2500 долл., выделенных ему законодательным органом Пенсильвании, революционному движению.

Хотя в числе американских друзей Пейна были радикально настроенные ремесленники Филадельфии (а также Бенджамин Раш, Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон), он адресовал свой «Здравый смысл» не только ремесленникам, мастеровым и бедным рабочим. Более того, нигде в своем памфлете он не критиковал право собственности; он объяснял экономическое неравенство и несправедливое распределение богатства различиями в таланте, трудолюбии и бережливости, а не гнетом богатей. («Различия между богатыми и бедными,— писал он,— вполне можно понять и не прибегая к таким неприятным и неблагозвучным словам, как угнетение и алчность. Угнетение часто является *следствием*, но редко или почти никогда — *средством* достижения богатства».) И все же для многих консерваторов того факта, что Пейн, которого губернатор Моррис назвал «обыкновенным авантюристом... без состояния, семьи и связей», был в начале своей жизни ремесленником и что его произведения нашли такой отклик у мастеровых и рабочих, оказалось достаточно, чтобы осудить «Здравый смысл», несмотря даже на содержавшееся в нем требование немедленного предоставления колониям независимости от Англии ⁴².

Мастеровые же и рабочие встретили памфлет с искренним восторгом. Поденщики, подмастерья и те, кто служил в милиции, выражали мнение всего своего класса, когда называли себя «прозелитами» «Здравого смысла». О том, с каким благоговением относились мастеровые к этому памфлету, свидетельствует инцидент, происшедший в Нью-Йорке. 18 марта 1776 года печатник Сэм Лудон поместил объявление о продаже одного памфлета, критиковавшего «Здравый смысл». Председатель комитета мастеровых Кристофер Дьюкинк немедленно вызвал его в комитет. Лудон потребовал передать дело на рассмотрение

комитета безопасности провинциального конгресса. Мастеровые согласились, предварительно заперев помещение, где хранились отпечатанные экземпляры памфлета Лудона. Лудон, представший перед комитетом безопасности 19 марта, согласился прекратить печатание оскорбительных памфлетов; однако в 10 часов вечера того же дня Дьюкинк вместе с «большой группой» «неофициальных лиц» ворвался в дом Лудона, забрал напечатанные экземпляры и сжег их на центральной площади⁴³.

В период между январем и июлем 1776 года не проходило почти ни одной недели без того, чтобы в городской прессе не появилась какая-нибудь пространная статья с нападками на идеи Пейна или в их защиту. Целый ряд таких статей написали мастеровые, которые, подобно Пейну, стремились направить Америку по пути независимости. Большинство разделяли политическую философию Пейна. Мастеровые широко обсуждали вопрос о необходимости как достижения независимости, так и установления иной формы правления, которая предусматривала бы право голоса для всего взрослого населения, ежегодные выборы, смену должностных лиц, справедливое распределение представительства, тайное голосование и всенародное избрание всех должностных лиц на местах. Противниками независимости они считали колониальных богачей, которые опасались, что разрыв с Англией ослабит их железный контроль над колониальным обществом. Один из мастеровых заклеил богатых людей Пенсильвании как «мелких тиранов», которые выступают против независимости, потому что мечтают получить «миллионы акров арендованной земли». Другой предупреждал, что «аристократическая клика прилагает все силы, стремясь сорвать наши благородные усилия и превратить низший и средний слои населения во вьючных животных». Третий, признавая, что у «баронов Америки» нет тех исключительных прав наследования, которыми обладают их коллеги англичане, писал, что они испытывают «сильный зуд к установлению таких прав» и что «представители некоторых слоев общества» хотели бы установить в Америке «систему отношений, существующих между лордами и вассалами или между ховяевами и подчиненными», которая распространена в Европе⁴⁴.

Другие мастеровые поддерживали такую форму правления в условиях независимости, которая устранила бы

некоторые недостатки существовавших политических институтов и установила целый ряд уравнительных принципов. Когда говорили о таких недостатках, то отмечали, что:

Бедный человек редко удостоивается чести вообще разговаривать с господином, тем более по-приятельски; это случается лишь за несколько недель до выборов. Сколько бедняков, простых людей и мастеровых были осчастливлены в эти две недели рукопожатием, приятной улыбкой и короткой дружеской беседой с господином, который за семь лет не снизошел даже до того, чтобы взглянуть на них. Благословенное государство, которое почти уравнивает всех! Какой добродушный человек этот господин,— говорит мой сосед,— какой приятный и дружелюбный! У него совершенно нет гордыни! Он так просто беседовал со мной целых полчаса, будто он мой сосед. Вот так! Я хотел бы, чтобы выборы были всегда! В следующий четверг он напрочь забудет меня — и будет проходить мимо меня на улице, будто никогда и не был со мной знаком.

Какой приятный и добродушный человек тот, кто предлагает свою кандидатуру на пост шерифа, за два месяца до выборов. Он знает всех, всем улыбается и всех приветствует, пока не кончатся выборы. Потом, до конца года, у него совершенно нет времени поговорить с вами; он занят тем, чтобы захватить вашу собственность на основании *venditioni exproas* * и продать ваше имущество с аукциона.

Таким образом, ежегодные выборы всегда будут обязывать господ разговаривать с вами раз в год, в противном случае они будут презирать вас всегда, кроме случаев, когда вы можете им что-нибудь дать...

Короче говоря, участие в предвыборной кампании и аристократическая гордость несовместимы, и, если мы хотим, чтобы господа когда-нибудь все же снисходили до нас, мы должны надежно охранять наше право на выборы... Будьте свободными людьми, и вы станете говорить с господами ежегодно ⁴⁵.

* Судебный приказ, уполномочивающий судебного исполнителя продать имущество, изъятое им по решению суда. — *Прим. ред.*

Один мастеровой из Нью-Йорка считал, что будущее правительство в условиях независимости должно быть прежде всего «свободным народным правительством». Хотя оно будет сочетать законодательную, исполнительную и судебную власть, основной упор должен быть сделан на политическую власть народа. Народ должен выбирать всех должностных лиц, начиная от законодательных органов и кончая местными судьями, шерифами и прокурорами графств, и иметь в своем распоряжении средства, с помощью которых он мог бы заставлять их исполнять волю народа. Необходимо отказаться от традиционного представления о том, что право голоса должно обуславливаться наличием собственности, равно как и от концепции о том, будто богатство дает человеку право занимать ту или иную должность. Что же касается утверждений, будто «простой народ слишком невежествен, чтобы вершить дела в государстве», то это всего лишь вымыслы богачей, в действительности же если «богатых и честолюбцев» лишить возможности развращать, подкупать и подталкивать людей к деспотизму, то все проблемы такого рода исчезнут ⁴⁶.

Суть спора выразил один «кожаный фартук» в Филадельфии, который 14 марта 1776 года писал в «Пенсильвания ивнинг пост»:

Разве мастеровые и фермеры не составляют 99% всего населения Америки? Если они из-за своих профессий должны быть отстранены от всякого участия в выборе своих правителей или форм правления, то не лучше ли будет сразу признать юрисдикцию британского парламента, состоящего исключительно из *господ*?

Революционные мастеровые, мелкие ремесленники, рабочие и даже слуги стремились к двойной цели: к достижению независимости и к установлению более равноправного и демократического общества. Они были в числе первых и самых активных поборников независимости, и именно они мечтали о независимой Америке, стране с подлинно республиканской формой правления, где все будут иметь возможность «получить свою справедливую долю счастья», ради чего и стоило сражаться за независимость.

9. ДОСТИЖЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Весной и летом 1776 года рабочие предпринимали усилия, стремясь добиться двойной цели: национальной независимости и установления более демократического порядка. Что касается борьбы за осуществление первой цели, то эта борьба являлась частью более широкого движения, которое увенчалось успехом; в борьбе же за достижение второй цели они были практически одиноки и в целом потерпели поражение. Причины этого понять трудно. В течение десятилетия, предшествовавшего вооруженному конфликту, движение сопротивления концентрировалось, за исключением Виргинии, в городах, и прежде всего в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и Чарлстоне. Поэтому рабочие, действуя через «Сынов свободы», могли оказывать решающее влияние на события даже несмотря на то, что руководство оставалось в руках богатых купцов и земельной аристократии. Это было особенно характерно для периода после 1770 года, когда все больше рабочих начали выступать в качестве независимой силы в неофициальных комитетах.

С началом вооруженного восстания место действия переместилось в районы, где получившие военный опыт фермеры превратились в серьезную военную силу и где рабочие и их организации были немногочисленны. В то же время произошел раскол среди представителей высших классов: часть их перешла в лагерь тори, а большинство осталось в стане вигов. Как только стало ясно, что проблема достижения независимости превратилась в главную проблему, крупные купцы, адвокаты и плантаторы из числа вигов приняли срочные меры к тому, чтобы государственная власть по недосмотру не ускользнула из-под их контроля. Почти повсеместно коалиции городских и сельских имущих классов — торговой, судебной и земельной аристократии — удалось захватить контроль в созданных в рамках нового государства правительствах штатов.

Милтон М. Клейн утверждает, что по крайней мере в Нью-Йорке консерваторы-адвокаты были главной силой, препятствовавшей быстрому развитию революции по намеченному мастеровыми пути. Именно возглавлявшаяся адвокатами делегация на 1-м Континентальном конгрессе «оттянула принятие провинцией решения в пользу независимости», и именно консервативные адвокаты «добивались того, чтобы новое правительство штата сохранило власть в руках тех же знатных граждан и собственников», которым она принадлежала раньше. Хотя адвокаты также раскололись на вигов и тори, все же наиболее пронизательные из них считали необходимым в тот период «плыть по течению, дабы направлять его». Однако, как утверждает тот же Клейн, ради достижения такой цели этим адвокатам пришлось занять более радикальную по сравнению с намечавшейся ранее позицию¹.

Все правительства штатов, за исключением двух, мало чем отличались от своих королевских предшественников. Нижние палаты избирал народ, однако сильные губернаторы и верхние палаты держали их под своим контролем. Имущественный ценз при предоставлении права голоса и еще более высокий ценз на занятие должностей позволили сохранить власть за консервативной элитой. Более того, в Род-Айленде конституционная система штата стала в период независимости более жесткой, чем в колониальные времена. В хартии 1663 года не предусматривалось никаких процедур для внесения поправок; она могла изменяться только путем подачи прошений королевским властям в Лондоне. После же 1776 года такие прошения стали бесполезны; иными словами, если установленная в Род-Айленде власть не была готова сама пойти на какие-то реформы, то добиться конституционных изменений с помощью каких-либо обычных процедур было невозможно. «Таким образом, по иронии судьбы,— пишет Марвин Джеттлмен,— Американская революция сделала Род-Айленд в некотором смысле менее свободным»².

И все-таки в одной колонии, Нью-Йорке, консерваторы не сумели добиться полной победы, а в другой, Пенсильвании, они потерпели сокрушительное поражение.

10 ноября 1774 года Томас Янг писал из Бостона Джону Лэмбу: «Все говорит мне о том, что тори у вас больше, чем в любой другой части континента. Я искрен-

не сочувствую вам, если это хоть в какой-то мере соответствует действительности»³. Да, это соответствовало действительности; те же, кто не принадлежал к тори, были настолько умеренны, что лишь одна мысль о независимости приводила их в содрогание. Нью-Йоркская провинциальная ассамблея отказалась признать власть Континентального конгресса или порвать отношения с королевским губернатором Уильямом Трайоном.

Именно комитет мастеровых в Нью-Йорке выдвинул проблему независимости на первый план. 29 мая 1776 года мастеровые обратились к провинциальному конгрессу с просьбой поручить нью-йоркским делегатам на Континентальном конгрессе «побудить эти объединенные колонии стать независимыми от Великобритании». Эту просьбу изложил конгрессу председатель комитета мастеровых Льюис Тибон. Руководство конгресса удалило из зала всех посетителей, после чего конгресс приступил к рассмотрению вопроса о «целесообразности» принятия вышеупомянутого меморандума. «Ознакомившись» с документом, конгрессмены открыли двери и пригласили Тибона огласить его. Когда он кончил, члены конгресса холодно ответили: «Мы считаем союз мастеровых добровольной ассоциацией и тешим себя надеждой, что ни ассоциация, ни ее комитет не будут предъявлять в настоящий момент никаких прав на решение государственных дел». «Только» Континентальный конгресс мог решать вопрос о том, «какие меры следует принимать в интересах всеобщего блага». До тех пор пока вопрос о независимости не был поднят в Филадельфии, Нью-Йорк и не «помышлял» давать своим делегатам какие-либо указания на сей счет.

Опубликовав свое письмо, комитет мастеровых тем самым открыто вынес вопрос о независимости на суд обществу. Все признавали, что, в то время как консерваторы и умеренные всячески затягивали решение этого вопроса, «мастеровые города проголосовали за независимость»⁴.

Десять дней спустя после своего поражения мастеровые направили письмо провинциальному конгрессу, отстаивая право открыто выражать свое мнение по политическим вопросам всякий раз, когда считали это целесообразным⁵. Затем они подняли вопрос о том, «кто должен распоряжаться дома». Провинциальный конгресс

призвал избрать новый (четвертый) конгресс, который разработал бы структуру правительства. Нью-йоркские купцы были вполне удовлетворены таким решением вопроса. Однако комитет мастеровых сразу же направил конгрессу меморандум, в котором в качестве недостатка его предложения указывал на отсутствие упоминания о необходимости представления новой конституции для ее ратификации народу — «неотъемлемого права» и «прирожденного права каждого человека», отказ от которых свергнет народ в «абсолютное рабство». Добровольное согласие народа, писал он, является «единственным характерным признаком подлинной законности и правопорядка, присущим человеческим институтам». Может быть, конгресс хочет заставить народ «отказаться от своего неотъемлемого права на ратификацию наших законов»? Именно конгресс должен «доказать, что вы полностью восстановили наше право выносить окончательное суждение о законах, на основе которых должна управляться наша колония,— право, которого из-за несправедливости британского правительства мы до сих пор были лишены».

И поскольку Британия лишила колонистов права устанавливать свои собственные законы, мастеровые считали, что существовавшие законы «имеют лишь относительную законную силу и что ни один из них не имеет для нас обязательной силы». Любое подобное действие со стороны провинциального конгресса лишило бы обязательной силы и новые законы. Короче говоря, ни «иностранная, ни национальная олигархия» не могут поступать с основными правами народа, как им заблагорассудится.

Далее в меморандуме мастеровых утверждалось, что народ должен иметь право беспрепятственно вносить поправки в свою конституцию: «Этим правом должно обязательно предусматриваться, что каждый округ может время от времени сменять своих депутатов в комитетах и конгрессах, когда большинство избирателей таких округов сочтут это целесообразным, причем без какого бы то ни было вмешательства со стороны исполнительной или какой-либо иной власти, не имеющей отношения к соответствующим избирателям». В заключение комитет мастеровых предупреждал, что до тех пор, пока конституцию не представят народу для утверждения, новое правительство будут считать незаконным, деспотичным и порош-

денным «эгоистическими принципами коррумпированной олигархии»⁶.

«Косвенно комитет мастеровых поставил вопрос о власти класса и осудил господство элиты», — пишет Бернард Мейсон⁷. Провинциальный конгресс пришел к такому же заключению, хотя конгрессмены, в большинстве своем консерваторы из сельских районов, считали, что этот вопрос был поставлен не только «косвенно». Они так расшвырялись, что отказались внести меморандум мастеровых в протоколы заседаний⁸.

К счастью для консерваторов, военное положение в Нью-Йорке в июне 1776 года помогло сковать силы, которых они боялись. Так и не дождавшись ответа от конгресса, комитет мастеровых разослал письма в газеты, требуя независимости и ратификации народом новой формы правления в Нью-Йорке. Большинство жителей, опасаясь британской оккупации, оставили город, и таким образом быстрый отток населения помешал мастеровым организовать сколько-нибудь широкую кампанию давления на провинциальный конгресс.

2 июля сэр Уильям Гоу и десятитысячная британская армия высадились на Стейтен-Айленде, а через десять дней со 150 транспортами прибыл адмирал лорд Ричард Гоу. В последующие недели Джордж Вашингтон и континентальная армия вынуждены были постепенно отступить, и 15 сентября англичане победно вошли в город Нью-Йорк.

Одной своей цели мастеровые все-таки добились: четвертый провинциальный конгресс, состоявшийся 9 июля 1776 года, поддержал Декларацию независимости, и Нью-Йорк стал, таким образом, тринадцатым штатом, сделавшим это. Вторая их цель оставалась невыполненной. Однако консерваторы чуть не потерпели поражение; как указывает Роже Шампань, «только своевременное вторжение англичан на Лонг-Айленд спасло аристократов от взрывоопасного политического кризиса»⁹. В результате город Нью-Йорк, более десяти лет являвшийся центром радикальной деятельности, оказался под контролем англичан. После сентября 1776 года вся политическая деятельность сосредоточилась в сельских районах, где население, как правило, было разбросано и отсутствовали такие эффективные организации, как в городе Нью-Йорке. Таким образом, находившемуся в Олбани революционно-

му правительству нечего было беспокоиться по поводу меморандума комитета мастеровых, а конституция так и не была представлена народу для ратификации.

Однако не все получилось так, как хотела бы земельная и торговая аристократия. Даже до создания комитета по конституции мастеровые призывали к полной реорганизации правительства. «Насколько позволит частная собственность,— заявили они,— мы должны организовывать наше правительство в каждой провинции таким образом, будто никогда раньше у нас не было вообще никакого правительства». Новая политическая система должна представлять собой систему «свободного правления народа», ибо «простой народ» вполне может решать свои дела, если только он не развращен «богачами и честолюбцами», которые приведут его к деспотизму. В конституции 1777 года в ее окончательном виде эта точка зрения была в какой-то степени отражена, хотя сами мастеровые и не были представлены на учредительном конвенте. В конституции, указывает Альфред Янг, содержалось «несколько демократических отступлений от провинциальных традиций». Выборы в ассамблею должны были проводиться ежегодно, а должности губернатора и сенаторов в отличие от королевского совета становились выборными. Ни билля о правах, ни избирательного права для налогоплательщиков, которых добивались мастеровые, они не получили, однако судебное разбирательство с участием присяжных, должное отправление правосудия и свобода религии были гарантированы ¹⁰.

Таким образом, мастеровые Нью-Йорка добились осуществления своей первой цели и частично второй. Айсек Сиера, Джон Лэмб и Александр Макдугал, находившиеся в то время на военной службе, не были свидетелями заката колониальной эры. Но они могли утешать себя сознанием того, что благодаря отчасти и их руководству, а также выступлениям мастеровых, рабочих и матросов, которые пошли за ними несколькими десятилетиями раньше, на месте старой колонии Нью-Йорк появился штат Нью-Йорк.

Только в Филадельфии благодаря исключительно стечению обстоятельств городским рабочим удалось добиться осуществления двойной цели. Почти во всех других колониях созданное руководство примкнуло к движению за независимость или раскололось на фракции

тори и вигов. В Пенсильвании старая элита упорно отказывалась даже говорить о независимости, а ассамблея объединилась с партией собственников в затяжной борьбе за то, чтобы оттянуть отделение от Британии. Кроме того, руководители движения сопротивления начала 70-х годов, такие, как Чарлз Томсон, Джозеф Рид и Джон Дикинсон, либо оказались втянутыми в решение национальных проблем, находясь на службе в армии или в конгрессе, либо, по мере расширения движения за независимость, совершенно отошли от активной политической деятельности.

Образовавшийся вакуум политического руководства заполнила новая радикальная группа филаделфийцев. Ее политической опорой служили мастеровые, а также неофициальные комитеты и милиция, в состав которых входили мелкие ремесленники, поденщики и подмастерья. Они обеспечили идеологическое и основное повседневное политическое руководство пробуждавшимся народными массами, которые вовлекли Пенсильванию в борьбу за независимость, свергли провинциальное правительство и приняли самую демократическую конституцию штатов революционного периода ¹¹.

Среди филаделфийских радикалов были Томас Пейн, Тимоти Мэтлок, Кристофер Маршалл, Джеймс Кэннон, Дэвид Риттенхаус, Оуэн Биддл и Чарлз Уиллсон Пил. Они принадлежали к небогатым, но обеспеченным слоям. Мэтлок, сын филаделфийского пивовара, влез в долги, будучи владельцем лавки скобяных товаров; он был тесно связан с низшими классами в Филадельфии благодаря своему искусству кулачного боя и своим прекрасным бойцовым петухам, выигравшим немало боев. Маршалл, Кэннон и Мэтлок поддерживали связи с Объединенной компанией по содействию американским предпринимателям, — компанией, близкой сердцу городских ремесленников. Кэннон, путеводная звезда солдатского комитета милиции, работал в тесном содружестве с его председателем Стефеном Симпсоном. Риттенхаус, Биддл и Пил были высококвалифицированными ремесленниками. Риттенхаус имел много последователей среди филаделфийских мастеровых, которые в 1774 году избрали его в комитет 11, чтобы он отстаивал там политические интересы ремесленников. Пил, выбившийся из пищеты и ставший впоследствии серебряных дел мастером, часовщиком и видным

американским художником, был республиканцем со времени закона о гербовом сборе, человеком, который «никогда не снимет шляпу перед королем». Он явился также одним из первых поборников независимости и создания национальной промышленности. Томас Пейн, в прошлом ремесленник, уже снискал уважение мастеровых, мелких ремесленников и рабочих за то, что был одним из первых сторонников независимости и проповедником республиканских идей¹².

С 1776 года радикальные мастеровые стали постоянно преобладать в городском комитете Филадельфии. Членами избранного в феврале комитета по наблюдению и инспекции стали почти исключительно мастеровые. В марте новый радикальный комитет призвал ассамблею принять резолюции в поддержку независимости. Когда это предложение было отвергнуто, коалиция в составе трех групп рабочего класса стала действовать в обход ассамблеи, чтобы вовлечь Пенсильванию в движение за независимость, создав, таким образом, новую структуру правления. В эту коалицию входили филиладельфийский комитет по наблюдению и инспекции, который уже стал тогда организацией радикальных мастеровых, Патриотическое общество, состоявшее целиком из мастеровых, и солдатский комитет, в который входили мелкие ремесленники, поденщики, подмастерья и слуги. Новое радикальное руководство выражало интересы рабочих¹³.

Одно из одобренных радикалами положений предусматривало, что при выборах делегатов на учредительный конвент все участвующие в голосовании должны поклясться в том, что они отказываются сохранять верность Георгу III. Это вынудило многих пенсильванцев — представителей элиты, выступавших против независимости, бойкотировать выборы. Тем не менее, стремясь к тому, чтобы выбранные делегаты были радикалами по убеждению, солдатский комитет распространил плакаты с призывом «не выбирать богатых людей и как можно меньше людей ученых, которые представляли бы их на учредительном конвенте». Итак, «пусть вас не представляет ни один человек... способный образовать какую-либо категорию, стоящую над категорий свободных людей»¹⁴.

Пенсильванские радикалы одержали полную победу. Аппарат управления, созданный учредительным конвентом, практически и был тем, к чему так стремились масте-

ровые, мелкие ремесленники и рабочие. Был провозглашен штат, юридически независимый от Британии, и гарантированы свобода религии, свободные выборы, неприкосновенность собственности, свобода слова и печати, право на ношение оружия, а также свобода собраний и подачи петиций. Было провозглашено право народа регулировать деятельность внутренней полиции, сделать подотчетными должностных лиц своего правительства, отзываться должностных лиц и быть свободными от постоянной армии в мирное время.

Выдающейся особенностью новой структуры правления была роль народа в ней. Во всех отношениях народу обеспечивалась защита от произвола правительства. Даже законодательные органы, наиболее полно отражавшие в правительстве точку зрения народа, были поставлены под контроль избирателей. Пребывание в должности в законодательных органах ограничивалось одним семилетним сроком, и единственное, что запрещалось законодателям,— это изменять конституцию. Каждые семь лет народ должен был выбирать «совет цензоров» для проверки действий правительства, чтобы «определить, сохраняются ли полностью все положения конституции и выполняют ли законодательные и исполнительные органы правительства свои обязанности защитников интересов народа, или же они присвоили себе или осуществляли иные, более широкие полномочия, нежели те, которыми их наделила конституция».

В конституции была даже предпринята попытка непосредственно утвердить одну из форм прямой демократии, поскольку в ней предусматривалось, что все законы до их принятия следовало опубликовывать с целью их всенародного обсуждения. Она полностью упразднила имущественный ценз при назначении на должность и предоставила право голоса всем мужчинам старше двадцати одного года, которые платили налоги. В ней содержались и другие прогрессивные положения: в частности, не виновные в обмане должники не подлежали тюремному заключению после того, как их собственность передавалась кредиторам, кроме того, в каждом округе штата должны были быть открыты школы с низкой платой за обучение. Потребовались годы для того, чтобы подобные положения были включены в другие конституции нового государства.

В одном лишь пенсильванская конституция не оправдала надежд филаделфийских радикалов. Она не включала положения, гласившего: «Огромная собственность, которой обладают некоторые лица, создает угрозу для прав и является разрушительной для всеобщего счастья человечества, поэтому каждый свободный штат имеет право своими законами препятствовать владению такой собственностью»¹⁵. И все же большинство рабочих могли быть вполне довольны этой конституцией. Если говорить о рабочих Пенсильвании, то они почти полностью добились осуществления своей двойной цели — независимости и установления более демократического порядка. Конституция, писал один из очевидцев тех событий, означала новый шаг на пути отказа Америки от прежних позиций.

Хотя со всех точек зрения следует признать, что вся власть исходит от народа, все же совершенно очевидно, что в тех колониях, где правительство с самого начала находилось в руках нескольких очень богатых людей, в умах как этих богатых, так и простых людей укоренились идеи скорее аристократического, нежели народного правления. Богатые, привыкшие управлять, по-видимому, считают это своим правом, а более бедное третье сословие, до сих пор почти или вообще не имевшее никакого голоса в вопросах управления, по-видимому, считает, что ему и не положено его иметь¹⁶.

Однако радикалы покончили с этой доктриной. Сокрушаясь по поводу такого развития событий, Джон Адамс обвинял в этом Мэтлока, Кэннона, Янга и Пейна. Пенсильванская конституция, писал он в своем «Дневнике», была делом их рук¹⁷. Он мог бы добавить, что это было делом рук и коалиции филаделфийских рабочих — комитета по наблюдению и инспекции, Патриотического общества и солдатского комитета.

Однако, несмотря на всю свою радикальность, пенсильванская конституция 1776 года все же не распространялась на несвободных людей — рабов, законтрактанных рабочих и подмастерьев, — а также на тех свободных граждан, которых из-за их бедности освобождали от уплаты налогов и, следовательно, лишали права голо-

са. Более того, совет безопасности конвента, председателем которого был Дэвид Риттенхаус, а его членами — Кэннон, Мэтлок и Биддл, принял резолюцию, призывавшую уволить из милиции всех подмастерьев и законтрактованных рабочих, если их хозяева обратятся с такой просьбой, и запрещающую без согласия хозяев принимать их в милицию в будущем¹⁸.

Исключение рабов из сферы действия конституционных гарантий отражало национальную тенденцию. Несмотря на то что негры участвовали в сражениях при Лексингтоне, Конкорде и Банкер-хилле, революционные лидеры стали подумывать о том, чтобы отказаться от их использования в вооруженных силах. Они, в частности, очень опасались, что вооруженные рабы могли объединиться со своими братьями — зависимыми рабочими и подняться на восстание. Когда в 1775 году милиция отправилась в Лексингтон, распространился слух, будто рабы намереваются учинить массовую расправу над оставшимися. Граждане Фрамингема восприняли эти сообщения настолько серьезно, что вооружились топорами, дубинками и вилами, спрятались в своих домах и не выходили до самого возвращения милиции. Так зачем же, спрашивали они, давать оружие потенциальным союзникам своих рабов?

29 мая 1775 года массачусетский комитет безопасности запретил рабам поступать на военную службу в армии этой колонии. Комитет заявил, что «зачисление в качестве солдат в формируемую в настоящее время армию любых лиц, помимо свободных людей, будет противоречить принципам, которые предстоит защищать, и явится позором для этой колонии». И вместо того чтобы решить эту дилемму путем освобождения рабов, комитет постановил «ни под каким предлогом не допускать в армию никаких рабов».

Мера, принятая в Массачусетсе, определила национальную политику в отношении черных солдат. Когда 15 июня Континентальный конгресс взял под свое начало патриотическую армию, расположившуюся у Бостона, назначил главнокомандующим Джорджа Вашингтона, встал вопрос о вступлении в армию негров. Поскольку сам Вашингтон был крупным рабовладельцем, считавшим всех негров низшими существами, его ответ на этот вопрос был именно таким, какого и следовало ожидать.

9 июля, пять дней спустя после принятия на себя в Кембридже командования, он издал приказ для всех занимавшихся вербовкой офицеров, в котором предписывалось не принимать «никаких дезертиров из правительственной армии и никаких проходимцев, негров и бродяг».

8 октября Вашингтон обратился к своим генералам с вопросом, «целесообразно ли вообще принимать в армию негров или же следует проводить различия между неграм-рабами и свободными неграми». Было принято единодушное решение не принимать рабов, а подавляющее большинство высказалось против всех негров, в том числе и свободных. Десять дней спустя Континентальный конгресс одобрил это согласованное с высшими офицерами армии решение, а 12 ноября был издан приказ, запрещающий принимать в армию «негров, подростков, неспособных носить оружие, и пожилых людей, которые не в состоянии переносить тяготы военной кампании».

В основе этого решения лежало высокомерное убеждение в том, будто негры по своей природе слишком трусливы и услужливы, чтобы быть хорошими солдатами; его подкреплял страх перед возможным восстанием рабов. Те же, кто был свободен от этих предрассудков и страхов, считали, что участие рабов в армиях, боровшихся за свободу от тирании, несовместимо с принципами революции.

Англичане проявили больше практицизма, нежели американцы, и сумели подавить в себе пренебрежительное чувство к неграм-солдатам. Еще 12 июня 1775 года генерал Гейдж писал военному министру лорду Баррингтону, что «положение столь критично, что мы должны использовать все ресурсы, даже поднять на защиту нашего дела негров». Первым англичанином, осуществившим это на практике, был Джон Марри, граф Данморский, королевский губернатор Виргинии. 7 ноября 1775 года он опубликовал призыв ко всем черным и белым рабам поддержать дело Британии, пообещав им за это свободу.

К декабрю 1775 года у англичан насчитывалось уже около 300 рабов в военной форме, на мундире которых было написано: «Свободу рабам». Губернатор официально назвал их «эфиопским отрядом лорда Данморского» и сообщил в Лондон, что, если бы не губительная лихорадка

ка, унесшая столь многих из его «эфиопского корпуса», он «имел бы 2 тыс. чернокожих, с которыми не раздумывая проник бы в самую глубь этой колонии».

Даже эти 300 рабов в военной форме вызвали панику среди рабовладельцев. Джон Адамс писал в своем дневнике осенью 1775 года, что, как он слышал от южан, они были убеждены, что, если бы тысяча солдат регулярных английских войск высадилась в Джорджии и командующий «объявил свободными всех негров, присоединившихся к нему, он имел бы в течение двух недель 20 тысяч негров из обеих провинций (Южной Каролины и Джорджии). Негры обладают великолепным умением передавать информацию друг другу; за неделю или две они распространяют ее на расстоянии нескольких сотен миль». Не полагаясь на волю случая, законодательные органы Южной Каролины, стремясь предотвратить подстрекательства рабов к мятежу или восстанию, приняли закон, в котором негры, признанные виновными в агитации других к переходу на сторону врага или в уходе к англичанам, подлежали смертной казни.

Паника охватила не только Юг. В Филадельфии распространился слух, будто какой-то негр, расталкивая на улицах белых, угрожал им приходом «лорда Данморского и его черного полка, и тогда будет видно, чья возьмет».

Негритянские войска лорда Данморского взбудоражили всех. 26 декабря 1775 года встревоженный Вашингтон писал полковнику Генри Ли: «Если этот Данмор не будет разбит до весны, он станет в Америке самым опасным человеком. Численность его войск будет нарастать, подобно несущемуся с горы снежному валу. Успех дела будет зависеть от того, какая сторона сумеет быстрее вооружить негров». Через четыре дня опомнившийся Вашингтон отдал своим офицерам распоряжение вновь принять в армию свободных негров, которые уже служили в ней, ибо, если этого не сделать, «они в поисках работы могут уйти в правительственную армию». 16 января 1776 года конгресс по рекомендации генерала согласился вновь принять свободных негров, «которые верой и правдой служили в армии в Кембридже... и никого более». На многих свободных негров и на рабов это положение не распространялось, однако необходимость мобилизации достаточного количества солдат для ведения войны вскоре привела к переменам.

Призывом лорда Данмора объясняется главным образом и то обстоятельство, что в лагерь повстанцев перешли и находившиеся до тех пор в стороне южные плантаторы. Даже те из них, которые не собирались поддерживать дело патриотов, теперь усмотрели в их армии силу, способную подавить восстание внутри и, кроме того, сражаться за независимость. В своем призыве к независимости конвент Виргинии осудил лорда Данмора за «ведение против нас пиратской и варварской войны, соблазняя с помощью различных уловок наших рабов обращаться к его помощи, подготавливая и используя их против своих хозяев». Для того чтобы подавить более или менее крупное восстание рабов, теперь приходилось выступать против метрополии ¹⁹.

* * *

7 июня 1776 года представитель Виргинии Ричард Генри Ли внес на рассмотрение Континентального конгресса резолюцию об отделении от Англии. 28 июня был создан комитет 5 для разработки проекта Декларации независимости. 2 июля конгресс принял резолюцию Ли. Затем началось обсуждение манифеста, подготовленного Томасом Джефферсоном и представленного от имени комитета 5. Будучи сам рабовладельцем (в 1774 году он имел 187 черных мужчин, женщин и детей), Джефферсон, однако, не одобрял рабства. В представленном им Континентальному конгрессу проекте Декларации независимости сурово осуждалась работорговля. Георг III, писал он, «вел жестокую войну против самой человеческой природы, нарушая обусловленные ею самые святые права на жизнь и свободу людей в лице тех, кто жил далеко от него и никогда не причинял ему никакого вреда, захватывая их и увозя их в рабство в другое полушарие или обрекая на жалкую смерть в пути».

Однако этот враждебный Южной Каролине и Джорджии текст был изъят из документа. 4 июля Декларация независимости была принята; в ней содержались знаменитые слова о том, «что все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью» ²⁰.

Так родилось новое государство с республиканской формой правления, провозгласившее свободу для всех и в то же время державшее в рабстве полмиллиона мужчин, женщин и детей — каждого шестого американца, — потому что у них был черный цвет кожи.

Рождением американского государства завершился один этап борьбы, который в предшествовавшее десятилетие вели колониальные рабочие. Завершение же другого этапа — установление более демократического порядка — откладывалось на будущее. Революционное десятилетие изменило политическую жизнь страны. Выступление рабочего класса в городах на политической арене породило тенденции, которые стали быстро развиваться в последующие десятилетия.

10. ЗАВОЕВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Большинство населения оккупированных англичанами городов покинуло их во время Войны за независимость. (Около половины населения Нью-Йорка численностью 20—25 тыс. человек ушло из города летом и осенью 1776 года.) Среди тех, кто остался и работал на англичан, были ремесленники, мастеровые, рабочие и купцы¹. Американские матросы были насильственно завербованы в британский флот, и около 30 тыс. пленных американских матросов перешли на сторону англичан, когда им предложили либо сражаться против своей страны, либо оставаться в тюрьме. Однако, как отмечает Джесси Лемисш, «необычайно много захваченных американских матросов остались американцами... Из каждой сотни людей, прибывших, на [тюремном] корабле [«Джерси»] в Нью-Йорк, лишь восемь решили перейти на сторону врага»².

Огромное большинство свободных рабочих посвятили себя служению делу Америки. Хотя армия генерала Вашингтона состояла в основном из фермеров, рабочие тем не менее тоже внесли свою лепту в борьбу за независимость. Немало офицеров для американской армии прибыло из артиллерийской роты Бостона (ею командовал капитан Пэддок), которая была укомплектована исключительно мастеровыми. Из 57 военнослужащих двух рот пенсильванского полка, в которых были известны профессии солдат, лишь семеро являлись фермерами; остальные были рабочими разных профессий и неквалифицированными рабочими.

Вначале ремесленники сражались в своей рабочей одежде. Пытаясь придать своей армии надлежащий вид, Вашингтон рекомендовал им носить охотничьи рубахи, однако у большинства солдат таких рубах просто не было. В одном из документов дано такое описание подразделения: «Некоторые были в одном сапоге, без чулок,

с торчавшими из ботинок ступнями, другие — в бриджах, вгонявших в краску саму пристойность, третьи — в коротких камзолах, четвертые — в длинных пальто, однако все — в драгунских шапках»³. Как видно из этого описания, армия остро нуждалась в снаряжении, и эту нужду она испытывала на протяжении всей войны. В 1776 году в армии, расположенной в районе Тикондерога и насчитывавшей 12 тыс. человек, имелось всего лишь девятьсот пар обуви. Даже в 1782 году генерал Грин заявил, что американские солдаты практически раздеты: они не имели ни брюк, ни рубах, и большинство были босы.

Рабочие служили поставщиками рабочей силы для революционной армии — их использовали как возниц, кузнецов, оружейников и ремесленников самых различных специальностей. Следуя колониальной традиции, конгресс рекомендовал освободить от военной службы рабочих пороховых заводов и заводов по производству военного снаряжения. Штаты, как правило, освобождали от военной службы некоторых рабочих мукомольных заводов, судоверфей, литейных цехов, канатных дворов, а также перевозчиков. Их, однако, предупредили, что, «когда потребуют обстоятельства», им придется «наряду с обязанностями ремесленников в случаях нападения или обороны выполнять обязанности солдат»⁴.

На протяжении всей войны Континентальный конгресс испытывал недостаток в войсках. В декабре 1776 года в армии Вашингтона едва насчитывалось 3 тыс. человек, из которых в наличии имелось лишь 1400 человек. Более того, короткая военная служба, как правило на три месяца, а также нежелание патриотов сражаться вдали от своих домов привели даже эту незначительную армию на грань распада. 16 сентября 1776 года конгресс отдал распоряжение о сформировании 88 батальонов, причем количество батальонов от каждого штата определялось численностью его населения. Виргинию и Массачусетс просили предоставить по 15 батальонов; Пенсильванию — 12; Род-Айленд — 2 и Делавэр — один.

Реакция штатов была столь сдержанной, что в январе 1777 года конгресс вынужден был сделать попытку набора в армию. Он обратился ко всем штатам с просьбой «немедленно укомплектовать путем призыва из рядов

своей милиции или каким-либо иным способом... свои батальоны континентальных войск». Хотя конгресс мог обращаться с просьбой, у него тем не менее не было власти добиться ее выполнения, и большинство штатов по-прежнему мало что делали для пополнения обескровленной армии Вашингтона.

Конгрессу, оказавшемуся в таком отчаянном положении, пришлось обратиться к несвободным рабочим. Он обещал законтрактованным рабочим освобождение от контрактов, если они вступят в армию. Это предложение их хозяева во всех колониях восприняли по-разному. Многие работодатели отказались предоставить своих работников. В мае 1777 года камберлендский комитет (штат Пенсильвания) выступил против вербовки слуг в армию без согласия их хозяев, ибо «все ученики и слуги — собственность своих хозяев, и лишение в той или иной форме хозяев их собственности является нарушением прав человечества, противоречащим... Континентальному конгрессу, и оскорблением добропорядочных людей этого штата». Дело кончилось тем, что Пенсильвания сочла необходимым выплачивать хозяевам компенсацию, поскольку многие слуги сбежали от них в армию⁵.

В своих инструкциях офицерам-вербовщикам от 2 января 1777 года Вашингтон отказался от своей прежней политики недопущения в континентальную армию всех негров и разрешил принимать «свободных людей» независимо от цвета их кожи. Однако нежелание посягать на права собственности рабовладельцев и страх перед возможным восстанием вооруженных рабов оставались. Поэтому национальное правительство и правительства штатов по-прежнему не допускали рабов в американские вооруженные силы. Но потребность в людях была столь велика, что пришлось пересмотреть и это отношение. «Немыслимая» идея набора рабов имела явные преимущества. Обещание предоставить им свободу в случае, если они вступят в армию, обеспечило их массовую вербовку, а обусловив предоставление свободы требованием их долгосрочной службы, можно было хотя бы частично компенсировать недостатки краткосрочной службы. Поскольку у рабов было меньше причин держаться тех районов, из которых они ушли на службу, они были менее склонны дезертировать и возвращаться домой.

Таким образом, в конце концов рабов допустили к службе в армии, численность завербованных рабов возросла после того, как конгресс стал в 1777 году устанавливать квоты для штатов, а также после того, как хозяева, предпочитавшие не служить в армии, стали посылать вместо себя рабов. 23 октября 1777 года один хессианский офицер записал в своем дневнике: «Рабы могут теперь уходить в армию от своих хозяев; поэтому не встретишь ни одного полка, где не было бы в достаточном количестве негров, среди которых есть ловкие, сильные и храбрые парни»⁶.

Многие пришедшие в армию негры служили в смешанных полках и сражались плечом к плечу с белыми. В штате Род-Айленд был черный батальон в составе 226 офицеров и добровольцев под командованием полковника Кристофера Грина; батальон сражался до конца войны в 1783 году и отличился храбростью и военным мастерством в сражениях в Род-Айленде, Ред-Бэнке, Йорктауне и Форт-Освего. И все же, если не считать Мэриленда, рабов принимали в армию лишь на Севере. Виргиния не хотела об этом и думать, Южная Каролина и Джорджия отвергли призывы Континентального конгресса «незамедлительно... набрать» 3 тыс. «физически здоровых негров» и сформировать из них отдельные батальоны под командованием белых офицеров. Конгресс предложил хозяевам компенсацию в размере до 1000 долл. за каждого негра «стандартных размеров» не старше 35 лет, который вступит в армию до окончания войны и окажется пригодным для службы. Черным солдатам не полагалось ни платы, ни пособий, однако они получали обмундирование и питание за счет Соединенных Штатов; «все негры-солдаты, которые будут служить верой и правдой до окончания нынешней войны и затем возвратят свое оружие», получали право на «освобождение и вознаграждение в размере 50 долл.»⁷.

Преисполненные решимости защитить рабство — основу экономической и социальной структуры белого общества — и считая, что вооружение рабов — «одна из самых неприятных форм самоубийства», Южная Каролина и Джорджия отвергли призывы конгресса⁸. Настроение в этих двух штатах выразил Кристофер Гэдсен, писавший из Чарлстона: «Мы очень недовольны конгрессом, который рекомендовал нам вооружить наших рабов; эта

рекомендация была здесь встречена с поговованием как в высшей степени опасная и неразумная мера»⁹.

Вместо того чтобы вооружать рабов, Южная Каролина решила использовать их как стимул для вовлечения в армию белых. Законодательные органы штата предложили вместо плана конгресса свой план, по которому каждый белый доброволец в качестве награды мог получить одного черного раба. Генерал Томас Самтер также использовал этот метод при осуществлении своего плана, известного как «закон Самтера». В соответствии с этим планом он набирал добровольцев, которые должны были служить десять месяцев. Вознаграждением за это было предоставление рабов на год; оно варьировалось от 3½ рабов для полковника до 1 взрослого раба для рядового.

Ни патриотически настроенных рабовладельцев, ни южных «Сынов свободы», по-видимому, не беспокоило то, что англичане могли воспользоваться нежеланием американцев использовать рабов. И они воспользовались им. Около 65 тыс. негров сражались на стороне врага или работали на него ради обещанной свободы. В континентальной же армии служили лишь 5—8 тыс. черных солдат. Остальные чернокожие внесли свой ценный вклад в борьбу патриотов, будучи заняты в производстве военного снаряжения, работая в армии возничими и проводниками, ремонтируя дороги, строя редуты и внешние укрепления. Как сказал Бенджамин Кворлс, «за вооруженными людьми» зачастую стояли чернокожие¹⁰.

Отвергнув идею вербовки рабов в качестве солдат и их частичного использования в армии, законодательные органы Виргинии вместе с тем в конце 1779 года приняли решение взять тысячу негров во флот. Они полагали, что в море, вдали от плантаций, те не представляли никакой угрозы для подрыва института рабства. Поэтому во всех экипажах континентального флота, на судах штатов, на каперах и на судах, имевших каперские свидетельства, появились чернокожие. На судах штатов негры служили матросами различных статей. Некоторые были лоцманами, а в Южной Каролине, где имелось много черных лоцманов, для строительства морских укреплений использовались чернокожие ремесленники¹¹.

Чернокожие женщины, как правило рабыни, служили в американской армии в качестве сестер милосердия и поваров. Генерал Уильям Смолвуд писал председателю мэрилендского совета: «Я был бы рад, если бы продажу двух женщин-негритянок... можно было отменить. Их услуги будут не только ценными для меня, но и пойдут во благо службе, ибо они заменят солдат, которых в противном случае придется неизбежно использовать на моей кухне»¹².

В тылу женщины, как черные, так и белые, ухаживали за ранеными, готовили повязки, отправляли продовольствие солдатам. «Дочери свободы» пряли одежду и шили рубахи для солдат. В отсутствие своих мужей и сыновей женщины работали на фермах, вели дела своих мужей и домашнее хозяйство¹³.

Три женщины сражались во время войны на стороне патриотов. Маргарет (Молли) Корбин, работавшая на ферме, вместе с мужем вступила в континентальную армию и участвовала в сражении при Форт-Вашингтоне 15 ноября 1776 года, ведя огонь из двухорудийной батареи. Когда ее муж был смертельно ранен, она продолжала стрелять из его орудия, пока сама не оказалась тяжело ранена: одна рука у нее была почти оторвана, грудь разорвана крупной картечью. После того как она частично оправилась после поездки в тряской повозке в Филадельфию, ее передали на попечение корпуса инвалидов американской армии. 6 июля 1779 года Контиентальный конгресс принял решение назначить «капитану Молли» пенсию, постановив, что она будет получать «в течение всей своей жизни или сохранения инвалидности половину ежемесячного вознаграждения, которое получает солдат, находящийся на службе Штатов... один комплект одежды или соответствующую денежную компенсацию». До конца своих дней она получала в Уэст-Пойнте медицинскую и материальную помощь.

Вместе с мужем ушла на войну и другая работница фермы, Маргарет (Молли) Хейес. Во время сражения при Монмауте в Нью-Джерси 28 июня 1778 года, когда стояла почти 40-градусная жара, она без усталости носила солдатам воду из источника, за что получила прозвище

«Молли-кувшин». Когда ранили ее мужа, она выхватила из его рук досылатель и стреляла из пушки до конца сражения. Генерал Вашингтон отдал приказ о присвоении ей звания уорэнт-офицера *. Хотя государство оказало «Молли-кувшин» соответствующие почести, она так и не получила причитающуюся ей армейскую пенсию.

Третьей была Дебора Сэмпсон Гэннет, поступившая на службу в континентальную армию. Оставшись в возрасте пяти лет без отца, в десять лет она вынуждена была стать законтрактованной работницей. По истечении срока действия ее контракта она решила посвятить себя служению родине. Переодевшись в мужчину, Дебора Сэмпсон Гэннет добралась до города Аксбридж (штат Массачусетс), где в апреле 1781 года добровольно записалась в армию под именем Роберта Шертлефа. В течение нескольких месяцев она служила в 4-м массачусетском полку, который участвовал в тяжелых сражениях при Уайт-Плейнсе, Тэrrитауне и Йорктауне. Сражаясь всегда в первых рядах, она получила ранения от шпаги и пуль, однако, опасаясь разоблачения, делала вид, что они незначительны. Когда после боя при Йорктауне полк стал двигаться на север, в Филадельфии она заболела лихорадкой. В бессознательном состоянии Дебору отнесли в госпиталь, где и раскрылась ее тайна, которую врач, однако, хранил до тех пор, пока она не была уволена из армии.

За свои заслуги перед нацией Дебора Сэмпсон Гэннет получала пенсии и от федерального правительства, и от штата Массачусетс. После ее смерти ее муж стал первым американцем, которому была назначена пенсия как солдатскому вдовцу. Назначая пенсию, комитет по революционным пенсиям конгресса так выразил свою признательность законтрактованной работнице — единственной женщине, вступившей в континентальную армию простым солдатом: «Комитет уверен, что не погрешит против истины, заявив, что история Американской революции не знает другого примера женского героизма, верности и отваги» ¹⁴.

* Уорэнт-офицер — промежуточная категория между сержантским и офицерским составом. — *Прим. ред.*

* * *

*

В апреле 1779 года генерал Вашингтон жаловался, что «за воз денег едва ли можно купить воз продуктов». К тому времени цены намного выросли: за один лишь месяц они подскочили на 45%. К концу 1779 года цены по сравнению с началом того же года выросли в семь раз¹⁵.

Признаки инфляции появились с началом войны после обесценения континентальной денежной единицы и после того, как купцы, воспользовавшись нехваткой товаров, непомерно взвинтили цены. В ответ на это наступление на свой жизненный уровень рабочие потребовали увеличения заработной платы. В целях противодействия инфляции Континентальный конгресс, межштатные конвенции, штаты и города попытались установить контроль над ценами и заработной платой. Однако их попытки не увенчались успехом; меньшинство по-прежнему богатело, в то время как большинство, в том числе и сражавшиеся на войне солдаты, голодали¹⁶. «Четырехмесячного жалования рядового недостаточно, чтобы его несчастная жена и дети могли купить бушель * пшеницы», — жаловался один солдат. Ему вторил другой: «Мало у кого из нас есть личное счастье: многие имеют семьи, на долю которых уже выпали все страдания, какие только можно ожидать в неблагодарной стране. Так неужели мы должны мириться со всеми неудобствами, трудностями и опасностями военной жизни в то время, как наши жены и дети умирают от того, что в доме нет самого необходимого?»

Джошуа Хантингтон, оставивший Йельский университет почти перед его окончанием, чтобы вступить в армию, очень ярко описывает страдания солдат, с которыми его свела судьба. Критикуя законодательные органы штата Коннектикут за нежелание платить солдатам жалование или хотя бы обеспечить их семьи, он писал:

Не проходит и дня без того, чтобы какой-нибудь солдат не дал мне со слезами на глазах прочитать

* Бушель — мера емкости, равная 36,3 л. — *Прим. ред.*

письмо от жены, в котором она так описывает страдания его семьи: «У меня нет хлеба, и достать его невозможно, комитет ничего не дает мне, мои дети будут голодать, а если и не голодать, то замерзать от холода, потому что у нас нет дров и достать их негде. Умоляю тебя, вернись домой»¹⁷.

При отсутствии контроля со стороны законодательных органов, существовавшего практически лишь на бумаге, нанIMATEЛИ без труда поддерживали заработную плату на уровне, предусмотренном законом, одновременно нарушая положения о ценах. Рабочие оказались жертвой «неутолимой жажды к наживе». Некто, подписавший свою статью словами «Все меняется», предупреждал в «Пенсильвания пэкет» 10 декабря 1778 года:

Постыдная практика тех, кто установил монополию, и ростовщиков привела эту страну на край гибели. Не удовлетворяясь монополией на европейские и вест-индские товары, они монополизировали в последнее время и *хлеб насущный*. Известно, что в Британии и во Франции народ всегда сам вершил правосудие всякий раз, когда из-за алчности ростовщиков возникала нехватка хлеба. Он разбивал склады, разбирая запасы для своих нужд, не выплачивая за них никакой компенсации, а иногда и вешал виновных, нажившихся на его горе, без всякого суда и следствия. Так внимайте же и трепещите, вы, враги свободы и счастья вашей страны. Мы можем жить без сахара, без кофе, без патоки и рома, но мы не можем жить без хлеба. Голод проломит каменные стены, и рожденное им возмущение может привести к вашей гибели.

Вскоре после появления этого предупреждения матросы Филадельфии объявили забастовку, требуя повышения жалованья. Около 150 матросов, пройдя через юго-восточный район города, поднялись на несколько кораблей, сняли с них снасти и стащили на берег солдат, отказавшихся поддержать их требование о повышении жалованья. Континентальные войска подавили эту за-

бастовку, забастовщики предстали перед мировыми судьями, а их пятнадцать руководителей были арестованы и приговорены к штрафам¹⁷.

Недовольство усиливалось, и некоторые рабочие стали понимать, что они проливали кровь «лишь ради того, чтобы господство одной олигархии сменило господство другой, не менее жестокой и своекорыстной». Однако это чувство не было всеобщим. Низшие классы решили установить свой контроль над ценами. В Олбани (штат Нью-Йорк) купцов, установивших монополию, заставляли подниматься на подмости на рыночной площади и давать клятву в том, что они будут соблюдать принятые постановления. В Новой Англии генерал-майор Горацио Гейтс, обвинив в повышении цен британских агентов, приказал задерживать «спекулянтов» и «поступать с ними в зависимости от обстоятельств». Рабочие ходили от лавки к лавке и проверяли выполнение приказа Гейтса, заставляя купцов продавать товары по ценам, установленным законом¹⁸.

В Бостоне некий мастеровой, называвший себя Джойсом-мл. в честь того самого Джойса, который арестовал короля Карла I, призвал патриотов «добиваться осуществления закона этого штата, чтобы не допустить установления монополии и гнета». Эбигейл Адамс писала своему мужу о том, как толпа в пятьсот человек следовала за Джойсом-мл., «который ехал верхом на лошади, в красном мундире, белом парике и с обнаженной шпагой, под звуки барабана и флейты». Эта толпа вывезла за город пять перепуганных насмерть «тори-негодяев», опрокинула их повозку и приказала им больше не возвращаться в Бостон. Джойс-мл. выразил признательность за то, что его предостережение в адрес лавочников помогло напомнить хотя бы некоторым из них о том, что товары следует продавать по твердым ценам. В своем письме Эбигейл Адамс писала также, как группа бостонских женщин поступила с купцом, припрятавшим кофе:

Женщины, человек сто, как считают одни, или больше, как считают другие, с повозкой и сундуками направились к складу купца и потребовали ключи, которые он отказался отдать. Тогда одна из

женщин схватила его за шиворот и швырнула в повозку. Когда женщины опрокинули телегу и сбросили купца, он понял, что пощады ему не будет, и отдал им ключи; женщины открыли склад, сами погрузили кофе, набили сундуки и укатили ¹⁹.

В целях осуществления контроля над ценами народ «опубликовывал» имена купцов, установивших монополию, и спекулянтов и объявлял их «врагами страны». Городские власти Уотертауна (штат Массачусетс) постановили объявлять всех, кто продает товары по чрезмерно высоким ценам, «врагами своей страны, поручив чиновнику муниципалитета предавать гласности их имена» в течение шести месяцев после каждого городского собрания. Патриотические газеты начали кампанию против «грязных мелких уличных торговцев и спекулянтов», которые подрывали дело независимости и угнетали бедняков, взвинчивая и без того «непомерные цены» на предметы первой необходимости и «увеличивая себестоимость труда». В письме, опубликованном в «Бостон газет», один из мастеровых, обращаясь к «монополистам», писал: «Вы паразиты среди людей... Вы еще большие враги этой страны, чем Бургойн [британский генерал]». Другой корреспондент назвал тех, кто повышал цены, грабителями и ворами ²⁰. В 1779 году созданный в городе Бостоне комитет 13 обнародовал имена нарушителей «как врагов своей страны; общество может воздерживаться от какой бы то ни было торговли и общения с ними, и народ может подвергать их наказанию, которого такие негодяи заслуживают» ²¹.

Самое серьезное народное восстание в том же 1779 году произошло в Филадельфии. Пенсильвания приняла закон об установлении стабильных цен еще в октябре 1778 года, однако он не выполнялся. В январе 1779 года высший совет Пенсильвании предпринял новые усилия, чтобы поддержать цены на «хлеб и другие товары первой необходимости» на разумном уровне. Купцы, установившие монополию, чьи «самые отвратительные» действия оказались «пагубными для бедняков-тружеников», должны были подвергаться обыску и преследованиям. Затем ввиду непрекращавшегося в результате манипуляций

«монополистов» роста цен на продовольствие, и особенно на хлеб, генеральная ассамблея установила суровые наказания за подобные махинации. Однако законы, поскольку их не выполняли, никакого действия не возымели, и цены по-прежнему продолжали расти²².

12 мая 1779 года первая артиллерийская рота Филадельфийской милиции, сформированная из «бедных и трудовых слоев города»²³, направила высшему исполнительному совету пространный меморандум. Он начинался с напоминания совету о том, что милицию «вновь призвали защитить государство» и что она вновь «готова сделать все от нее зависящее для Соединенных Штатов» в поддержку «благородного дела свободы и независимости». Вместе с тем в нем указывалось на некоторые «обстоятельства и обиды», с которыми приходилось мириться солдатам милиции и другим «достойным соотечественникам». Солдат милиции неоднократно мобилизовывали на войну, и они всякий раз должны были оставлять свои семьи, «подвергая их всевозможным бедам и трудностям». Возвращаясь после завершения той или иной кампании в Филадельфию, они обнаруживали, что многие воспользовались их отсутствием и «непомерно подняли цены на все товары первой необходимости, сделав жизнь еще дороже». После одного сражения, в котором погибло несколько солдат милиции, «вернувшиеся, по счастью, (как мы полагали) в город» обнаружили, к своему отчаянию, что «все товары и жизнь вообще стали для нас по крайней мере в восемь, десять, а то и двенадцать раз дороже; и многие из нас до сих пор ломают голову над тем, чем заняться, чтобы обеспечить себя и свои семьи».

В то время как солдаты милиции терпели такие страдания, богачи уклонялись от военной службы. Многие «умело избегали» уплаты штрафов за уклонение от службы в вооруженных силах; мало что изменило и увеличение штрафов, «ибо при таких непомерных ценах человек с помощью монополизации или торговли может приобрести за один день больше, чем потеряет, выплачивая всевозможные штрафы в течение всего года». Таким образом, бедные по-прежнему несли основное бремя и были теми, кто «сражался за корыстолюбцев, поглощенных накоплением богатства путем уничтожения более добродетельной части общества».

Иначе говоря, это была война бедняков, которые по вине монополизаторов становились все беднее. Мириться и впредь с таким положением было невозможно. Солдаты милиции, описывая злоупотребления, жертвами которых они стали в 1777 году, отмечали: «У нас было оружие, и мы знали, как обращаться с ним; однако вместо того, чтобы отомстить за себя или ответить тем же нашим врожденным и злейшим врагам, мы терпеливо ожидали вмешательства законодательных властей». Но терпению пришел конец, и *необходимо* было немедленно найти какое-то справедливое решение.

Милиция призвала совет использовать свое влияние, чтобы побудить ассамблею исправить зло. Солдаты милиции добивались установления контроля над ценами, лишения тех, кто установил монополию, власти и принятия закона, согласно которому каждый, кто не служил, должен был уплачивать штраф «в соответствии со своим состоянием». Или же ассамблея могла отменить все штрафы и поручить милиции заставить «всех годных к военной службе мужчин вступить в милицию»²⁴.

Через десять дней после представления милицией меморандума в Филадельфии появились плакаты, призывавшие провести общее собрание для обсуждения вопроса об урегулировании цен. Когда какой-то человек, «крупный спекулянт», как все полагали, попытался сорвать один из плакатов, «милиция», по словам очевидца Сары Бейк, «схватила его, провезла с непокрытой головой на лошади по городу и бросила в старую тюрьму. Она забрала еще несколько человек и увезла их туда же»²⁵. Днем «мужчины с дубинками» обходили лавки и «заставляли владельцев снижать цены». Если кто-нибудь позволял себе насмеяться над ними, они бросали его в тюрьму²⁶.

В тот же вечер состоялось общее собрание, и джермантаунская милиция охраняла его. Мастеровой Даниэль Робердо, открывая собрание, осудил тех, кто «богачел, высасывая кровь из страны». Покончить с эксплуатацией народа «монополистами», сказал он, можно лишь путем снижения цен на товары и продовольствие. Поскольку «с целью повышения цен на товары и продовольствие образованы различные союзы... общество, в целях самозащиты, имеет естественное право противодействовать таким союзам и установить уровень цен». Указав на

«странное обстоятельство, заключающееся в том, что, чем больше товаров мы привозим в город, тем они дороже», оратор призвал снижать цены каждую неделю.

Принятые общим собранием резолюции предусматривали создание комитета для расследования деятельности якобы патриотически настроенного финансиста Роберта Морриса. Другой комитет должен был заняться сбором информации об обвинениях и жалобах в адрес должностных лиц государственных учреждений. В резолюциях отмечалось, что никому, «кто, как это могут подтвердить серьезные улики, относится враждебно к интересам и делу независимости Соединенных Штатов», не может быть позволено «оставаться среди нас». Различные комитеты по расследованию были призваны «принять меры» для выполнения этого решения.

Собрание отметило, что цены, взимаемые купцами за ром, сахар, кофе, муку и чай, «значительно возросли за прошедшую неделю без каких бы то ни было действительных или видимых оснований». Оно решительно призвало народ не отдавать себя на «съедение монополизаторам и спекулянтам» и потребовало «незамедлительно снизить цены на эти товары до уровня», существовавшего на 1 мая. Был создан специальный комитет, который должен был установить и опубликовать цены, существовавшие на 1 мая, и принимать в письменном виде любые жалобы на торговцев, которые отвергали «это необходимое регулирование» или препятствовали его осуществлению. Эти цены предполагалось сохранить до 1 июля, после чего их предстояло снизить до уровня, существовавшего на 1 апреля. 1 августа цены должны были достичь уровня 1 марта и т. д., и так должно было продолжаться до тех пор, пока цены не снизятся до уровня, существовавшего на 1 января 1779 года. Комитет должен был разработать план такого же понижения цен на территории всех Соединенных Штатов.

Участники собрания торжественно обещали осуществить свои решения, даже, если потребуется, «рискуя собственной жизнью»²⁷. Солдаты милиции, многие из которых присутствовали на этом собрании, были, по-видимому, удовлетворены. Однако Сара Бейк, надеявшаяся, что «урегулирование цен будет иметь благоприятные последствия», была все же обеспокоена, поскольку людей, которых подозревали в совершении преступления против

простого народа, бросали в тюрьмы. Консервативные филаделфийцы, предупреждавшие о том, что отделение от метрополии может развязать руки «толпе», теперь могли сказать: «А ведь мы предупреждали вас»²⁸.

Стремясь не допустить начала деятельности комитетов, губернатор Пенсильвании Джозеф Рид и 599 других лидеров направили Континентальному конгрессу меморандум, в котором просили принять меры по улучшению экономического положения. Конгресс по «единодушному» решению опубликовал 26 мая 1779 года обращение «К жителям Соединенных Штатов Америки», которое было сразу же напечатано во всех газетах и издано в виде листовок. Однако тех, кто подписал меморандум, ожидало разочарование. Создавалось впечатление, будто конгресс оправдывал меры народа, направленные на то, чтобы положить конец «махинациям людей, которые спешили обогатиться, устанавливая монополию на товары первой необходимости», и признал, что правительства штатов не проявили «такого же усердия... в выявлении и ликвидации [подобных] злоупотреблений», какое они высказали в своих «претензиях в этой связи». Таким образом, конгресс признал необходимость более решительных действий, и его обращение заканчивалось словами о том, что для достижения победы следует «предотвратить монополизацию производимых в стране товаров»²⁹.

С благословения конгресса Соединенных Штатов комитеты, учрежденные на митинге в Филадельфии, приступили к работе. Том Пейн и инспекционный комитет отправились к Роберту Моррису и захватили груз муки, не обращая внимания на жалобы этого богатого филаделфийца на то, что «лишение человека возможности распоряжаться своей собственностью на таких условиях и по таким соображениям, которые он сочтет приемлемыми, противоречит принципам свободы». Встревоженные таким поворотом дела, другие торговцы, установившие монополию, решили не сопротивляться и стали снижать цены³⁰.

26 июня генеральный комитет, созданный на этом общем собрании, опубликовал пространное обращение ко всем гражданам Соединенных Штатов. В нем говорилось о положительном опыте работы Филадельфийского комитета и содержался призыв ко всем штатам и графствам создать аналогичные комитеты для борьбы с ростом

цен. Комитет смело заявил, что, хотя «существуют преступления против общества, которые не всегда являются преступлениями против закона и в отношении которых невозможно своевременно разработать или эффективно применять писанные законы», это тем не менее не означает, что народ не может принимать меры в защиту своих интересов, ибо народ «имеет право и даже должен взыскивать с каждого за такие моменты в его поведении, которые наносят ущерб благосостоянию общества или оскорбляют его и за которые оно не может по закону получить какую-либо компенсацию»³¹.

Вести о том, что произошло в Филадельфии, распространялись повсюду. В Бостоне появились следующие листовки:

Сыны Бостона! Пробудитесь от сна!

Вас просят собраться завтра в старом зале заседаний в южном крыле... Пробудитесь и проникнитесь духом Филадельфии; освободите общество от купцов, установивших монополию, и спекулянтов, которые, подобно раковой опухоли, разъедают ваш организм. Они превращают деньги в ненужную бумагу, отказываясь принимать их за многие товары. Зараза опасна... Уроки общества послужат на сей раз благу самого общества!³²

Возмездие

Комитет, состоявший из мастеровых, не ограничивался одними лишь рассуждениями о праве народа принять конкретные меры. Один из современников тех событий, житель Филадельфии, писал 26 июня:

Ваш глашатай прошел сегодня по вашему городу около 10 часов вечера, желая, чтобы ваш народ вооружился ружьями или дубинками и отыскал всех, кто отправил из города хоть сколько-нибудь муки, пороха и пр. [вопреки приказу комитета], и произносил страшные угрозы в адрес тори, утверждая, будто он делал это по распоряжению какого-то комитета³³.

Через два дня после того, как мастеровые Филадельфии начали действовать через комитет, учрежденный на городском собрании, та же сформированная из бедных трудящихся рота милиции, которая в мае направила

меморандум совету, выступила с публичным заявлением в поддержку действий комитета. Пессимистически оценивая роль резолюций в решении серьезных проблем, стоявших перед бедняками, она заявила: «В наших руках оружие, мы умеем им пользоваться и готовы оказать вашему уважаемому комитету поддержку для полного осуществления справедливых и беспристрастных мер, ради которых вы и были назначены; и мы не сложим оружие, пока не добьемся этого. Мы не требуем никаких преимуществ; но мы не позволим, чтобы нами пренебрегали и далее». В заявлении говорилось также: «Мы добьемся компенсации для добродетельных, невинных и многострадальных слоев общества и приложим все усилия к тому, чтобы освободить этот город от нечестных, враждебных и хищных членов общества, какими бы ни были их звание и положение».

«Единодушное» заявление милиции заканчивалось предупреждением о том, что, «если из-за упрямства и несговорчивости людей ваш комитет увидит, что он не может справиться с возложенной на него задачей, *наши барабаны призвут к оружию*»³⁴.

В начале августа 1779 года платформа, принятая на городском собрании, была одобрена в ходе всенародного голосования. Участникам его были представлены две различные программы: в одной предусматривалось установление контроля над ценами с помощью мер комитета, в другой же не предлагалось ничего конкретного. Подавляющее большинство голосов, 2115 против 281, получила программа решительных действий комитета. 18 августа 80 купцов направили комитету по выполнению решений конгресса пространный меморандум, в котором они опротестовали результаты народного голосования и отказались признать за комитетом право на осуществление контроля за ценами. Комитет гневно пригрозил положить конец махинациям с ценами, однако купцы в большинстве своем игнорировали его заявление. К концу сентября стало ясно, что попытки установить контроль над деятельностью тех, кто установил монополию, не увенчались успехом; купцы были, как всегда, «неразумными», а цены, как всегда, недоступными. Выступив с еще одним разоблачением монополистов, комитет прекратил свое существование³⁵.

2 октября 1779 года солдатский комитет опубликовал в одной из газет объявление, в котором со всей «серьезностью» просил всех солдат милиции через два дня собраться на массовый митинг. На этом митинге было решено принять меры против главных монополистов, и группы милиции, отправившиеся по городу на их поиски, привели под стражей четырех из них на городскую площадь. Оттуда пленников под звуки барабана, отбивавшего «Марш ваших негодяев», повели в Форт-Уилсон. А в это время другие несколько человек, боясь оказаться следующими жертвами толпы, вооружились и собрались в доме Джеймса Уилсона — защитника тори и одного из главных критиков политики регулирования цен. Когда толпа проходила мимо дома Уилсона, расположенного на углу 3-й улицы и улицы Уолнат, прогремели выстрелы. Несколько человек были убиты и многие «тяжело ранены».

В то время как некоторые историки утверждают, будто виновником «форт-уилсонского бунта» была злобная «толпа» солдат милиции, которая жестоко расстреливала ни в чем не повинных граждан, Джон А. Александер в своем великодушном труде, посвященном этому вопросу, доказывает, что «перестрелка между милицией и жителями Форт-Уилсона завязалась уже после того, как большинство солдат милиции миновали дом [Джеймса Уилсона]. Это свидетельствует о том, что в действительности никакого плана нападения на дом не существовало». Более того, Александер считает этот инцидент наглядной иллюстрацией утверждений таких историков, как Джордж Руде, Эдвард П. Томпсон, Эрик Хобсбом и их последователи. Они заявляют, что народные восстания, происходившие до появления промышленности во Франции, Англии и Америке, были сознательно организованы бунтовщиками для решения специфических экономических, политических и социальных проблем и удовлетворения нужд и чаяний участвовавшей в них толпы. Александер делает, в частности, следующие выводы: 1) недовольство солдат милиции, психологическое, политическое и экономическое, было законным и широким по своему характеру; 2) милиция и участники городских собраний верили в революционный принцип того, что граждане имеют право сами покончить с несправедливостью, что либо не собиралось, либо не могло сделать

правительство; 3) милиция, не обладавшая эффективной экономической и политической властью, была вынуждена прибегнуть к принуждению, чтобы добиться своих целей, и 4) милиция, испробовав все другие средства, обеспечив должную организацию и заранее все спланировав, вышла на улицы как целеустремленная организация, удерживавшая своих вспыльчивых членов и разрушительные тенденции³⁶. Если же учесть, что милиция состояла из мелких ремесленников, поенщиков и рабочих (об этом Александер не упоминает), становится очевидным, что она добивалась удовлетворения не только своих конкретных требований, но и решения проблем большинства рабочего класса Филадельфии.

Для восстановления законности и порядка был вызван кавалерийский эскадрон, который арестовал и бросил в тюрьму 27 солдат милиции. Однако консервативные филадельфийцы были убеждены, что события 4 октября — лишь начало выступлений тех, кто жил в нищете. «Да поможет нам бог — страшные времена!» — воскликнул кто-то. «Бедные здесь голодают и восстают, чтобы положить этому конец. Многие бегут из города, опасаясь возмездия»³⁷.

Но ничего подобного не случилось. Во-первых, потому, что никаких мер в отношении замешанных в этом инциденте принято не было. Во-вторых, потому, что между должностными лицами Пенсильвании и солдатами милиционной армии было достигнуто соглашение, в котором предусматривалось, что милиция выберет одного капитана и двух солдат от каждого батальона, которые будут «доводить их жалобы до сведения ассамблеи». Вслед за этим совет и ассамблея приняли срочные меры по предотвращению новых выступлений бедняков. Признавая, что «бедные жители города живут в большой нищете из-за высоких цен на муку», совет обратился к ассамблее с просьбой распределить 100 баррелей муки. При распределении «предпочтение» следовало отдавать «семьям, выполнявшим соответствующие обязанности в милиции»³⁸.

11 октября, после консультаций с делегатами милиции, ассамблея приняла закон, касавшийся одной из главных причин их недовольства. Она отменила единый штраф в размере 100 фунтов за уклонение от службы в милиции и постановила, что в дальнейшем размер штрафа

будет определяться с «учетом состояния виновного и соответствующих обстоятельств». Любой человек мог быть подвергнут штрафу до тысячи фунтов, но не менее 100 фунтов, «за исключением случаев недееспособности или несостоятельности»³⁹.

Совет и ассамблея, сделав также суровое предупреждение купцам и торговцам Филадельфии, призвали их извлечь урок из инцидента в Форт-Уилсоне и, избегая махинаций с ценами, не допускать никаких восстаний в будущем⁴⁰. Это предупреждение приостановило практику монополизации, но лишь временно. В феврале 1780 года в Филадельфии собрался конвент, в котором приняли участие многие штаты, однако он не сделал ничего для «предотвращения монополизации и угнетения». Купцы всех штатов, в том числе, разумеется, и Филадельфии, сразу поняли намек. Когда шум о контроле над ценами утих, махинации с ценами не только возобновились, но еще больше усилились, и рабочие, таким образом, оказались во власти и своих нанимателей, и монополистических купцов и торговцев⁴¹.

Несмотря на страдания рабочего класса на протяжении почти всего периода войны, англичанам и их союзникам — тори так и не удалось склонить его выступить против революции. Они распространяли литературу, в которой уверяли рабочих, что отказ от дела Америки «принесет прочный мир и немедленное вознаграждение взамен неопределенности и нищеты, которые в противном случае ожидают их». Некоторые рабочие действительно капитулировали, однако более типичной была реакция балтиморского клуба вигов, членами которого являлись матросы, часовщики, портные и сапожники. В 1777 году они приказали Уильяму Годдарду, печатнику из числа тори, «к утру покинуть город, а в трехдневный срок — страну», или в противном случае «он вызовет негодование легиона». В ответ Годдард стал подсмеиваться над скромными профессиями членов клуба, пренебрежительно заявляя, как человек, способный лишь «чинить башмаки», осмеливается наводить порядок в стране. После того как ему было предложено лично явиться в комитет, он решил, что лучше ему покинуть Балтимор⁴².

В другом случае британскому командующему Г. Клинтону стало известно, что 11-й пенсильванский полк, в котором было много филадельфийских рабочих, грозитя

поднять мятеж, поскольку «почти за двенадцать месяцев они не получили ни доллара жалованья» и их семьи голодали. Клинтон направил солдатам заманчивые послания и представителей для ведения переговоров. Однако его эмиссарам пришлось плохо. Некоторые из них были схвачены солдатами и повешены. В течение пяти дней их тела раскачивались на ветру в назидание тем, кто усомнился в преданности рабочих революции⁴³.

Одна из причин недовольства рабочих, служивших в 1-й артиллерийской роте Филадельфийской милиции, состояла в том, что богачи — противники Америки укрывались в Филадельфии. По настоянию милиции ассамблея приняла закон, лишивший этих людей возможности «сеять неприязнь» или «пользоваться такой же свободой, какой пользуются добропорядочные граждане этого общества, доказавшие свою приверженность общему делу». Тот или иной человек, считавшийся «врагом дела Америки», мог быть задержан без права освобождения под залог до рассмотрения дела ассамблеей или выслан по усмотрению должностных лиц за пределы штата⁴⁴. Добившись улучшения положения дел на «домашнем» фронте, рабочие в милиции сражались за дело Америки вплоть до своей мобилизации в 1783 году.

Томас Пейн во второй своей брошюре, «Кризис», написанной для поднятия морального духа солдат и гражданского населения, показал необычайное превосходство революционной армии, несмотря на ее бесконечные поражения. Еще в 1777 году он предсказывал, что британской армии не удастся завоевать колонии:

Подобно игре в шашки, мы можем сойти с *одного* поля и позволить вам его занять с тем, чтобы после занять два или три поля за это одно... Во всех войнах, к которым вы прежде имели отношение, вам приходилось сражаться только с армиями; в данном случае вам приходится сражаться как с армией, так и со всей страной.

Англичане, утверждал он, могут захватить американские города, но им никогда не удастся покорить сельские районы⁴⁵.

После сдачи в плен в Йорктауне в 1781 году армии английского генерала Корнуэллеса англичане наконец убедились, что никакие людские жертвы и деньги не

помогут им завоевать Америку. В феврале 1782 года палата общин проголосовала за прекращение военных действий, и в Парижском договоре 1783 года была официально признана независимость Америки. Так в 1783 году заняла свое место среди государств мира рожденная в революции Американская республика — независимое государство, освобожденное от имперских уложений, получившее свободу определять свое будущее, организовывать, расширяться и строить, не подчиняясь никакой иностранной власти.

Американские рабочие могли гордиться таким исходом. Мастерские, мелкие ремесленники, матросы и рабочие были движущей силой, оказывавшей давление снизу в целях организации активного сопротивления политике Британии; они были одними из первых поборников независимости. Хотя некоторые рабочие и сотрудничали с англичанами, большинство, невзирая на трудности и нищету, оказывали эффективную помощь делу патриотов, либо сражаясь в вооруженных силах, либо участвуя в гражданском производстве. В течение всего революционного периода и войны рабочий класс находился на переднем крае борьбы как за самоуправление, так и за определение того, кто должен править в стране.

Что же принесла рабочему классу эта двойная борьба? Ответы историков на этот вопрос противоречивы. Некоторые решительно утверждают, что революция еще больше укрепила экономическую и политическую власть колониальных купцов, собственников и плантаторов и ослабила власть рабочих; что в таких городах, как Нью-Йорк, Филадельфия и Чарлстон, многие известные купцы, лоялисты или по крайней мере «нейтраллисты», сумели после войны вернуть себе власть, в то время как городские ремесленники и рабочие, поддерживавшие революцию, в известном смысле были по-прежнему лишены ее; что угнетенное положение женщин еще более усугубилось в связи с их исключением из сферы действия Декларации независимости; что революция ускорила тенденцию к консолидации богатства и ухудшению жизни низших классов и что в целом низшие классы оказались обделенными.

В 1827 году эту точку зрения подтвердил рабочий, назвавшийся «непросвещенным мастерским», в своей речи перед мастерами и трудящимися города и графств-

ва Филадельфии. Этот рабочий, как полагают, Уильям Хейтон — двадцатисемилетний сапожник, работавший в Филадельфии, утверждал, что, хотя революционные ремесленники, мастеровые и рабочие пролили свою кровь и отдали свои жизни ради сохранения своих «неотъемлемых прав на жизнь, свободу и счастье», тем не менее их потомки, живущие в джексоновскую эпоху, не получили за их жертвы никакого вознаграждения: «Каждый искренний и мыслящий человек должен признать, что рабочий класс нашей страны не имеет никаких прав на свободу и равенство». В подтверждение этого «непросвещенный мастеровой» привел следующие доводы:

Если бы класс, производящий материальные ценности (рабочий класс), заявил о своих правах на заре нашей национальной свободы и сохранил их неприкосновенными и по сей день, мы бы не оказались в таком плачевном положении, как сейчас. Однако, поскольку рабочие хотели узнать о своих правах и власти, они попали под контроль людей более опытных, тех, кто присвоил себе право установить законы, которые и обрекли рабочий класс на нищету. Из-за стремления наших предшественников к знаниям им пришлось отказаться от своих прав в пользу класса, не производящего материальных ценностей, но занятого накоплением богатства, и тем самым обречь себя на деградацию и угнетение, которые они передали по наследству нам и которые будут все более углубляться и ужесточаться до тех пор, пока мы не получим информацию, необходимую для того, чтобы потребовать и получить эти права ⁴⁶.

Другие историки утверждают, что выступление городских рабочих в эпоху революции на политической арене породило необратимую тенденцию; что война сразу же привела к расширению демократических прав и рабочий класс получил как скорые, так и перспективные выгоды; американская война уничтожила большую часть пережитков феодализма и освободила американский капитализм от меркантилистского контроля; независимость создала основу для расширения американской демократии и условия для экономического роста, что отвечало широким интересам как черных, так и белых рабочих ⁴⁷.

Многие рабочие действительно сразу же получили выгоды от революции, другие получали их в течение более длительного времени. Тысячи законтрактованных рабочих обрели свободу, вступив добровольцами в армию, и торговля ими прекратилась в годы войны. На митинге 24 января 1784 года граждане Нью-Йорка требовали прекратить «торговлю белыми людьми, разрешенную в этом штате тогда, когда он находился под деспотичным управлением британского правительства», ибо такая торговля противоречила «идее свободы, которую с такой радостью установила страна». Однако вопреки этому призыву ввоз рабочих возобновился после войны с новой силой; в частности, число рабочих, ввезенных из Германии и Ирландии, почти достигло уровня довоенных лет. Однако в конечном итоге, отчасти благодаря революции, контрактное рабство перестало существовать⁴⁸.

Хотя система рабского труда была окончательно уничтожена в ходе кровопролитной Гражданской войны почти 100 лет спустя, Война за независимость все же обеспечила некоторые завоевания и черному населению. Многие из тех, кто служил в американских или британских войсках, добились свободы. Другие получили ее в результате принимавшего все более широкие масштабы освобождения от хозяев, происходившего под влиянием идей революции. И наконец, благодаря главным образом этим идеям (хотя свою роль сыграло и враждебное отношение белых рабочих к конкуренции со стороны черных рабов) к 1804 году во всех северных штатах и на всей северо-западной территории рабство было упразднено. Отмена рабства произошла либо в результате немедленной эмансипации, как в Вермонте, Нью-Хэмпшире и Массачусетсе, либо в результате постепенного освобождения, как в других штатах. Дети, рожденные матерями-рабынями, получали свободу по окончании периода ученичества, продолжавшегося от 18 до 28 лет, в течение которых рабовладельцы использовали их бесплатный труд⁴⁹.

Американская революция изменила отношения между предпринимателями и наемными работниками. Еще в 1773 году Джонатан Буше, священник-тори, отмечал, что:

Ни предприниматели, ни наемные работники, к их большому стыду и неудобству, более не испытывают друг к другу никакой привязанности и сер-

дечности; трудящиеся классы, вместо того чтобы почитать богатых как своих заступников, покровителей и благодетелей, теперь взируют на них как на значительно выросших великанов, которым они совершенно не считают для себя зазорным причинять зло⁵⁰.

Война за независимость увеличила пропасть между предпринимателями и рабочими. Во время войны предъявлялось меньше требований к качеству продукции и больше к ее количеству, в результате чего небольшие мастерские, в которых работал и зачастую был единственным хозяином отдельный предприниматель, стали уступать место первым заводам. В газетах появились объявления о «медных оружейных заводах», или «континентальных заводах». Газеты сообщали также, что в тех случаях, когда не требовались рабочие высокой квалификации, владельцы заводов нанимали женщин (особенно на текстильных фабриках), военнопленных, бедняков и других неквалифицированных рабочих⁵¹. Как отмечает Ричард Б. Моррис,

Появление завода, переход от выполнения индивидуальных заказов к выполнению оптовых заказов и концентрация рабочих в некоторых расширявшихся отраслях содействовали более глубокому классовому расслоению. Этот период характеризовался сокращением системы ученичества; неопытный рабочий начал непосредственно конкурировать с квалифицированными поденщиками, поскольку посредник противопоставлял теперь одного владельца другому, размещая заказы у того предпринимателя, у которого себестоимость товаров была ниже⁵².

Хотя положение одних рабочих после революции улучшилось, а положение других осталось без изменений, классовое сознание и тех и других выросло, и они могли теперь яснее излагать свои требования. Тысячи представителей рабочего класса, приобретшие опыт десятилетнего выступления на политической арене и семилетнего участия в войне, были вовлечены в американское рабочее движение. Само же американское рабочее движение возникло в результате как освобождения американской экономической жизни от пут британской мерканти-

листской политики, так и углубления пропасти между предпринимателями и рабочими в годы войны.

Рабочие Америки накопили в период революции ценный опыт. «Сыны свободы» научили их ценить коллективные выступления и боевую сплоченность, а благодаря корреспондентским комитетам они поняли важность установления тесных контактов с рабочими других городов и стран. Участвуя в деятельности неофициальных органов, они научились объединять усилия со своими союзниками для достижения общих целей, а при необходимости и выступать в качестве независимой политической силы. И наконец, они научились отвергать мнение высших классов о том, что рабочие-де должны подчиняться так называемым «лучшим» людям, и научились отстаивать свое право на активное участие в решении национальных вопросов.

Короче говоря, Американская революция коренным образом изменила будущее американского рабочего класса. В непрекращающейся борьбе американских рабочих за установление более справедливого социального порядка она явилась важной вехой.

Революция оказала также мощное влияние на последующие поколения американских рабочих. Отцы революции, писала газета «Уоркинмэн'с эдвокэт» 31 октября 1829 года, призывая к созданию рабочей партии, «обеспечили форму правления, которая гарантирует вам почти всеобщее избирательное право... Обладая правами свободных людей, вы пользуетесь ими, как привилегиями рабов... Так пробудитесь же от спячки и не оскорбляйте память героев 1776 года, демонстрируя миру, что вы не считаете нужным сохранять то, ради чего они рисковали своими жизнями, своим состоянием и своей священной честью».

В июне 1836 года Союз поденных сапожников Филадельфии в ответ на предупреждение предпринимателей о том, что они не станут нанимать на работу сапожников, состоявших в какой-либо рабочей организации, заявил:

Именно нам принадлежит исключительное право решать, к какой организации мы будем принадлежать. Оно завещано нам нашими предками, изнуренными тяжким трудом ветеранами 76-го года, которые окропили землю своей кровью, защищая ра-

венство прав и привилегий, которыми мы, их потомки, можем пользоваться свободно и беспрепятственно потому, что они были добыты их кровью⁵³.

В 1835 году филаделфийские рабочие объявили первую в американской истории всеобщую забастовку, требуя установления 10-часового рабочего дня, чего они и добились, предварительно опубликовав циркулярное письмо, в котором говорилось: «*Кровью наших отцов*, пролитой на полях сражений революционной войны, мы требуем прав американских граждан, и никакая сила на земле не может безнаказанно противиться нашему справедливому требованию»⁵⁴. В 1846 году рабочие-текстильщики Новой Англии пытались провести всеобщую забастовку с требованием установления с 4 июля 10-часового рабочего дня, провозгласив его «вторым Днем независимости», однако их попытка оказалась безуспешной⁵⁵. «Какое отношение 10-часовой рабочий день имеет к этому дню?» — спрашивал один из рабочих Новой Англии. «Самое прямое; это требование является составной частью Декларации независимости, ибо связано с «достижением счастья». Труд, продолжающийся целый день, не может дать счастья, и поэтому сочетание стремления рабочих ограничить бесконечный рабочий день десятью часами с Днем 4 июля вполне закономерно»⁵⁶.

Айра Стюард, сторонница установления 8-часового рабочего дня, начала одну из кампаний по осуществлению этой цели во время празднования 4 июля в Чикаго в 1878 году, заявив, что «никакие другие два слова не будут звучать вместе так часто, как «4 июля» и «восемь часов». В резолюции участников митинга отмечалось, «что 4 июля празднуется уже 100 лет как символ свободы, мы отмечаем этот день сегодня во имя достижения великой экономической цели — повсеместного введения 8-часового или даже более короткого рабочего дня для наемных рабочих»⁵⁷.

Знаменитая забастовка 1860 года сапожников в Линне (штат Массачусетс) началась в день рождения Джорджа Вашингтона, и ее участники объявили празднование этого дня «священным в память одного из самых видных людей, которые когда-либо существовали на земле»⁵⁸. Во время крупной забастовки железнодорожников 1877 года один радикально настроенный массачусетский

священник назвал забастовщиков «прямыми потомками Сэмюэля Адамса, Джона Хэнкока и массачусетских поменов, начавших столь крупные выступления 100 лет назад... Разница лишь в том, что нынешние короли — это денежные короли, а раньше они были политическими королями»⁵⁹.

Матушка Джонс начала свой знаменитый «марш фабричных детей» 4 июля 1903 года с площади Независимости в Филадельфии, где они собрались под сенью Колокола свободы. Забастовщики — покалеченные и изувеченные дети с кенсингтонских заводов в возрасте от 9 до 11 лет — прошли по городам штатов Нью-Джерси и Нью-Йорк; впереди шли трое детей, одетые в форму революционных солдат, олицетворяя собой «Дух 76-го года». Группа подошла к загородному дому президента Рузвельта в Ойстер-Бей (штат Лонг-Айленд), и, хотя президента «не оказалось дома», благодаря этому маршу борьба рабочих против использования детского труда получила широкое освещение в газетах⁶⁰.

Многие поколения американских рабочих праздновали День 4 июля как *свой* день. Эта традиция возникла в 90-х годах XVIII века, когда первые профсоюзы сапожников, печатников, бондарей, плотников и рабочих других профессий официально присоединились к демократическо-республиканскому обществу в общинах и провозглашали тосты «за 4 июля! Пусть оно всегда служит для всех угнетенных напоминанием об их праве восстать и утвердить свои права»⁶¹.

В 1794 году на обеде, посвященном Дню 4 июля, Всеобщее общество мастеровых и ремесленников провозгласило тост за «республиканские общества города Нью-Йорка». На следующий год оно приняло приглашение демократического общества отметить День независимости вместе с этим обществом, обществом Таммани (другим республиканским клубом) и профессиональным союзом бондарей. Специальный комитет разработал подробную программу празднования, проводившегося с тех пор ежегодно. Оно начиналось с торжественного посещения церкви, где перед кафедрой располагались офицеры милиции, справа от прохода в центре — мастеровые, слева — демократы, а неподалеку, по обеим сторонам прохода, — члены общества Таммани и бочары. На церемонии празднования зачитывали Декларацию независимости, после чего

с речью выступал один из республиканских лидеров. Вечером группы, каждая в отдельности, устраивали ужин, провозглашали в честь друг друга тосты и обменивались делегациями⁶².

Примеру Нью-Йорка последовали и другие города; профсоюзы и демократическо-республиканские общества превратили День независимости в республиканское празднество. Как писал один из современников, этот день отмечался «более широко, чем многие годы прежде»⁶³.

К 20-м и 30-м годам XIX века День 4 июля превратился в праздник рабочего класса. Этот день стал днем парадов, банкетов и празднеств — днем борьбы за возрождение духа 76-го года, за утверждение требований рабочего класса, за изменение Декларации независимости в целях восстановления прав, «отнятых у нас» предпринимателями⁶⁴, днем, когда произносились тосты, подобные следующему: «Рабочие — законные дети 76-го года; их предки завещали им свободу и равенство. Теперь они уже взрослые и делают все, чтобы гарантировать неизменность принципов революции»⁶⁵. Великие революционные идеалы — право на жизнь, свободу и счастье — побуждали рабочих добиваться увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий труда. Жертвы, принесенные их революционными предками, вдохновляли рабочих в XIX веке на борьбу за большую долю материальных благ, созданных их руками.

В опубликованной в 1876 году «Рабочей песне независимости», имевшей подзаголовок «Наша рожденная 100 лет назад страна», Фрэнк Лоуринг писал:

Неужели мы должны теперь нарушить клятву *Свободы*?
Позволить богачам, корыстным и алчным,
Лишить рабочих их прав
И тем самым покончить с царством Свободы?
Нет! Пусть лучше восстанут все свободные граждане
И повергнут *тиранов*,
Которые пытаются разрушить все, что создала *Свобода*
100 лет назад⁶⁶.

Предисловие

¹ «An Oration Delivered before the Mechanic Apprentices' Library Association, July 4, 1835». Boston, 1835, p. 11.

² Frederic Saunders, editor. Our National Jubilee. Orations, Addresses, and Poems Delivered on the Fourth of July 1876, in the Several States of the Union. New York, 1877, p. 264.

³ Опубликовано в: Herbert M. Morais. Artisan Democracy and the American Revolution. «Science and Society», 6 Summer 1942 228.

⁴ См., например: Richard Walsh. Charleston's Sons of Liberty: A Study of the Artisans, 1763—1789. Columbia, S. C., 1959; Roger J. Champagne. The Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics, докторская диссертация. Висконсинский университет, 1960; Staughton Lynd. The Revolution and the Common Man: Farm Tenants and Artisans in New York Politics 1777—1788, докторская диссертация. Колумбийский университет, 1962; Jesse Lemisch. Jack Tar vs. John Bull: The Role of New York's Seamen in Precipitating the Revolution, докторская диссертация. Йельский университет, 1962; Charles S. Olton. Philadelphia Artisans and the American Revolution, докторская диссертация. Калифорнийский университет, Беркли, 1967; Richard A. Ryerson. Leadership in Crisis, The Radical Committees of Philadelphia and the Coming of the Revolution in Pennsylvania, 1765—1776: A Study in the Revolutionary Process, докторская диссертация. Университет Джона Гопкинса, 1972; Dirk Hoerder. People and Mobs: Crowd Action in Massachusetts During the American Revolution, 1765—1780, докторская диссертация. Свободный университет, Берлин, 1971; Steven J. Rossurm. That They Were Grown Unruly: The Crowd and Lower-Classes in Philadelphia, 1765—1780. Диссертация на степень магистра. Университет Северного Иллинойса, 1974.

Некоторые из этих авторов резюмировали отдельные аспекты своих докторских диссертаций в статьях, опубликованных в научных журналах. См.: Staughton Lynd. The Mechanics in New York Politics. 1774—1788. «Labor History», 5, Fall 1964, 224—246; Jesse Lemisch. Jack Tar in the Streets: Merchant Seamen in the Politics of Revolutionary America. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 25 (July 1968), 371—407; Charles S. Olton. Philadelphia's Mechanics in the First Decade of Revolution, 1765—1775. — «Journal of American History», 59 (September 1972), 311—326; R. A. Ryerson. Political mobilization and the American Revolution: The Resistance Movement in Philadelphia, 1765—1776. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 31 (October 1974), 565—588. Антология «Towards a New Past: Dissenting Essays in American

History» (New York, 1968), под редакцией Бартона Бернштейна; в антологию входит важная статья Джессе Леммиса «The American Revolution Seen from the Bottom Up», p. 3—45. Важные разделы докторской диссертации Роже Шампانيا опубликованы в его «The Military Association of the Sons of Liberty». — «New York Historical Society Quarterly», 51 (July 1957), 344—360; «New Radicals and the Coming of Independence». — «Journal of American History», 2 (June 1964), 21—42 and «Liberty Boys and Mechanics in New York City, 1765—1774». — «Labor History», 8 (Spring 1967), 123—135. (Однако в двухтомнике, насчитывающем 900 страниц, нет ни одного упоминания о трудящихся — рабочих, ремесленниках, мастеровых, матросах.) «A History of the American Revolution» by Page Smith. New York, 1976. См. также Israel Shenker. Historians Still Debating the Meaning of the American Revolution. — If it was a Revolution. — «New York Times», July 6, 176, p. 13.

Для доказательства того, что ни одно произведение из огромной массы литературы, ставящей под сомнение историческую интерпретацию сторонниками «теории единодушия» структуры колониального общества и роль мастеровых и ремесленников в Американской революции, не оказало ни малейшего реального влияния хотя бы на одного из историков, придерживавшихся этой теории, см.: Robert E. Brown's Review of Charles S. Olton. Artisans for Independence: Philadelphia Mechanics and the American Revolution (Syracuse, New York, 1975) в «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 100 (April 1976), 263—265.

⁵ Daniel J. Boorstin. The Genius of American Politics (Chicago, 1953); Bernard Bailyn, The Ideological Origins of the American Revolution (Cambridge, Mass., 1967); Bernard Bailyn, editor, Pamphlets of the American Revolution, 1750—1776 (Cambridge, Mass., 1955); The Revolution in Massachusetts, 1691—1780 (Cambridge, Mass., 1955); Robert E. Brown. Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1780 (Ithaca, New York, 1955); Robert E. Brown. Virginia 1705—1786; Democracy or Aristocracy? Cambridge, Mass., 1964.

Глава 1

¹ Carl Bridenbaugh. Cities in Revolt: Urban Life in America, 1743—1776. New York, 1955, p. 283; Benjamin W. Labaree. Patriots and Partisans: The Merchants of Newburyport, 1764—1815. Cambridge, Mass., 1962, p. 4—5.

² Milton M. Klein. Democracy and Politics in Colonial New York. — «New York History», 40 (1959), 221—223; Olton. Philadelphia Mechanics in the First Decade of the Revolution, 1765—1775; p. 316.

³ Alfred Young and Staughton Lynd. After Carl Becker: The Mechanics and New York City Politics, 1774—1801. — «Labor History», 5 (Summer 1964), 217—218; Carl Bridenbaugh. The Colonial Craftsman. New York, 1955, p. 155; Carl Bridenbaugh. Cities in Revolt, p. 283—286; Mary Roys Baker. Anglo-Massachusetts Trade Union Roots, 1730—1790. — «Labor History», 14 (Summer 1973), 352.

⁴ Bridenbaugh. *Colonial Craftsman*, p. 155.

⁵ Young and Lynd. *Op. cit.*, p. 218.

⁶ Esther Forbes. *Paul Revere and the World He Lived in Boston*, 1942, p. 371—373, 396, 400, 458—459.

⁷ Richard Walsh. *The Charleston Mechanics: A Brief Study, 1760—1776*. — «*South Carolina Historical Magazine*», 60 (1959), 136.

⁸ *Ibid.*, p. 123.

⁹ Champagne. *The Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics*, p. 3—5.

¹⁰ «*Account of the Grand Federal Procession in Philadelphia*». — «*American Museum*», 4 (July 1788), 57—75.

¹¹ «*New York Packet*», August 5, 1788.

¹² James A. Henretta. *The Evolution of American Society, 1700—1815*. Lexington, Mass., 1973, p. 105—106.

¹³ Richard B. Morris. *The American Revolution Reconsidered*. New York, 1967, p. 129. Олтон (*op. cit.*, p. 129) отвергает это утверждение, но приводит мало данных, которые могли бы его опровергнуть.

¹⁴ Victor S. Clark. *History of Manufacturing in the United States, 1607—1860*. Washington, D. C., 1916, p. 162.

¹⁵ Bridenbaugh. *Colonial Craftsman*, p. 129; Richard B. Morris. *Government and Labor in Early America*. New York, 1946, p. 42.

¹⁶ Morris. *Government and Labor in Early America*, p. 40; Oscar T. Barck. *New York City During the War for Independence: With Special Reference to the Period of British Occupation*. New York, 1931, p. 140.

¹⁷ Philip S. Foner. *History of the Labor Movement in the United States (New York, 1947)*, I, p. 14—24.

¹⁸ Abbott Emerson Smith. *Colonists in Bondage: White Servitude and Convict Labor in America, 1607—1776*. Chapel Hill, N. C., p. 28.

¹⁹ Philip S. Foner. *History of Black Americans: From Africa to the Emergence of the Cotton Kingdom*. Westport, Conn., 1975, p. 104—112, 118—210.

²⁰ Philip S. Foner. *Organized Labor and the Black Worker: 1619—1973*. New York, 1974, p. 3—4.

²¹ Foner. *History of the Labor Movement*, I, p. 20; Jesse Lemisch. *Jack Tar vs. John Bull: The Role of New York Seamen in Precipitating the Revolution*. p. 2—3; Lawrence W. Townner. *A Good Master Well Served, A Social History of Servitude in Massachusetts, 1620—1750*, докторская диссертация. Северо-Восточный университет, 1955, p. 64—68; Lawrence W. Townner. *The Indentures of Boston's Poor Apprentices: 1734—1805*. — «*Publications of the Colonial Society of Massachusetts*», 43 (1956—1963), p. 417—434.

²² Jackson Turner Main. *The Social Structure of Revolutionary America* Princeton, N. J., 1965, p. 69; Marcus W. Jerne-gan. *Laboring and Dependent Classes in Colonial America*. Chicago, 1931, p. 54; Foner. *History of Black Americans*, p. 194—202.

²³ Sam Bass Warner, Jr. *The Private City*. Philadelphia, 1968, p. 246.

²⁴ Main. Op. cit., p. 282; Bridenbaugh, Colonial Craftsman, p. 129, 172; Harry D. Berg. The Organization of Business in Colonial Philadelphia. — «Pennsylvania History», 10 (July 1943), 159.

²⁵ Main. Op. cit., p. 298—299; Bridenbaugh. Colonial Craftsman, p. 174—175.

²⁶ Philip S. Foner, editor. The Complete Writings of Thomas Paine. New York, 1945, I, p. 203; Benjamin Franklin. The Internal State of America, edited by Verner W. Crane. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 15 (1958), 225; Morris. Government and Labor in Early America, p. 44—45.

²⁷ Main. Op. cit., p. 132—133; Steven J. Erlanger. The Colonial Worker in Boston, 1775. «U. S. Department of Labor, Bureau of Labor, Statistics, New England Regional Office». — «Regional Report», 75—2, 1975, p. 7—8; Morris. Government and Labor in Early America, p. 59, 65, 78—79, 81.

²⁸ Morris. Government and Labor in Early America, p. 47—48. — «U. S. Bureau of Labor Statistics», Bulletin 49, p. 50—51; Talcott Williams. Labor a Hundred Years Ago. New York, 1887, p. 9; The arts and Crafts in New York, 1726—1776. — «New York Historical Society Collections». New York, 1936, p. 235.

²⁹ Lemisch. Jack Tar vs. John Bull. p. 252; Samuel J. McKee. Jr. Labor in Colonial New York, 1664—1776. New York, 1935, p. 11—12; Leonard Lundlin. Cockpit of the Revolution. Princeton, N. J., 1940, p. 27.

³⁰ Joseph G. Rayback. A History of American Labor. New York, 1966, p. 21.

³¹ James A. Henretta. Economic Development and Social Structure in Colonial Boston. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 22 (January 1965), 85—92; Allan Kuleffoff. The Progress of Inequality in Revolutionary Boston. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 28 (July 1971), 376; Dirk Hoerder. People and Mobs: Crowd Action in Massachusetts During the American Revolution, 1765—1780. Berlin, 1971, p. 54.

³² John A. Alexander. «Philadelphia's «Other Half»: Attitudes Toward Poverty and the Meaning of Poverty in Philadelphia, 1760—1800», докторская диссертация, Чикагский университет, 1973, p. 33, 136—137, 153—165; Henretta. Evolution of America Society, p. 105—106. Чтобы получить представление о нищете, дарившей в Филадельфии в более ранний период, см.: Peter J. Parker. Rich and Poor in Philadelphia, 1709. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 99 (January 1975), 3—17; Gary B. Nash. Poverty and Poor Relief in Pre-Revolutionary Philadelphia. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 33 (January 1976), 28.

³³ Douglas Lamar Jones. The Strolling Poor: Transiency in Eighteenth Century Massachusetts. — «Journal of Social History» (Spring 1975), 41—42.

³⁴ Foner. Organized Labor and the Black Worker, p. 4.

³⁵ Bridenbaugh. Colonial Craftsman, p. 201. О протестах южных рабочих против применения рабского труда негров см.: Yates Snowden. Notes on Labor Organization in South Carolina, 1742—1861. Columbia, S. C., 1914, p. 7; Allen D. Chandler, editor. The Colonial Records of Georgia. Atlanta, 1908, V, p. 378—379.

³⁶ Walsh. Op. cit., p. 136—137; Richard B. Morris. Labor and Mercantilism в: Richard B. Morris, editor. The Era of

the American Revolution. New York, 1939, p. 80—81; Baker. Op. cit., p. 364.

³⁷ Morris. Government and Labor in Early America, p. 164—169; Miller. Op. cit., p. 275.—«Pennsylvania Chronicle and Universal Advertiser», March 27, 1769; «U. S. Bureau of Labor Statistics», Bulletin 499, p. 10; Foner. History of Labor, I, p. 25.

³⁸ Jonathan Grossman. Wage and Price Controls During the American Revolution.—«Monthly Labor Review», 96 (September 1973), 3—9.

³⁹ Norman J. Ware. Labor in Modern Industrial Society New York, 1935 p. 8; Herbert Harris. American Labor. New Haven, Conn., 1938, p. 5n; Morris. Government and Labor in Early America, p. 142n.

⁴⁰ McKee. Op. cit., p. 44—45.

⁴¹ Lemisch. Jack Tar vs. John Bull, p. 61—62.

⁴² Robert F. Seyboldt. Trade Agreements in Colonial Boston.—«New England Quarterly» 2 (April 1929), 309; «Boston Weekly Newsletter», February 12, 1741.

⁴³ John R. Commons and Associates. History of Labor in the United States. New York, 1918, I, p. 25; Richard B. Morris. Criminal Conspiracy and Early Labor Combinations in New York.—«Political Science Quarterly», 52 (March 1937), 77.

⁴⁴ «New York Journal», April 7, 1768.

⁴⁵ Walsh. Op. cit., p. 134.

⁴⁶ Anglo-Massachusetts Trade Union Roots, 1130—1790.—«Labor History», 14 (Summer 1973), 352—396.

⁴⁷ «Minutes of the Common Council of New York City», V, p. 15; E. B. O'Callaghan, editor. Documents Relating to the Colonial History of the State of New York. Albany, N. Y., 1855, III, p. 16, 309, 326, 238; Marianna G. Van Rensselaer. History of New York in the Seventeenth Century. New York, 1909, I, p. 68; II, p. 219.

⁴⁸ «New York Mercury», August 7, 1758.

⁴⁹ «Georgia Colonial Records», I, p. 495.

⁵⁰ O'Callaghan, editor. Op. cit., V, p. 322; Rev. Vermilye A. G. The Leisler Troubles of 1689. New York, 1891, p. 25.

⁵¹ George W. Edwards. New York Politics Before the American Revolution.—«Political Science Quarterly», 36 (September 1921), 586—602; «New York Gazette», May 27, October 14, 1734; «New York Weekly Journal», October 14, 1734; листовка, подписанная Тимоти Уилрайтом и Джоном Чисселом, датированная 8 сентября 1734 г., и «A Song—1734», обе публикации находятся в Нью-Йоркской публичной библиотеке, в Зале редкой книги.

⁵² Edwards. Op. cit., p. 587, 593; O'Callaghan, editor. Op. cit., VI, p. 7—8.

⁵³ Albert B. Hart, editor. American History Told by Contemporaries. New York, 1898, II, p. 198.

⁵⁴ Carl Becker. The History of Political Parties in the Province of New York, 1760—1776. Madison, Wis., 1909, p. 5, 11, 22, 256, 275. См. также: A. E. McKinley. The Suffrage Franchise in the English Colonies. Philadelphia, 1905, p. 36; Arthur M. Schlesinger. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763—1776. New York, 1918; Charles H. Lincoln. The Revolution Movement in Pennsylvania, 1769—1776. Philadelphia, 1901; James T. Ruslow Adams. Revolutionary New England, 1691—1776.

Boston, 1923; Richard Hofstadter. *The Progressive Historians*. New York, 1968, p. 441.

⁵⁵ Robert E. Brown. *Democracy in Colonial Massachusetts*.—«*New England Quarterly*», 25 (1952), 291—313; Robert E. Brown. *Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1780*, p. 27—30, 401.

⁵⁶ Henretta. *Evolution of America Society*, p. 105—106.

⁵⁷ Chilton Williamson. *American Suffrage from Property to Democracy, 1760—1860*. Princeton, N. J., 1960, p. 111. Champagne. *Op. cit.*, p. 8; Michael D'Innocenzo. *Voting in Colonial New York*, диссертация на степень магистра. Колумбийский университет, 1950 г., Appendix A, p. 78.

⁵⁸ John Cary. *Statistical Method and the Brown Thesis on Colonial Democracy*.—«*William and Mary Quarterly*», 3d Series, 20 (April 1963), 257—258.

⁵⁹ Henretta. *Economic Development and Social Structure in Colonial Boston*, p. 85.

⁶⁰ Young and Lynd. *Op. cit.*, p. 223.

⁶¹ Main. *Op. cit.*, p. 156—165, 175, 193, 271, 287.

⁶² «*Rebels and Democrats: The Struggle for Equal Rights and Majority during the American Revolution* (Chicago, 1965)», p. vii—ix.

⁶³ Lemisch. *The American Revolution Seen from Bottom Up*, in Bernstein, editor. — «*Towards a New Past*», p. 8.

См. крайне резкую, но не имеющую под собой веских оснований критику статьи Леммша и действенный ответ на нее Леммша в рецензии: «*Towards A New Past by Aileen S. Kraditor*. «*American Historical Review*», 74 (1968), 529, и в письме Леммша там же, 74 (1969); 1766—1768.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Имеется несколько книг и статей, посвященных этой проблеме, но лучше всего она резюмируется и анализируется в: Gary V. Nash. *The Transformation of Urban Politics, 1700—1765*.—«*Journal of American History*», 60 (December 1973), 605—632.

⁶⁶ Jackson Turner Main. *Government by the People: The American Revolution and the Democratization of the Legislatures*.—«*William and Mary Quarterly*», 3d Series, 23 (July 1966), 397.

⁶⁷ Недавние исследования показали, что в крупнейших городах процент богатей, контролировавших национальное богатство, был еще ниже. В Бостоне, например, в 1771 году 65% материальных ценностей находились в руках 10% богатейших жителей города. В 1775 году 10% богатейших жителей Филадельфии владели более чем половиной материальных ценностей города, что в три с лишним раза превышало количество материальных ценностей, принадлежавших 10% непосредственно следовавшей за ними категории богатей. Main. *The Social Structure of Revolutionary America*, p. 22, 38—39, 43, 60—61, 112—113; Henretta. *Evolution of American Society*, p. 105—106; Henretta. *Economic Development and Social Structure in Colonial Boston*, p. 86—87.

⁶⁸ Carl and Jessica Bridenbaugh. *Rebels and Gentlemen*. New York, 1942, p. 14; «*Proceedings of the Massachusetts Historical Society*», 49 (June 1916), 454.

⁶⁹ «*Pennsylvania Gazette*», September 27, 1770.

⁷⁰ Там же. Автор, подписавшийся «Брат собратьев Чипа», попытался дать ответ «брату Чипу», но в своем письме он лишь

разоблачал попытку «убедить добрых граждан этой провинции выбирать на предстоящих выборах своими представителями мастеровых». («*Pennsylvania Chronicle*», October 1, 1770.)

Глава 2

¹ Curtis P. Nettels. *The Menace of Colonial Manufacturing, 1690—1720*. — «*New England Quarterly*», 4 (April 1931), 240—266; Clarence V. Alvord. *The Mississippi Valley in British Possessions*. Cleveland, 1917, I, p. 88—99.

² Curtis P. Nettels. *British Mercantilism and the Economic Development of the Thirteen Colonies*. — «*Journal of Economic History*», 12 (Spring 1952), 105—114.

³ John C. Miller. *Origins of the American Revolution*. — Boston, 1943, p. 23.

⁴ Clarence Edwin Carter, editor. *The Correspondence of General Thomas Gage with the Secretaries of State, 1763—1775*. New Haven, Conn. 1931—1933, II, p. 615—616; Bridenbaugh. *Colonial Craftsman*, p. 141—142. (Курсив мой. — Ф. Фонер.)

⁵ Walsh. *Op. cit.*, p. 137—138.

⁶ Marc Engal and Joseph A. Ernst. *An Economic Interpretation of the American Revolution*. — «*William and Mary Quarterly*», 3d Series, 29 (January 1972), 15—20; Anne Bezanon. *Prices and Inflation During the American Revolution: Pennsylvania, 1770—1790*. Philadelphia, 1951, p. 12.

⁷ Engal and Ernst. *Op. cit.*, p. 18—20; Lemisch. *Jack Tar vs. John Bull*, p. 53; Charles H. Lincoln. *Op. cit.*, p. 81—85.

⁸ Lemisch. *Jack Tar vs. John Bull*, p. 29, 38, 50; Joel A. Shufro. *Impressment and Economic Decline in Boston: Context for Conflict, 1740—1760* (неопубликованный доклад, прочитанный в Американской научной ассоциации в октябре 1974 года), p. 17.

⁹ Curtis P. Nettels. *Roots of American Civilization*. New York, 1938, p. 17—22; Shufro. *Op. cit.*, p. 13—16.

¹⁰ Bailin, editor. *Pamphlets of the American Revolution, 1750—1776*, I, p. 60—85.

¹¹ Douglas Adair and John A. Schutz, editors. *Peter Oliver's Origin and Progress of the American Rebellion: A Tory View*. San Marino, Calif., 1961, p. 65.

¹² Pauline Maier. *Revolutionary Violence and the Relevance of History*. — «*Journal of Interdisciplinary History*», 2, 1971, p. 130.

¹³ См., например: George Rudé. *The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730—1848*. New York, 1964; Eric Hobsbawm. *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. New York, 1959, и Eric Thompson. *The Making of the English Working Class*. New York, 1963.

¹⁴ Cp.: Edward Countryman. *The Problem of the Early American Crowds*. — «*Journal of American Studies*», 7 (April 1973), 79—80; Gordon S. Wood. *A Note on Mobs in the American Revolution*. — «*William and Mary Quarterly*», 3d Series, 23 (October 1966), 635—642; Pauline Maier. *From Resistance to Revolution*:

Colonial Radicals and the Development of American Opposition to Britain, 1765—1775. New York, 1972, p. 1—11, 24, 57—59; Arthur M. Schlesinger. Political Mobs and the American Revolution, 1765—1776. — «Proceedings, American Philosophical Society», 99 (August 1955), 243—249; Richard M. Brown. Violence and the American Revolution, в: Stephen G. Hurtz and James H. Hutson, editors. Essays on the American Revolution. Chapel Hill, N. C., 1973, p. 94—97, 117—120.

¹⁵ Allan and Katherine Day. Another Look at the Boston Caucus. — «Journal of American Studies», 5 (April 1971), 19—42; Merle Curti. Growth of American Thought. New York, 1943, p. 45; Foner. History of Labor, I, p. 28—29; Richard Hofstadter and Michael Wallace. American Violence: A Documentary History. New York, 1970, p. 109—110; Lloyd Rudolph. The Eighteenth-Century Mob in America and Europe. — «American Quarterly» 11 (1959), 447—459. Превосходным исследованием, в котором тезис Руде применяется к обстановке, существовавшей в период Американской революции, является: Dirk Hoerder. People and Mobs: Crowd Action in Massachusetts During the American Revolution 1765—1780, первоначально докторская диссертация в одном из немецких университетов. К сожалению, она все еще почти недоступна в США.

¹⁶ Lemisch. Jack Tar vs. John Bull, p. 38—47; Shufro. Op. cit., p. 17—20.

¹⁷ Lemisch Jack Tar vs. John Bull, p. 50.

¹⁸ Bailyn. Op. cit., p. 581—583. Однако Бэйлин не усматривает ничего «революционного» в «революционных толпах» в Америке и даже ставит под сомнение их «устремления, направленные на улучшение мира» (ibid., p. 581). См. критику этой точки зрения в: Jesse Lemisch. The radicalism of the Inarticulate: Merchant Seamen in the Politics of Revolutionary America, в: Alfred F. Young, editor. Dissent: Explorations in the History of American Radicalism. DeKalb, Ill., 1968, p. 56—58.

¹⁹ Peter Force, editor. American Archives, 4th Series, I, p. 432.

²⁰ J. H. Trumbull. Sons of Liberty in 1755. — «The New Englander» 35 (1913), 308—311.

²¹ Morris. Government and Labor in Early America, p. 189.

²² Джэред Ингерсолл — Томасу Фитчу, Лондон, 11 февраля 1765 г., в: F. B. Dexter, editor. The Correspondence and Miscellaneous Papers of Jared Ingersoll. — «New Haven Colony Historical Papers». New Haven, 1918, IX, p. 311.

²³ Herbert M. Morais. Artisan Democracy and the American Revolution. — «Science and Society», 3 (Spring 1952), 229—230; Edmund S. and Helen M. Morgan. The Stamp Act Crisis: Prologue to Revolution. Chapel Hill, N. C., 1953, p. 231—240; Maier. From Resistance to Revolution, Appendix, p. 297—312.

²⁴ Сэмюэля Адамса долгое время считали человеком, который играл роль кукольника, управлявшего марионетками, и подталкивал своими манипуляциями простой народ к революционным действиям. Джон Миллер в опубликованной им в 1936 г. научной биографии «Sam Adams: Pioneer in Propaganda (Boston)» охарактеризовал Адамса как человека, «превратившего недовольство американцев в революционное рвение» и «нажимавшего кнопки, которые

привели в действие бостонское городское собрание, настроив его против королевского правительства» (Boston, 1936, p. 144, 276, 342). Однако Уильям Эплтон Уильямс указывает, что Адамс не мог контролировать бостонскую организацию «Сынов свободы» в одиночку, и опровергает мнение об Адамсе как о «зачинщике беспорядков, демагоге, который стоял на углах бостонских улиц, направляя действия толпы» («Samuel Adams: Calvinist, Mercantilist, Revolutionary», «Studies on the Left», I, 1960, p. 50, 52). См. также: Stewart Beach. Samuel Adams: The Faithful Years, 1764—1776. New York, 1965, p. 78, и Pauline Maier. Coming to Terms with Samuel Adams. — «American Historical Review», 81 (February 1976), 16—18. Хотя профессор Майер опровергает тезис о том, что Адамс манипулировал простым народом, она в то же время отрицает, что он выступал в защиту независимости.

²⁵ Morais. Op. cit., p. 231—232; Philip Davidson. «Sons of Liberty and Stamp Men». — «North Carolina Historical Review», 9 (January 1932), 50—54; Herbert M. Morais. The Sons of Liberty in New York, в: Richard B. Morris, editor. The Era of the American Revolution. New York, 1939, p. 272—273; George P. Anderson. Ebenezer Mackintosh: Stamp Act Rioter and Patriot. — «Colonial Society of Massachusetts Publications», 26 (1924—1926), 15—64, 348—361; George P. Anderson. Pascal Paoli: An Inspiration to the Sons of Liberty. Ibid., p. 180—210.

²⁶ Allan and Katherine Day. Another Look at the Boston Caucus, p. 19—42.

²⁷ Alfred P. Ioung. Some Thoughts on Mechanic Participation in the American Revolution. — «Unpublished paper presented at Third Annual Conference on Early American History». — «Newberry Library». Chicago, November 1, 1974, p. 13.

²⁸ Olton. Philadelphia Mechanics in the First Decade of the Revolution, 1765—1775, p. 314n.

²⁹ Charles Francis Adams, editor. Familiar Letters of John Adams and His Wife, Abigail Adams, During the Revolution. New York, 1876, p. 149—150.

³⁰ Foner. History of Black Americans, p. 292—294.

³¹ Benson J. Lossing, Pictorial Field-Book of the Revolution. New York, 1860, I, p. 482; R. J. Burkler. The Daughters of Liberty. — «American Historical Register», 1 (1894), 29—36; «Boston Chronicle». September 28, 1769.

³² Miller. Origins of the American Revolution, p. 344; рукопись. Письмо, датированное 4 апреля 1776 г. Бостон, Род-Айлендское историческое общество.

³³ Рукопись, Бостонский корреспондентский комитет, VI, 472—473, Нью-Йоркская публичная библиотека, отдел рукописей; William Cutter. Life of Israel Putnam. New York, 1861, p. 133; R. S. Longley. Mob Activities in Revolutionary Massachusetts. — «New England Quarterly», 6 (March 1933), 98—130; Elizabeth May Blacke. Opposition to the Stamp Act in New York City, диссертация на степень магистра. Сиракузский университет, 1936, p. 38.

³⁴ H. L. Calkin. Pamphlets and Public Opinion During the American Revolution. «Pennsylvania Magazine of History and

Biography», 64 (January 1940), 30; «South Carolina Gazette». September 22, 1768.

³⁵ «A New Song — Address'd to the Sons of Liberty on the Continent of America». Плакат в библиотеке Пенсильванского исторического общества. «New Gazette», January 6, 1776; Philip S. Foner. American Labor Songs of the Nineteenth Century Urbana, see., 1975), p. 22.

³⁶ H. B. Dawson. The Sons of Liberty in New York. Poughkeepsie, N. Y. 1859, p. 76—77.

³⁷ R. W. Postgate. That Devil Wilkes. New York, 1929, p. 24—28.

³⁸ Ibid., p. 87—89, 98; George Rudé. Wilkes and Liberty. London, 1962, p. 39—43.

³⁹ Rudé. Op. cit., p. 49—56.

⁴⁰ Ian R. Christie. Wilkes, Wyvill and Reform. London, 1962, p. 33—34.

⁴¹ Rudé. Op. cit., p. 105—148, 176—184, 189—190.

⁴² Worthington C. Ford, editor. John Wilkes and Boston. — «Proceedings of the Massachusetts Historical Society», 47 (1913—1914), 190—191; D. M. Clark. British Opinion and the American Revolution. New Haven, Conn., 1930, p. 155; Philip Davidson. Propaganda and the American Revolution. Chapel Hill, N. C., 1941, p. 186—187.

⁴³ Ford. Op. cit., p. 192, 196; Bernard Bailin. The Ideological Origins of the American Revolution, p. 110—111.

⁴⁴ Ibid., p. 197.

⁴⁵ «South Carolina Gazette», April 19, 1770. См. также: Richard J. Hooper. The American Revolution Seen Through a Wine Glass. — «William and Mary Quarterly», 3rd Series, 11 (1954), 61.

⁴⁶ Jack P. Greene. Bridge to Revolution, The Wilkes Fund Controversy in South Carolina, 1769—1775. — «Journal of Southern History», 29 (February 1963), 21.

⁴⁷ Michael Kraus. America and the Irish Revolutionary Movement in the Eighteenth Century в: Richard B. Morris, editor. The Era of the American Revolution, p. 337—339.

⁴⁸ «The Magazine of History». New York, Extra № 65, XVI, 1918, p. 324.

⁴⁹ «New York Journal», June 8, 1775.

⁵⁰ Margaret Wheeler Willard, editor. Letters of the American Revolution, 1774—1776. Boston, 1925, p. 121, 216; «Newport Mercury», March 12, 1775; Glenn C. Smith. An Era of Non-Importation Associations. — «William and Mary Quarterly», 2d Series, 40 (June 1932), 94.

Глава 3

¹ Morgan. The Stamp Act Crisis, p. 28.

² R. W. Gibbes, editor. Documentary History of the American Revolution. New York, 1855, I, p. 1—12; Morgan. Op. cit., p. 88—95.

³ Boston, 1764, p. 13.

⁴ Morgan. Op. cit., p. 102—105.

⁵ «Correspondence of Thomas Gage», I, p. 81.

⁶ H. A. Cushing, editor. *The Writings of Sam Adams*. New York, 1904—1908, II, p. 201.

⁷ *Ibid.*, I, p. 59; Thomas Hutchinson. *History of the Province of Massachusetts Bay*. London, 1828, p. 120—125; «Boston Evening Post», August 19, 1765; «Boston Gazette», Supplement, September 16, 1765.

⁸ «Boston Evening Post», August 19, September 2, 1765. В «Thomas Hutchinson and the Stamp Act». — «New England Quarterly», 21 (December 1948), 459—463. Эдмунд С. Морган утверждает, что Хатчинсон был неповинен в предъявлявшихся ему обвинениях, будто он способствовал принятию закона о гербовом сборе. Но он упускает из виду то обстоятельство, что, хотя Хатчинсону была предоставлена возможность опровергнуть эти обвинения, он не воспользовался ею. Бернард Бэйлин также обходит этот факт в «The Ordeal of Thomas Hutchinson». Cambridge, Mass., 1974.

⁹ «Boston Gazette», August 26—27, 1765.

¹⁰ Miller. Sam Adams. — «Pioneer in Propaganda», p. 215.

¹¹ «Boston Gazette», November 11, 1765.

¹² *Ibid.*, December 23, 1765.

¹³ «Proceedings Massachusetts Historical Society», 60 (1923), 282; Hutchinson. *Op. cit.*, p. 140.

¹⁴ Miller. Sam Adams, p. 137; Richard D. Brown. *Revolutionary Politics in Massachusetts: The Boston Committee of Correspondence and the Towns, 1772—1774*. Cambridge, Mass., 1970, p. 23—24.

¹⁵ «Boston Gazette», Supplement, August 11, 1766.

¹⁶ «Newport Mercury», September 2, 1765.

¹⁷ Morgan. *Op. cit.*, p. 147; «Newport Mercury», October 21, 1765.

¹⁸ Morgan. *Op. cit.*, p. 151.

¹⁹ «Records of the Colony of Rhode Island», VI, p. 451—452.

²⁰ Макэверс — Барлоу Трекоттику, август 1765 г., цитируется в: *op. cit.*, p. 152.

²¹ Кэдуоллейдер Колден — сэру Уильяму Джонсону, август 1765 г., Colden Letter Books. — «New York Historical Society Collections (1918—1937)», II, p. 27. См. исследование по вопросу о деятельности Колдена в: S. B. Rolland. *Cadwallader Colden: Colonial Politician and Imperial Statesman*, докторская диссертация. Висконсинский университет, 1952.

²² «New York Gazette and Weekly Post-Boy», November 7, 1765. Ниже дается сокращенно: «New York Gazette».

²³ *Ibid.*

²⁴ O'Callaghan, editor. *Op. cit.*, VIII, p. 770.

²⁵ *Ibid.*, p. 774.

²⁶ «New York Gazette», November 7, 1765.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ Champagne. *The Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics*, p. 85.

²⁹ Lemisch. *Jack Tar vs. John Bull*, p. 106—107.

³⁰ *Ibid.*, p. 91—92; «New York Gazette», November 7, 1765.

³¹ Isaac Q. Leake. *Memoir of the Life and Times of General John Lamb* (Albany, N. Y., 1850), p. 13—14n.

³² Лемисш в: «Jack Tar vs. John Bull, p. 95—100» дает яркое описание мер, принимавшихся по отношению к Колдену, чтобы заставить его выдать марки.

³³ «New York Gazette», December 9, 1765; O'Callaghan, editor. Op. cit., VII, p. 761.

³⁴ «New York Gazette», December 26, 1765.

³⁵ Ibid., January 9, 13, February 20, 1766.

³⁶ Ibid., January 7, 1766.

³⁷ Virginia D. Harrington. The New York Merchants on the Eve of the Revolution. New York, 1935, p. 330; John Lamb Papers, 1762—1773, Folder № 21. «New York Historical Society».

³⁸ «New York Gazette», November 28, 1765.

³⁹ Champagne. The Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics, p. 92.

⁴⁰ «New York Gazette», November 28, 1765.

⁴¹ Ibid., December 27, 1765. Полностью статья опубликована в: Lemisch. Jack Tar vs. John Bull, p. 112—114.

⁴² Morgan. Op. cit., p. 162; Champagne. The Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics, p. 98; Lemisch. Jack Tar vs. John Bull, p. 120—126.

⁴³ Morgan. Op. cit., p. 120.

⁴⁴ Champagne. The Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 102—103; «New York Mercury», January 2, 1766.

⁴⁵ «New York Mercury», February 24, 1766.

⁴⁶ Irving Mark. Agrarian Conflicts in Colonial New York, 1711—1775. New York, 1940, Chapter V; Staughton Lynd. Anti-Federalism in Dutchess County New York. Chicago, 1962, Chapter III; Patricia U. Bonomi. A Factious People: Politics and Society in Colonial New York. New York and London, 1971, Chapter VI.

⁴⁷ Irving Mark and Oscar Handlin. Land Cases in Colonial New York, 1765—1767: The King vs. William Pendergast. «New York University Quarterly Review», 9 (January 1942), 183.

⁴⁸ «New York Gazette», November 7, 1765.

⁴⁹ См.: «Freedom in Arms, A Selection of Leveller Writings», edited by A. L. Morton. New York, 1976.

⁵⁰ Lynd. Anti-Federalism in Dutchess County, p. 50.

⁵¹ James and John Montross. The Montross Journals, «New York Historical Society Collections», 24 (1882), 363.

⁵² Champagne. The Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 119.

⁵³ Morais. Sons of Liberty in New York, p. 276.

⁵⁴ Robert H. Woody. Christopher Gadsden and the Stamp Act. — «Proceedings of the South Carolina Historical Association (1939), 5—6; Richard Walsh. Charleston's Sons of Liberty: A Study of the Artisans, 1763—1789. Columbia, S. C., 1959, p. 36—39.

⁵⁵ «Boston Gazette», Supplement, January 27, 1766.

⁵⁶ Robert M. Weir. The Harmony We Were Famous For: An Interpretation of Pre-Revolutionary South Carolina Politics. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 26 (October 1969), 483.

⁵⁷ Pauline Maier. The Charleston Mob and the Evolution of Popular Politics in Revolutionary South Carolina, 1765—1784 в: «Perspective in American History», IV (1970), p. 176.

⁵⁸ Woody. Op. cit., p. 9.

⁵⁹ William S. Hanna. Benjamin Franklin and Pennsylvania Politics. Stanford, Calif., 1964, p. 206; Benjamin H. Newcomb. Franklin and Galloway: A political Partnership. New Haven, Conn., 1972, p. 18—26, 84; G. B. Warden. The Proprietary Group in Pennsylvania, 1754—1764. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 26 (July 1964), 367—389.

⁶⁰ Benjamin H. Newcomb. Effects of the Stamp Act in Colonial Pennsylvania Politics. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 23 (April 1966), 257—272; John J. Zimmerman. Charles Thomson: «The Sam Adams of Philadelphia». — «Mississippi Valley Historical Review», 45 (1958): James Huston. Pennsylvania Politics, 1746—1770; The Movement for Royal Government and Its Consequences. Princeton, N. J., 1972, p. 112—116.

⁶¹ Morgan. Op. cit., p. 246—252; «Pennsylvania Journal», October 10, 1965.

⁶² «The Letters and Papers of Cadwallader Colden», New York, «State Historical Society Collections for 1923». New York, 1923, VII, 1765—1775, p. 95.

⁶³ «The Lamentation of Pennsylvania, on Account of the Stamp Act» (Philadelphia, 1765), Evans 10031. См. также: Steven J. Rossurm. That They Were Grown Unruly: The Crowd and Lower-Classes in Philadelphia, 1765—1780, p. 25; George Beid. A History of Philadelphia, 1776—1780, докторская диссертация. Висконсинский университет, 1969, p. 23—24.

⁶⁴ Бенджамин Раш-Эбенезеру Хазарду, 8 ноября 1765 г. L. H. Butterfield, editor. Letters of Benjamin Rush. Princeton, N. J., 1951, I, p. 18. Morgan. Op. cit., p. 161—162.

⁶⁵ Olton. Philadelphia Artisans and the American Revolution, p. 57—60.

⁶⁶ Charles Thomson to Messrs, Wels, Wilkinson & Co., November 7, 1765, «New York State Historical Society Publications for 1878». New York, 1878, p. 5.

⁶⁷ Francis Von A. Cabeen. The Society of the Sons of Saint Tammany of Philadelphia. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 35 (1901), 439.

⁶⁸ Алликоке — (Лэмбу?), 21 ноября 1765 г. John Lamb Papers, Box 1; Александр Макдугал — Джону Смитю в Филадельфии, 12 ноября 1765 г. Alexander McDougall Papers, оба документа хранятся в Нью-Йоркском историческом обществе.

⁶⁹ Davidson. Propaganda and the American Revolution, p. 178.

⁷⁰ «Montessor Journals», p. 242.

⁷¹ Конуэй — американским губернаторам, 24 октября 1766 г. «Boston Gazette», January 13, 1766; «Boston Evening Post», February 3, 1766.

⁷² «Sons of Liberty: New London Agreement, December 25, 1765» в: William Gordon. The History of the Rise, Progress and Establishment of the Independence of the United States of America. London, 1788, I, p. 195—198, перепечатано в: Richard B. Morris, editor. The American Revolution, 1763—1783: A Bicentennial Collection (New York, 1970), p. 114—115.

⁷³ Champagne. The Military Association of the Sons of Liberty, p. 344—347.

⁷⁴ Morgan. Op. cit., p. 202.

⁷⁵ Нью-Йоркские «Сыны свободы» — «Сынам свободы» в Бостоне и Провиденсе, 2 апреля 1766 г. John Lamb Papers, Box 1. «New York Historical Society».

⁷⁶ Champagne. The Military Association of the Sons of Liberty, p. 348—350.

⁷⁷ Джозеф Алликоке — Джону Лэмбу, 21 ноября 1765 г. John Lamb Papers, Box 1, «New York Historical Society»; Miller. Sam Adams, p. 77; Champagne. The Military Association of the Sons of Liberty, p. 346.

⁷⁸ Maier. From Resistance to Revolution, p. 77—78.

⁷⁹ Джонатан Стэрджес — Айсеку Сьерзу, 26 марта 1766 г. John Lamb Papers, Box 1. «New York Historical Society».

⁸⁰ «Newport Mercury», March 17, 1767.

Глава 4

¹ Davidson. Op. cit., p. 73.

² Morais. Artisan Democracy, p. 234.

³ «New York Gazette», May 22, 1766; «Montessor Journals», p. 368.

⁴ «Montessor Journals», p. 375.

⁵ Ibid., p. 363—384; «New York Gazette», August 14, 21, 26, 1766; Carter, editor. Gage Correspondence, I, p. 103—104; Губернатор Мур — герцогу Ричмондскому, 23 августа 1766 г.; O'Callaghan, editor. Op. cit., p. 867—868; Lemisch. Jack Tar vs. John Bull, p. 131—136; Champagne. The Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 124.

⁶ «New York Gazette», September 25, 1766.

⁷ «Сыны свободы» — Николасу Рею, 10 октября 1766 г. Leake. Life of John Lamb, p. 36—37.

⁸ Woody. Op. cit., p. 11; Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 40.

⁹ «Boston Gazette», Supplement, April 14, 1766.

¹⁰ «South Carolina Gazette», June 22, 1769.

¹¹ Ibid., March 23, 1769.

¹² Ibid., July 13, 1769.

¹³ Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 49.

¹⁴ «South Carolina Gazette», July 13, 1769.

¹⁵ Davidson. Op. cit., p. 81.

¹⁶ «New York Journal», March 23, 1769.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Плакат, Бостон, 1770 г., Портфель 37, № 2А, Библиотека конгресса, Зал редкой книги.

¹⁹ Miller. Origins of the American Revolution, p. 271.

²⁰ Davidson. Op. cit., p. 75—76.

²¹ G. B. Warden. Boston: 1689—1776. Boston, 1970, p. 241—242.

²² Maier. From Resistance to Revolution, p. 126—129, 138.

²³ «South Carolina Gazette», July 19, 21, 23, 25, 1769.

²⁴ Имена членов комитета 39 приводятся в «South Carolina Gazette» от 27 июля 1769 г. под заголовком «Esquires, Merchants, Mechanics».

²⁵ Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 50.

²⁶ Ibid., p. 51; письма вице-губернатора Булла, 12 декабря 1769 г. и 20 октября 1700 г. в: Maier. *Charleston Mob and Evolution of Popular Politics in Revolutionary South Carolina*, p. 178—179.

²⁷ «New York Journal», March 23, 1769; Champagne. *Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics*, p. 241.

²⁸ Bonomi. *A Factious People*, p. 234—235.

²⁹ См. подробные данные о выборах 1768 и 1769 гг. в: Champagne. *Liberty Boys and Mechanics of New York City, 1764—1774*, p. 123—135.

³⁰ «New York Journal», March 23, 1769.

³¹ Harrington. *New York Merchants on the Eve of the Revolution*, p. 338.

³² «Resolutions of the United Sons of Liberty», July 7, 1769, оригинал плаката находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке, Зал редкой книги; перепечатан в: Evans 11379.

³³ Harrington. *Op. cit.*, p. 341; «New York Journal», July 20, 27, 1769; Maier. *From Resistance to Revolution*, p. 154.

³⁴ Miller. *Sam Adams*, p. 201; нью-йоркские «Сыны свободы» — Филадельфийским «Сынам свободы», 11 мая 1770 г., Lamb Papers, Box 1, «New York Historical Society».

³⁵ «Сын свободы» «To the Betrayed Inhabitants of the City and Colony of New York», Нью-Йорк, 16 декабря 1769 г., копия находится в Нью-Йоркском историческом обществе.

³⁶ O'Callaghan, editor. *Op. cit.*, III, 528—532.

³⁷ «New York Journal», December 28, 1769.

³⁸ Ibid., February 15, 1770.

³⁹ Ibid., March 14—15, 1770.

⁴⁰ Maier. *From Resistance to Revolution*, p. 193; «New York Journal», March 22, 29, 1770.

⁴¹ Champagne. *Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics*, p. 235; Уильям Смит — Филипу Шуйлеру, 29 апреля 1770 г. Philip Schuyler Papers, Box 23, Нью-Йоркская публичная библиотека, отдел рукописей.

⁴² Miller. *Origins of the American Revolution*, p. 366.

Глава 5

¹ Гейдж — вице-губернатору Уильяму Дэлримплу, 8 января 1770 г. Рукописи Гейджа, американская серия, Бостонская публичная библиотека, Зал редкой книги, с. 89.

² Lemisch. *Jack Tar vs. John Bull*, p. 138—139.

³ Это изложение событий, которые привели к «битве у Голденхилла» и произошли во время этой битвы, основано на следующих источниках того времени: «New York Gazette», «Weekly Post-Boy» February 5, 1770, где содержится весьма обстоятельное описание, сделанное автором, который подписался «An Impartial Citizen». «New York Journal», January 18, 22, March 1, 1770; плакат «To the Inhabitants of the City», 22 января 1770 г.; плакат «Брутус». «To the Public», 18 января 1770 г.; плакат «The Times», февраль 1770 г.; плакат, подписанный солдатами 16-го пехотного полка (19 января 1770 г.); все они находятся в Нью-Йоркском историческом обществе. В этой дискуссии использованы следующие исторические исследования: Henry B. Dawson. *The Sons of Liberty in New York*, p. 110—117; Roger Champagne. *Sons of Liberty*

and Aristocracy in New York Politics, p. 225—229; Jesse Lemisch. Jack Tar vs. John Bull, p. 146—162; Lee R. Boyer. Lobster Backs, Liberty Boys, and Laborers in the Streets: New York's Golden Hill and Nassau Street riots. «New York Historical Society Quarterly», 57 (October 1973), 281—307.

И Лемиш, и Бойер широко освещают этот вопрос, но Лемиш проявляет в своем описании событий больше сочувствия к рабочим, чем Бойер. Хотя Бойер и признает, что недовольство конкуренцией со стороны солдат, свободных от несения службы, носило весьма реальный характер, и хотя он отвергает обвинение в том, что вся эта история была следствием сговора нью-йоркских «Сынов свободы», он склонен поддержать позицию военных властей и муниципалитета. Он не упоминает об основанном на данных Доусона и Лемиша заявлении о том, что в этом бою был убит матрос.

⁴ «New York Journal», February 8, 1770.

⁵ Dawson. Op. cit., p. 116—177.

⁶ Ibid., p. 115.

⁷ Champagne. Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics, p. 229.

⁸ См. также: «Boston Gazette and Country Journal», March 12, 1770.

⁹ Приводится в: Hiller B. Zobel. The Boston Massacre. New York, 1970, p. 45.

¹⁰ Oliver M. Dickerson. The Navigation Acts and the American Revolution. Philadelphia, 1951, p. 254—255.

¹¹ Forbes. Paul Revere, p. 133.

¹² Zobel. Op. cit., p. 4, 94, 96—102, 132.

¹³ См. там же, с. 89—90.

¹⁴ Miller. Sam Adams, p. 176.

¹⁵ John W. Shy. Toward Lexington: The Role of the British Army in the Coming of the American Revolution. Cambridge, Mass., 1969, p. 309—311.

¹⁶ См., например: Zobel. Op. cit., p. 109—110, 247; Forbes. Op. cit., p. 135—140; Miller. Sam Adams, p. 177—185.

¹⁷ Shy. Op. cit., p. 305—307.

¹⁸ Morris. Government and Labor in Early America, p. 190.

¹⁹ См. данные о событиях, которые привели к «бостонской бойне», и о самой «бойне» в: «Boston Evening Post», «Boston Gazette and Country Journal», March 12, 1770, и F. Kidder. History of the Boston Massacre, March 5, 1770 (Albany N. Y., 1870). С тех пор появилось множество описаний «бостонской бойни». Самое полное, хотя и пробританское описание в духе торя, дает Хиллер Зобел. Op. cit.

²⁰ Zobel. Op. cit., p. 303. Термин «Tory account» применяется Джессе Лемишем в его уничтожающем отзыве о книге Зобела в: «Harvard Law Review», 84 (1970), 485—504.

²¹ См.: Morris. Op. cit., p. 191—192.

²² Foner. History of Black Americans, p. 212—213.

²³ «Boston Evening Post», March 12, 1770; Zobel. Op. cit., p. 202—204.

²⁴ Oliver M. Dickerson. The Commissioners of Customs and the Boston Massacre. — «New England Quarterly», 27 (September 1954), 307—325. Дикерсон также приводит данные, свидетельствующие о том, что таможенные уполномоченные или их служа-

щие стреляли, вероятно, в толпу из окна таможи во время схватки с солдатами в ночь на 5 марта 1770 г.

²⁵ «Massachusetts Archives», 26 (1895), p. 369—370, 380—382.

²⁶ Brown. Middle-Class Democracy and Revolution in Massachusetts, 1691—1780, p. 264.

²⁷ Charles Francis Adams, editor. The Works of John Adams (Boston, 1850—1856), X, p. 252—253.

²⁸ Morais. Artisan Democracy, p. 236; Davidson. Op. cit., p. 182—183.

²⁹ Гейдж — Хиллсборо, 10 апреля 1770 г. в: Carter, editor. Gage Correspondence, I, p. 250; Колден — Хиллсборо, Colden Letter Books, II, p. 217.

³⁰ «Boston Gazette», March 9, 1772.

Глава 6

¹ Zimmerman. Charles Thomson, «the Sam Adams of Philadelphia», p. 475.

² См. «Tradesman» в: «Pennsylvania Chronicle», October 10, 1770; «A Spectator» в: «Pennsylvania Gazette», June 14, 1770; Айсек Сперз в: «New York Journal», May 10, 1770.

³ H. H. Edes. Memoir of Thomas Young в: «Publications of the Colonial Society of Massachusetts, Transactions, 1906—1907», 11, p. 28; Miller. Sam Adams, p. 217.

⁴ Champagne. Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics, p. 279.

⁵ «For Erecting and Encouraging a New Manufactory», Evans 1555.

⁶ «New York Journal», June 7, 1770.

⁷ Ibid.

⁸ «Son of Liberty», там же, June 21, 1770.

⁹ «New York Journal», June 21, 1770.

¹⁰ Ibid., July 12, 1770.

¹¹ Ibid., June 21, 1770.

¹² Ibid., June 21, July 6, 26, 1770.

¹³ Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 270.

¹⁴ Evans 11785.

¹⁵ O'Callaghan, editor. Op. cit., VIII, p. 218—220.

¹⁶ «New York Mercury», July 23, 1770.

¹⁷ «New York Journal», July 26, August 2, 1770; Alexander McDougall Papers, Box 1, «New York Historical Society».

¹⁸ Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 275.

¹⁹ «New York Journal», July 19, 26, August 6, September 6, 1770.

²⁰ «To the Tradesmen, Farmers, and Other Inhabitants of the City and County of Philadelphia», Philadelphia, September 24, 1770. Брошюра, копия находится в Пенсильванском историческом обществе.

²¹ Zimmerman. Op. cit., p. 476—477.

²² «Pennsylvania Journal», July 5, 1770; Rosswurm. Op. cit., p. 66—68.

²³ «Pennsylvania Gazette», September 20, 27, 1770.

²⁴ Olton. Philadelphia Mechanics in the First Decade of the Revolution 1765—1775, p. 322.

²⁵ Zimmerman. Op. cit., p. 479.

²⁶ «Boston Gazette and Country Journal», August 20, September 3, 1770. Richard Walsh, editor. The Writings of Christopher Gadsden. Columbia, S. C., 1966, p. 94—95.

²⁷ Brown. Revolutionary Politics in Massachusetts, p. 122—148; Richard Frothingham. History of the Siege of Boston. Boston, 1873, p. 29; «Massachusetts Gazette and Boston News-Letter», December 30, 1773; «Boston Gazette and Country Journal», January 3, 1774; «Dictionary of American Biography», XV, p. 515.

²⁸ «New York Gazette», March 25, 1774; Brown. Op. cit., p. 68.

²⁹ «Pennsylvania Gazette», August 19, 1770.

³⁰ Olton. Op. cit., p. 322; Джозеф Рид — герцогу Дартмутскому, 27 декабря 1773 г.; William B. Reed, editor. Life and Correspondence of Joseph Reed. Philadelphia, 1847, I, p. 55; Ross-wurm. Op. cit., p. 75.

³¹ Benjamin W. Labaree. The Boston Tea Party. New York, 1964, p. 66—77.

³² Циркулярное письмо Массачусетского корреспондентского комитета, 21 октября 1773 г. в: Cushing, editor. The Writings of Samuel Adams, III, p. 62—68.

³³ «A Mechanic» в: «Pennsylvania Gazette», December 3, 1773.

³⁴ Протоколы «Норт энд кокас», 23 октября 1773 г., в: El-bridge H. Goss. The Life of Colonel Paul Revere (Boston, 1891), II, p. 641—642.

³⁵ Протоколы «Норт энд кокас», 2 ноября 1773 г., *ibid.*, p. 641—643.

³⁶ «Boston Gazette and Country Journal», November 8, 15, 1773.

³⁷ Приводится в: Forbes. Paul Revere, p. 182.

³⁸ «Tea Leaves, etc., with introductory Notes, and Biographical Notices of the Boston Tea Party, by Francis S. Drake (Boston, 1884), p. lix, lxvi, lxvii.

³⁹ См. газетные сообщения того времени о «бостонском чаепитии» в: «Boston Gazette and Country Journal», December 20, 1773; «Massachusetts Gazette and Boston Weekly News-Letter», December 1773. Лучшим документом является: «Tea Leaves», etc. Лучшим научным исследованием является: Labaree. The Boston Tea Party.

⁴⁰ «Tea Leaves», p. cixiv — cixvi; Brown. Revolutionary Politics in Massachusetts, p. 158—159.

⁴¹ Labaree. Op. cit., p. 164—167; Brown. Op. cit., p. 164—165; Morais. Artisan Democracy, p. 237. В воскресенье, 6 марта 1774 г., состоялось второе «бостонское чаепитие» в связи с прибытием партии чая не от Ост-Индской компании.

⁴² Forbes. Op. cit., p. 82; Goss. Op. cit., I, p. 128. Госс применяет к Риверу эпитет «смелый».

⁴³ «Pennsylvania Gazette», October 20, 1773.

⁴⁴ «New York Journal», December 2, 1773.

⁴⁵ «Pennsylvania Gazette», December 29, 1773.

⁴⁶ См.: «Poplicola» в: «Rivington's Gazetteer», November 18, 1773; «New York Journal», October 14, 21, November 25, 1773;

Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 298—299.

⁴⁷ «New York Journal», December 2, 1773; Morais. Sons of Liberty in New York, p. 285.

⁴⁸ Полный текст устава, см. в: Evans 12652; его резюме можно найти в: «Brutus». Eogse, editor. American Archives, 4th Series, I, 252—258.

⁴⁹ Miller. Origins of the American Revolution, p. 351.

⁵⁰ «New York Journal», December 16, 1773.

⁵¹ Ibid., December 23, 1773.

⁵² Brown. Op. cit., p. 152.

⁵³ «New York Journal», December 16, 1773.

⁵⁴ Bernard Mason. The Road to Independence: The Revolutionary Movement in New York, 1773—1777. Lexington, Ky., 1966, p. 17.

⁵⁵ Нью-Йоркский корреспондентский комитет — Бостонскому комитету 28 февраля 1774 г., Boston Committee of Correspondence Minute Book, IX, p. 742—746. Нью-Йоркская публичная библиотека, отдел рукописей.

⁵⁶ Безразличное отношение «Сынов свободы» города Нью-Йорка к недовольству сельского населения, проявившееся уже в период движения против ренты, отразилось также в их отказе осудить губернатора Трайона за его роль в подавлении действий «регуляторов». С другой стороны, бостонские «Сыны свободы» поддерживали «регуляторов» и порицали Трайона. Один из них отмечал: «То, что эти люди восстали против правительства, объясняется тем, что их обложили непомерно высокими налогами, отмены которых они не могли добиться. Поэтому они сочли себя вправе добиваться удовлетворения своих справедливых претензий с помощью оружия. Их поведение получило широкое одобрение, а действия губернатора Трайона были осуждены, и, хотя ему, возможно, удастся избежать кары на том свете, его, несомненно, призовут к ответу за это кровавое побоище». John Boyle. Boyle's Journal of Occurrences in Boston, 1759—1778, «New England Historical and Genealogical Register», 84 (1930), 269—270. Говорили, что бостонские «Сыны свободы» были «в душе регуляторами» («Boston Evening Post», June 10, 1771).

⁵⁷ «New York Journal», March 17, 1774.

⁵⁸ Ibid., April 21, April 28, 1774; «Rivington's Gazetteer», May 12, 1774.

⁵⁹ В своей новой биографии Александра Макдугала Роже Шампань пишет, что в апреле 1774 г. сбросила чай в воду нью-йоркской гавани «официальная» партия «могауков». Фактически чай был сброшен неорганизованным населением города. См.: «Alexander McDougall and the American Revolution in New York», Schenectady, N. Y., 1975, p. 50.

⁶⁰ Leake. Life of John Lamb, p. 81; Forbes. Paul Revere, p. 322.

⁶¹ «Rivington's Gazetteer», April 28, 1774.

⁶² «New York Journal», April 28, 1774.

⁶³ «South Carolina Gazette», January 17, 1774.

⁶⁴ Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 59—60.

⁶⁵ George C. Rogers, Jr. The Charleston Tea Party: The Significance of December 3, 1773; «South Carolina Historical Magazine», 75 (July 1974), 164.

⁶⁶ «South Carolina Gazette», November 21, 1774.

⁶⁷ Miller. Origins of the American Revolution, p. 351—352.

⁶⁸ Willard, editor. Letters of the American Revolution, p. 4.

⁶⁹ Miller. Origins of the American Revolution, p. 352.

Глава 7

¹ Miller. Origins of the American Revolution, p. 370.

² Charles Chauncey. A Letter to a Friend, Giving a Concise but Just Representation of the Hardships and Sufferings of the Town of Boston. Boston, 1774, p. 6. «A Bostonian», приводится в: «Common Sense, People's Bicentennial Commission», IV, № 1, 1976, p. 39.

³ A. H. Hoyt. Donations to the People of Boston Suffering Under the Port Bill. — «New England Historical and Genealogical Register», 30 (July 1876), 368—379.

⁴ Force. American Archives, 4th Series, 1, p. 312—313.

⁵ Morais, p. 239; Forbes. Paul Revere, p. 227.

⁶ «Boston Gazette and Country Journal», September 26, 1774.

⁷ Carter, editor. Gage Correspondence, I, p. 376—377; Richard Frothingham. The Siege of Boston. Boston, 1873, p. 364; Force. American Archives, 4th Series, 1, p. 991—992.

⁸ Evans 13668; «New York Journal», September 29, 1774.

⁹ Morris. Government and Labor in Early America, p. 192. Force. American Archives, 4th Series, 1, p. 974.

¹⁰ Губернатор Фрэнсис Легг — заместителю министра иностранных дел Англии, Галифакс, Новая Шотландия, 29 мая 1774 г. «Письма губернаторов Новой Шотландии заместителям министров иностранных дел Англии. Public Archives, Nova Scotia, Record Group 1, vol. 44, Halifax, Nova Scotia.

¹¹ Brown. Revolutionary Politics in Massachusetts, p. 191—193.

¹² Ibid., p. 194—195.

¹³ Richard Frothingham. Life and Times of Joseph Warren. Boston, 1865, p. 137.

¹⁴ «Political memorandum relative to the Conduct of the Citizens on the Boston Port Bill», May 13, 1774, Alexander McDougall Papers, Box 1, New York Historical Society.

¹⁵ Ibid., May 14, 1774.

¹⁶ Ibid., May 15, 1774.

¹⁷ Champagne. The Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 318—319.

¹⁸ Morais. Sons of Liberty in New York, p. 286—287.

¹⁹ «Political memorandum...», May 19, 1774; Roger Champagne. New York and the Intolerable Acts, 1774. «New York Historical Society Proceedings», 45 (1961), 203—204.

²⁰ Champagne. The Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 321—322.

²¹ Колден — графу Дартмутскому, Нью-Йорк, 1 июня, 1774 г. Force. American Archives, 4th Series, 1, p. 373—374.

- ²² Губернатор Моррис — г-ну Пенну, 20 мая 1774 г. Forse. American Archives, 4th Series, 1, p. 342—343.
- ²³ W. C. Abbott. New York in the American Revolution. New York, 1929, p. 41; Morris. Sons of Liberty in New York, p. 287—288.
- ²⁴ «Political memorandum...», May 20, 1774; Evans 13670; Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 324—325.
- ²⁵ Champagne. New York and the Intolerable Acts, 1774, p. 206—207.
- ²⁶ «Political memorandum...», May 23, 24, 1774, Boston Committee of Correspondence Minute Book, Нью-Йоркская публичная библиотека. Отдел рукописей.
- ²⁷ Сьерз и Макдугал — Саму Адамсу, 20 июня 1774 г., McDougall Papers, Box 1, New York Historical Society; Brown. Revolutionary Politics in Massachusetts, p. 218—219.
- ²⁸ «Pennsylvania Gazette», June 20, 1774.
- ²⁹ В своей статье «Нью-Йорк и нестерпимые акты» (с. 199—200) Шампань утверждает, что именно радикалы выступили с идеей проведения конгресса; это мнение разделяет и Стотон Линд. См. статью Шампаня «Мастеровые в политике Нью-Йорка, 1774—1788», с. 227. Мнение Бекера см.: Carl Becker. The History of Political Parties in the Province of New York, 1760—1776, p. 118n.
- ³⁰ O'Callaghan, editor. Op. cit., VIII, p. 469—470.
- ³¹ Плакат от 6 июля 1774 года, о котором идет речь, см. в: Becker. Op. cit. p. 123n.
- ³² Forse. American Archives, 4th Series, 1, p. 312—313.
- ³³ Becker. Op. cit., p. 119—136.
- ³⁴ Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 352.
- ³⁵ Forse. American Archives, 4th Series, 1, p. 782, 806—810.
- ³⁶ Губернатор Фрэнсис Легг — заместителю министра иностранных дел Англии, Галифакс, Новая Шотландия, Record Group 1, vol. 44, Halifax, Nova Scotia.
- ³⁷ William Smith. Notes and Papers on the Commencement of the American Revolution. William Smith Papers, 1765—1774, Historical Society of Pennsylvania; Olton. Philadelphia Mechanics in the First Decade of the Revolution, p. 323.
- ³⁸ To the Manufactures and Mechanics of Philadelphia, the Northern Liberties, and District of Southwick, Philadelphia, June 3, 1774, копия находится в Историческом обществе Пенсильвании.
- ³⁹ «Pennsylvania Gazette», June 13, 1774.
- ⁴⁰ Ibid., June 18, 1774.
- ⁴¹ Olton. Op. cit., p. 323—324.
- ⁴² Smith. Notes and Papers...
- ⁴³ Olton. Philadelphia Artisans and the American Revolution, p. 177.
- ⁴⁴ «Pennsylvania Gazette», July 20, 1774.
- ⁴⁵ Ibid., August 31, 1774.
- ⁴⁶ Olton. Philadelphia Artisans and the American Revolution, p. 183—184.
- ⁴⁷ «A Card» в: «Pennsylvania Gazette», September 7, 1774.
- ⁴⁸ Walsh, editor. Writings of Christopher Gadsden, p. 100—103.
- ⁴⁹ Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 100—104.

⁵⁰ Ibid., p. 102—103; Walsh, editor. Writings of Christopher Gadsden, p. XXI.

⁵¹ Worthington C. Ford, et. al. editors. Journals of the Continental Congress. Washington, D. C., 1904—1937, 1, p. 13—26, 39—75, 76—80, 81—101; Edmund Cody Burnett. The Continental Congress. New York, 1941, p. 153—155.

⁵² O'Callaghan, editor. Op. cit., VII. p. 832—833.

⁵³ Becker. Op. cit., p. 160—163; Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 366.

⁵⁴ «Pennsylvania Packet», November 17, 1774.

⁵⁵ Ryerson. Political Mobilization and the American Revolution: The Resistance Movement in Philadelphia, 1765 to 1776, p. 577.

⁵⁶ Robert F. Oaks. Philadelphia Merchants and the First Continental Congress. «Pennsylvania History», 40 (April 1973), 158.

⁵⁷ Томас Янг — Джону Лэмбу, 19 июня 1774 г., Lamb Papers, New York Historical Society; опубликовано также в: Leake. Life of John Lamb, p. 89.

⁵⁸ См. выше с. 73—77. «A Lover of Liberty and a Mechanic's Friend», «To the Free and Patriotic Inhabitants of the City of Philadelphia», плакат от 31 мая 1770 г. (Evans 11882); «A Brother Chip», «Pennsylvania Gazette», September 27, 1770; «A Mechanic», «Pennsylvania Chronicle», September 27, 1773.

⁵⁹ Foner. History of Black Americans, p. 295—296.

⁶⁰ Ibid., p. 297—299.

Глава 8

¹ Письмо губернатора Джеймса Райта лорду Дартмутскому, 19 декабря 1775 года, Georgia Historical Society Collections, III, 1873, p. 228. «Rivington's Gazetteer», October 20, 1774. См. также письма от 8, 15 декабря 1774 г., 19 января 1775 г.

² Перепечатано в: «Common Sense», People's Bicentennial Commission, IV, № 1, 1976, p. 38.

³ «Newport Mercury», September 26, 1774.

⁴ Clarence H. Vance, editor. Letters of a West Chester Farmer. White Plains, N. Y., 1930, p. 43—61.

⁵ «New York Journal», November 24, 1774. Ответ Александра Гамильтона на нападки Сибири на Континентальный конгресс см.: Henry Cabot Lodge, editor. The Works of Alexander Hamilton. New York, 1904, I, p. 5—12.

⁶ «Newport Mercury», September 26, 1774; Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 71.

⁷ Lamb Papers, Box 1, New York Historical Society.

⁸ Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 370—371.

⁹ Becker. Op. cit., p. 169; Force. American Archives, 4th Series, I, p. 1203.

¹⁰ Harrington. The New York Merchant on the Eve of the Revolution, p. 51.

¹¹ Champagne. Sons of Liberty and the Aristocracy in New York Politics, p. 372—373; Force. American Archives, 4th Series, 1, p. 144; Evans 14266.

- ¹² Макдугал — Джосиа Куинсу-мл., 6 апреля 1775 г. McDougall Papers, Box 1, New York Historical Society.
- ¹³ «South Carolina Gazette», March 27, 1775.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 67.
- ¹⁶ Ibid., p. 68.
- ¹⁷ Willard, editor. Letters on the American Revolution, p. 245.
- ¹⁸ Jonathan Grossman. Wage and Price Controls During the American Revolution. — Monthly Labor Review (September 1973), 4; «South Carolina Gazette», October 31, 1774; «New York Journal», November 2, 1774; «Newport Mercury», November 4, 1774.
- ¹⁹ Forbes. Paul Revere, p. 225.
- ²⁰ Goss. Life of Colonel Paul Revere, I, p. 171—176.
- ²¹ Foner. History of Black Americans, p. 312.
- ²² Ibid., p. 312—313.
- ²³ Jones. New York During the Revolution, I, p. 39—40; Force. American Archives, 4th Series, II, p. 1364; Morais. Sons of Liberty in New York, p. 287; Roger J. Champagne. New York's Radicals and the Coming of Independence. — «Journal of American History», 2 (June 1964), 21—23.
- ²⁴ «New York Journal», April 29, May 2, June 12, 1775.
- ²⁵ Francis L. Bronner. Marinus Willett. — «New York History», 17 (July 1936), 272—274.
- ²⁶ Becker. Op. cit., p. 194—196; Mason. The Road to Independence, p. 82—83, 93—94, 103, 129—133, 141.
- ²⁷ O'Callaghan, editor. Op. cit., VIII, p. 571.
- ²⁸ Lynd. The Mechanics in New York Politics, 1774—1788, p. 228.
- ²⁹ Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 73—75.
- ³⁰ Arthur J. Alexander. Pennsylvania's Revolutionary Militia. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 69 (January 1945), 15—25.
- ³¹ Eric Foner. Tom Paine and Revolutionary America. New York, 1976, p. 54—55, 62—63.
- ³² Ibid., p. 64.
- ³³ «Pennsylvania Evening Post», September 14, 19, 1775; David Freeman Hawke. In the Midst of a Revolution. Philadelphia, 1961, p. 106—107, 185—191.
- ³⁴ Eric Foner. Op. cit., p. 64.
- ³⁵ Ibid., p. 64.
- ³⁶ David Freeman Hawke. Paine. New York, 1974, p. 160.
- ³⁷ Полной, должным образом исследованной биографии Пейна все еще нет. Самыми последними являются следующие три его биографии: Samuel Edwards. Rebel! New York, 1974; Andrew Williamson. Thomas Paine: His Life, Work and Times. New York, 1974, и лучшая из трех: David Freeman Hawke. Paine. Приводимые здесь данные взяты из моего введения к The Complete Writings of Thomas Paine, I.
- ³⁸ Foner, editor. The Complete Writings of Thomas Paine, p. 15—19.
- ³⁹ Miller. Origins of the American Revolution, p. 468.
- ⁴⁰ Hawke. Paine, p. 163.

⁴¹ Полный текст «Common Sense» см.: F o n e r, editor. Complete Writings of Paine, I, p. 3—46.

⁴² Ibid., p. XIV—XV.

⁴³ «New York Packet», April 11, 1776; Lynd. Mechanics in New York Politics, p. 230.

⁴⁴ «Salus Populi» в: «Pennsylvania Journal», March 13, 1776; «Exodus» в: «Pennsylvania Packet», April 22, 1776.

⁴⁵ «Pennsylvania Evening Post», April 27, 1776.

⁴⁶ «The Interest of America» в: «New York Journal», June 6, 13, 20, 1776. См. также «Independent Whig and «Essex», там же, February 22, 29, March 7, 14, 28, April 4, 1776; «To The Freeborn Sons of America», «On the Different Kinds of Government», «To the Printer of the New York Packet», «New York Packet», March 21, 28, April 18, 1776; «Cato» and «Cassandra» в: «New York Gazette», April 20, 1776.

Глава 9

¹ «New York Lawyers and the Coming of the American Revolution». — «New York History», 55 (October 1974), 303—407.

² Marvin E. Gettleman. The Dorr Rebellion: A Study in American Radicalism. New York, 1973, p. 6n.

³ Lamb Papers, Box 1, New York Historical Society.

⁴ «New York Journal», June 6, 1776.

⁵ Force. American Archives, 4th Series, VI, p. 725.

⁶ Mason. Road to Independence, p. 164n.

⁷ Ibid, p. 160—164; «New York Journal», June 6, 13, 1776.

⁸ Mason. Op. cit., p. 158.

⁹ Champagne. Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics, p. 505—508.

¹⁰ «New York Journal», June 6, 13, 20, 1776, цитируемый в работе Шампаня «New York Politics and Independence», p. 300—301; Klein. «Democracy and Politics in Colonial New York», p. 231—232; Alfred P. Young. The Democratic-Republicans of New York, The Origins, 1763—1797. Chapel Hill, N. C., 1967, p. 17—22.

¹¹ Theodore Thayer. Pennsylvania Politics and the Growth of Democracy, 1740—1776. Harrisburg, Pa., 1953, p. 173—177; Ryerson. Leadership in Crisis. p. 368—371, 467—473, 544—573.

¹² A. M. Stackhouse. Col. Timothy Matlock n. p., 1910; Bridenbaugh. Rebels and Gentlemen, p. 120—135.

¹³ «Pennsylvania Packet», February 19, 1776; Olton. Philadelphia Artisans and the American Revolution, p. 192—197.

¹⁴ «Pennsylvania Packet», November 26, 1776.

¹⁵ «Конституция Пенсильвании» (Пенсильвания, 1776). Всесторонний анализ конституции дан в: J. Paul Selsman. The Pennsylvania Constitution of 1776 (Philadelphia, 1936).

¹⁶ «Pennsylvania Evening Post», July 30, 1776. См. также John N. Shaeffer. Public Consideration of the 1776 Pennsylvania Constitution. «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 98 (October 1974), 424.

¹⁷ John Adams. Diary, II, p. 391.

¹⁸ «Pennsylvania Record», X, p. 723—724.

¹⁹ Foner. History of Black Americans, p. 313—316.

²⁰ Ibid., p. 318—320. («Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв.», М., 1957, с. 167.)

Глава 10

¹ Walsh. Charleston's Sons of Liberty, p. 90—96.

² Jesse Lemisch. Listening to the Inarticulate, William Widge's Dream and the Loyalties of American Revolutionary Seamen in British Prisons. — «Journal of Social History», 3 (1969—1970), 507.

³ Приводится в: Herbert Morais. The Struggle of American Freedom. New York, 1944, p. 195.

⁴ Carl Van Doren. Mutiny in January. New York, 1943, p. 43; Morris. Government and Labor in Early America, p. 278—280.

⁵ Morris. Op. cit., p. 281—290; «Pennsylvania Archives», 1st Series, V, p. 340.

⁶ Foner. History of Black Americans, p. 324—325, 328.

⁷ Ibid., p. 325—327, 329—332.

⁸ Ibid., p. 332—333.

⁹ Ibid., p. 333.

¹⁰ Benjamin Quarles. The Negro in American Revolution. Chapel Hill, N. C., 1961, p. 53—57.

¹¹ Foner. History of Black Americans, p. 339—340.

¹² Ibid., p. 328.

¹³ June Sochen. Her Story: A Woman's View of American History, I, 1600—1880. New York, 1974, p. 84—85.

¹⁴ Биографические данные о Маргарет Корбин и Маргарет Хейес («Кувшин») см.: Elizabeth Ellet. The Women of the Revolution. New York, 1850; Elizabeth Cometti. Women in the American Revolution. — «New England Quarterly», 20 (1947), 329—346. О Деборе Сэмпсон Гэннет см.: Herman Mann. The Female Review: Life of Deborah Sampson, The Female Soldier of the American Revolution, editor, John Adams Vinton, Boston, 1866, повторно изданной в 1916 году в качестве дополнительного 47-го выпуска «Magazine of History with Notes and Queries»; Julia Ward Sticklely. The Recods of Deborah Simpson Gannett, Woman Soldier of the Revolution, Prologue, 4 (Winter 1972), 233—241.

Филип Френё, «поэт Американской революции», поддержал Дебору Гэннет, которая обратилась к конгрессу с просьбой установить ей пенсию, и написал в этой связи следующее стихотворение:

Полная решимости и вдохновенная,
Как когда-то Жанна д'Арк...
Она выступила против врагов своей страны,
Переодевшись мужчиной...
Не смиряясь с английским господством.
Она разила губительным огнем...
Сколько должна пережить
Женщина,
Прежде чем, бросив все, отправиться на войну,

Чтобы встретить вторгшегося врага!
 Сколько преград поставила на ее пути природа!
 А еще больше обычай...
 И все это она самоотверженно преодолела,
 Презрев век суровых суждений,
 Ушла в армию дорогой своей славы,
 Пренебрегая яростью британцев;
 Мужчины же с недалеким умишком
 Все высокомерно осуждают
 И хулят в женщинах то,
 Что делает им честь.

¹⁵ Anne Bezanson, et al. *Prices and Inflation During the American Revolution*, p. 12—15.

¹⁶ Лучшим исследованием постановлений о контроле над заработной платой и ценами является: *Morris. Government and Labor in Early America*, p. 100—135. Прекрасным небольшим исследованием является: *Grossman. Wage and Price Controls During the American Revolution*. p. 3—10. Жалобы солдат см.: *Cometti. Op. cit.*, p. 330.

¹⁷ *Cometti. Op. cit.*, p. 330.

¹⁸ «*Boston Gazette*», October 4, 1779; «*Pennsylvania Colonial Records*» (Harrisburg, Pa., 1838—1853), XI, p. 664—665; «*Pennsylvania Packet*», January 16, 1779; *Geib. Op. cit.*, p. 96—97; *Rossurm. Op. cit.*, p. 120—121.

¹⁹ «*Boston Gazette*», March 17, April 21, 1777; «*Independent Chronicle*», Boston, April 24, 1777; «*Familiar Letters of John Adams and His Wife Abigail*», p. 262, 263, 286—287.

²⁰ *Grossman. Op. cit.*, p. 7; «*Boston Gazette*», February 3, 1777, August 9, 1779; «*Independent Chronicle*», Boston, April 24, 1777.

²¹ «*Boston Gazette*», September 27, 1779.

²² «*Pennsylvania Packet*», January 19, 1779; «*Pennsylvania Gazette*», February 10, April 7, 1779.

²³ *Alexander. Philadelphia's Other Half*, p. 332.

²⁴ «*Pennsylvania Archives*», Selected and Arranged by Samuel Hazard. Philadelphia, 1853, VII, p. 292—295.

²⁵ Цитируется в: *Frederick B. Stone. Philadelphia Society One Hundred Years Ago or the Reign of Continental Money. «Pennsylvania Magazine of History and Biography»*, 3 (1879), 383.

²⁶ *Henry D. Biddle, editor. Extracts from the Journal of Elizabeth Drinker, from 1759—1807, A. D. Philadelphia, 1889, запись от 25 мая 1779 г.*, p. 116.

²⁷ «*Pennsylvania Evening Post*», May 29, 1779.

²⁸ *Stone. Op. cit.*, p. 384.

²⁹ «*Pennsylvania Packet*», May 29, 1779.

³⁰ *George H. Ryden, editor. Letters to and from Caesar Rodney, 1756—1784. Philadelphia, 1933*, p. 303; *Elias P. Oberholtzer. Robert Morris. New York, 1903*, p. 51—56; *Robert L. Brunhaus. The Counter-Revolution in Pennsylvania. Philadelphia, 1943*, p. 70—71.

³¹ «*Pennsylvania Evening Post*», June 29, 1779.

³² «*Independent Chronicle*» (Boston), June 17, 1779; «*Boston Gazette*», June 21 1779.

³³ Drinker. Op. cit., p. 118.

³⁴ «Pennsylvania Packet», July 1, 1779.

³⁵ Ibid., September 9, 10, 25, 1779.

³⁶ Лучшее описание так называемого Форт-Уилсонского бунта дал Джон А. Александер в трех различных работах: Приложение Е («Tories, Bread, and Desperation: Philadelphia's Fort Wilson Incident of 1779 Revisited») к его докторской диссертации, «Philadelphia's Other Half: Attitudes Toward Poverty and the Meaning of Poverty in Philadelphia, 1760—1800»; неопубликованный документ, подготовленный к национальной встрече 1971 года Американской научной ассоциации, и «The Fort Wilson Incident». — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 31 (October 1974), 589—612.

Анализ этого инцидента, в котором милиция квалифицируется как бесчувственная «чернь», см.: С. Page Smith. The Attack on Fort Wilson. «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 78 (April 1954), 177—188.

³⁷ Письмо Сэмюэля Пэттерсона в: Ryden. Op. cit., p. 322—324.

³⁸ «Pennsylvania Archives», VII, p. 740, 741, 745, 747—749.

³⁹ «Pennsylvania Evening Post», October 12, 1779.

⁴⁰ «To the Merchants and Traders of Philadelphia, and Particularly the Importers and Holders of Salt (Philadelphia, 1779)», p. 5—6.

⁴¹ Morris. Government and Labor in Early America, p. 114—116; Grossman. Op. cit., p. 7.

⁴² Brunhaus. Op. cit., p. 58; «Papers Relating to the Whig Club», April 8—17, 1777, в: «Maryland Miscellaneous» (1771—1838), Библиотека конгресса, отдел рукописей; Eugene P. Link. Democratic-Republican Societies, 1790—1800. New York, 1942, p. 26.

⁴³ Van Doren. Op. cit., p. 213—214.

⁴⁴ «Pennsylvania Evening Post», October 12, 1779; Evans 17658.

⁴⁵ Foner, editor. The Complete Writings of Thomas Paine, I, p. 66—67.

⁴⁶ «An Address, Delivered Before the Mechanics and Working Classes Generally, of the City and Country of Philadelphia, at the Universalist Church, in Callowhill Street, on Wednesday Evening, November 21, 1827, by the «Unlettered Mechanic», Published by request of the Mechanics Delegation, Philadelphia, 1827. Этот памфлет был перепечатан в: «The Butcher Workman», официальном органе профсоюза рабочих-мясников Северной Америки, АФТ/КПП, в четырех номерах подряд начиная с сентября 1975 г.

⁴⁷ Книг, посвященных этим двум противоречивым толкованиям, огромное множество. Наиболее полезными можно считать следующие: J. Franklin Jameson. The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton, N. J., 1926; Richard B. Morris. The American Revolution Reconsidered. New York, 1967; Herbert Aptheker. The American Revolution 1763—1783. New York, 1960; Mary Beard. Women as Force in History. New York, 1946; Robert A. East. Business Enterprise in the American Revolutionary Era. New York, 1938; Frederick B. Tolles. The American Revolution Considered as a Social Movement: A Re-Evaluation. — «American Historical Review», 60 (October 1954), 1—12.

⁴⁸ «Independent Journal» (New York), January 21, 1784; William Miller. «The Effects of the American Revolution on Indentured Servitude. — «Pennsylvania History», 7 (1940), 134—136.

⁴⁹ Foner. *History of Black Americans*, p. 345—377.

⁵⁰ Приводится в: Arthur G. Op. cit., p. 65.

⁵¹ См., например, объявления в «Филадельфия ивнинг пост» за 27 февраля 1779 года.

⁵² Morris. *Government and Labor in Early America*, p. 200.

⁵³ «National Laborer», Philadelphia, June 11, 1836.

⁵⁴ Foner. *History of the Labor Movement in the United States*, I, p. 116—117.

⁵⁵ Ibid., p. 202—209.

⁵⁶ «The Mechanic» (Fall River), July 13, 1844.

⁵⁷ «Chicago Tribune», July 5, 1878.

⁵⁸ Foner. *History of the Labor Movement in the United States*, I, p. 241—245.

⁵⁹ Herbert G. Gutman. *Work, Culture and Society in Industrializing America, 1815—1919*. — «American Historical Review», 78 (June 1973), 59.

⁶⁰ «Autobiography of Mother Jones». New York, 1925, p. 71—83. Лучший газетный репортаж об этом марше опубликован в «Филадельфия норд Америкэн» за 5 июля—18 августа 1903 года. Газета направила своего специального корреспондента для освещения этого марша с момента его начала до завершения.

⁶¹ Link. Op. cit., p. 151.

⁶² «New York Journal», July 4, 1794; «New York Weekly Chronicle», July 9, 1795; Young. *The Democratic-Republicans of New York*, p. 405—406, 411—412; Alfred F. Young. *The Mechanics and the Jeffersonians: New York, 1789—1801*. — «Labor History», 5 (Fall 1964), 258—271.

⁶³ «New York Journal», July 2, 5, 1794.

⁶⁴ «Mechanics' Free Press», Philadelphia, December 26, 1829.

⁶⁵ «New York Daily Sentinel», July 12, 1830.

⁶⁶ Ibid., p. 124.

БИБЛИОГРАФИЯ

Рукописи

- Boston Public Library, Boston
General Thomas Gage Manuscripts
Historical Society of Pennsylvania, Philadelphia
William Smith Papers, 1765—1774
Library of Congress, Washington, D. C.
«Papers Relating to the Whig Club April 8—17. 1877», в:
Maryland Miscellaneous (1771—1838)
New York Historical Society, New York City
Alexander McDougall Papers
John Lamb Papers
New York Public Library, New York City
Philip Schuyler Papers
Boston Committee of Correspondence Papers

Неопубликованные диссертации и труды

Alexander, John A. Philadelphia's Other Half: Attitudes Toward Poverty and the Meaning of Poverty in Philadelphia, 1760—1800, докторская диссертация. Чикагский университет, 1973.

Weib, George. A History of Philadelphia, 1776—1780, докторская диссертация. Висконсинский университет, 1969.

Blacke, Elizabeth May. Opposition to the Stamp Act in New York City, докторская диссертация. Сиракузский университет, 1936.

Champagne, Roger J. The Sons of Liberty and Aristocracy in New York Politics, докторская диссертация. Висконсинский университет, 1960.

D'Innocenzo, Michael. Voting in Colonial New York, диссертация на степень магистра. Колумбийский университет, 1950.

Hoerder, Dick. People and Mobs: Crowd Action in Massachusetts During the American Revolution, 1765—1780, докторская диссертация. Свободный университет. Берлин, 1971.

Lemisch, Jesse. Jack Tar vs. John Bull: The Role of New York's Seamen in Precipitating the Revolution, докторская диссертация. Йельский университет, 1962.

Lynd, Staughton. The Revolution and the Common Man: Farm Tenants and Artisans in New York Politics, 1777—1788, докторская диссертация. Колумбийский университет, 1962.

Olton, Charles S. Philadelphia Artisans and the American Revolution, докторская диссертация. Калифорнийский университет. Беркли, 1967.

Rolland, S. B. Cadwallader Colden: Colonial Politician and Imperial Statesman, докторская диссертация. Висконсинский университет, 1952.

Rosswurm, Steven J. «That They Were Grown Unruly»: The Crowd and Lower-Classes in Philadelphia, 1765—1780, диссертация на степень магистра. Университет Северного Иллинойса, 1974.

Ryerson, Richard A. Leadership in Crisis. The Radical Committees of Philadelphia and the Coming of the Revolution in Pennsylvania, 1765—1776: A Study in the Revolutionary Process, докторская диссертация. Университет Джона Гопкинса, 1972.

Shufro, Joel A. Impressment and Economic Decline in Boston: Context for Conflict, 1740—1760, труд, прочитанный в Американской научной ассоциации, октябрь 1971 года.

Towner, Lawrence W. A Good Master Well Served, A Social History of Servitude in Massachusetts, 1620—1750, докторская диссертация. Университет Северо-Запада, 1955.

Young, Alfred P. Some Thoughts on Mechanic Participation in the American Revolution, труд, прочитанный на 3-й ежегодной конференции по ранней американской истории, Библиотека Нью-берри, Чикаго, 1 ноября 1974 года.

Плакаты и памфлеты

Address, An, Delivered Before the Mechanics and Working Classes Generally of the City and County of Philadelphia, at the Universalist Church, in Callowhill Street, on Wednesday Evening, November 21, 1827, by the «Unlettered Mechanic», Published by request of the Mechanics' Delegation, Philadelphia, 1827. Памфлет.

Brutus. «To the Public», January 18, 1770. New York Historical Society. Плакат.

Chauncey, Charles. A Letter to a Friend, Giving a Concise but Just Representation of the Hardships and Sufferings of the Town of Boston. Boston, 1774.

«For Erecting and Encouraging a New Manufactory», Evans 1555. Памфлет. Рекламный листок подписан Тимоти Уилрайтом и Джоном Чисселем 8 сентября 1734 года. Нью-Йоркская публичная библиотека, Зал редких книг.

«Lover of Liberty and a Mechanics' Friend, A», To the Free and Patriotic Inhabitants of the City of Philadelphia, May 31, 1770, Philadelphia, 1770. Памфлет.

«New Song — Address'd to the Sons of Liberty on the Continent of America, A». Historical Society of Pennsylvania. Плакат. Portfolio 37, № 28. Плакат. Бостон, 1770 год. Библиотека конгресса, Зал редких книг.

«Resolutions of the United Sons of Liberty», July 7, 1769, Нью-Йоркская публичная библиотека, Зал редких книг. Плакат.

Seaver, Henry. An Oration Delivered before the Mechanic Apprentice's Library Association, July 4, 1835. Boston, 1835. Памфлет. «Song — 1734, A». Нью-Йоркская публичная библиотека, Зал редких книг. Плакат.

Son of Liberty, A. «To the Betrayed Inhabitants of the City and Colony of New York». New York, December 16, 1769, New York Historical Society. Плакат.

«To the Inhabitants of the City», January 22, 1770, New York Historical Society. Плакат.

«To the Manufactures and Mechanics of Philadelphia, the Northern Liberties, and the District of Southwick», Philadelphia, June 8, 1774. Памфлет.

«To the Merchants and Traders of Philadelphia, and Particulary the Importers and Holders of Salt». Philadelphia, 1779. Памфлет.

«To the Tradesmen, Farmers, and Other Inhabitants of the City and County of Philadelphia». Philadelphia, September 24, 1770. Памфлет.

Газеты и журналы

«American Museum», 1788.

«Boston Chronicle», 1769.

«Boston Evening-Post», 1765, 1766, 1770, 1771.

«Boston Gazette and County Journal», 1765, 1766, 1770, 1772, 1773, 1774, 1777, 1779.

«Butcher Workman», The, 1975.

«Chicago Tribune», 1878.

«Common Sense», People's Bicentennial Commission, 1976.

«Daily Sentinel». New York, 1830.

«Independent Chronicle and Universal Advertiser». Boston, 1777, 1779.

«Independent Journal of General Advertiser». New York City, 1784.

«Magazine of History», The, 1918.

«Massachusetts Gazette and Boston Weekly News-Letter», 1773.

«Mechanic», Fall River, 1844.

«Mechanics' Free Press». Philadelphia, 1829.

«National Laborer». Philadelphia, 1836.

«Newport Mercury or Weekly Advertiser», 1765, 1767, 1772, 1774, 1775.

«New York Gazette or Weekly Post-Boy», 1765, 1766.

«New York Journal», 1769, 1770, 1773, 1774, 1775, 1776, 1794.

«New York Mercury», 1766, 1770.

«New York Packet», 1776.

«New York Times», 1975.

«New York Weekly Chronicle», 1795.

«Pennsylvania Chronicle and Universal Advertiser». Philadelphia, 1770.

«Pennsylvania Gazette». Philadelphia, 1770, 1773, 1774, 1779.

«Pennsylvania Journal and Weekly Advertiser». Philadelphia, 1765, 1770, 1776.

«Pennsylvania Packet, or the General Advertiser». Philadelphia, 1776, 1779.

«Philadelphia Evening Post», 1775, 1776, 1779.

«Philadelphia North American», 1903.

«Rivington's New York Gazetteer». New York, 1773, 1774, 1775.

«South-Carolina Gazette: and County Journal». Charleston, 1768, 1769, 1770, 1774.

Книги

Abbott, W. C. *New York in the American Revolution*. New York, 1929.

Adair, Douglass and Schutz, John A., editors. *Peter Oliver's Origin and Progress of the American Rebellion: A Tory View*. San Marino, California, 1961.

Adams, Charles Francis, editor. *The Works of John Adams*. Boston, 1850—1856. Adams, Charles Francis, editor. *Familiar Letters of John Adams and his Wife, Abigail Adams, during the Revolutionary New England, 1691—1776*. Boston, 1923.

Alvord, Clarence V. *The Mississippi Valley in British Politics*. Cleveland, 1917.

«American Revolution: Three Views». New York, 1975.

Aptheker, Herbert. *The American Revolution 1763—1783*. New York, 1960.

«Arts and Crafts in New York, 1726—1776». New York, 1936.

«Autobiography of Mother Jones». New York, 1925.

Bailyn, Bernard. *The Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge, Mass., 1967.

Baylin, Bernard, editor. *Pamphlets of the American Revolution*. Cambridge, Mass., 1955.

Baylin, Bernard. *The Ordeal of Thomas Hutchinson*. Cambridge, Mass., 1974.

Barck, Oscar T. *New York City During the War for Independence: With Special Reference to the Period of British Occupation*. New York, 1931.

Beach, Stewart. *Samuel Adams: The Fateful Years, 1764—1770*. New York, 1965.

Beard, Mary. *Women as Force in History*. New York, 1946.

Becker, Carl. *The History of Political Parties in the Province of New York, 1760—1776*. Madison, Wisc., 1909.

Bernstein, Barton J., editor. *Towards a New Past: Dissenting Essays in American History*. New York, 1968.

Bezanson, Anne, et al. *Prices and Inflation during the American Revolution: Pennsylvania 1770—1790*. Philadelphia, 1951.

Biddle, Henry D., editor. *Extracts from the Journal of Elizabeth Drinker, from 1759—1807*, A. D., Philadelphia, 1889.

Bonomi, Paticcia. *U. A. Factious People: Politics and Society in Colonial New York*. New York and London, 1971.

Boorstin, Daniel J. *The Genius of American Politics*. Chicago, 1953.

Bridenbaugh, Carl. *Cities in Revolt: Urban Life in America, 1743—1776*. New York, 1955.

Bridenbaugh, Carl. *The Colonial Craftsman*. New York, 1955.

Bridenbaugh, Carl and Bridenbaugh Jessica. *Rebels and Gentlemen*. New York, 1942.

Brown, Alice. *Mercy Warren*, New York, 1896.

Brown, Richard D. *Revolutionary Politics in Massachusetts: The Boston Committee of Correspondence and the Towns, 1772—1774*. Cambridge, Mass. 1970.

Brown, Robert E. *Virginia 1705—1786; Democracy or Aristocracy?* Cambridge, Mass., 1964.

- Brown, Robert E. *Middle-Class Democracy and Revolution in Massachusetts, 1691—1780*. Ithaca. New York, 1955.
- Burnett, Edmund Cody. *The Continental Congress*, New York, 1941.
- Brunhaus, Robert L. *The Counter-Revolution in Pennsylvania*. Philadelphia, 1943.
- Butterfield, L. H., editor. *Letters of Benjamin Rush*. Princeton. N. J., 1951.
- Byrdsall, F. *The History of the Loco-Foco or Equal Rights Party*. New York, 1842, второе издание 1967 года.
- Carter, Clarence Edwin, editor. *The Correspondence of General Thomas Gage with the Secretaries of State, 1763—1775*. New Haven, Conn., 1931—1933.
- Champagne, Roger J. *Alexander McDougall and the American Revolution in New York*. Scenectady, N. Y., 1975.
- Chandler, Allen D. *The Colonial Records of Georgia*. Atlanta, 1908.
- Christie, Lan R. *Wilkes, Wyvill and Reform*. London, 1962.
- Clark, D. M. *British Opinion and the American Revolution*. New Haven, Conn., 1930.
- Clark, Victor S. *History of Manufacturing in the United States, 1607—1860*. Washington, D C., 1916.
- «Colden Letter-Books», New York Historical Society Collections, New York, 1918—1937.
- Commons, John R. and Associates. *History of Labor in the United States*. New York, 1918.
- Curti, Merle. *Growth of American Thought*. New York, 1943.
- Cushing, Harry A., editor. *The Writings of Samuel Adams*. New York, 1904—1908.
- Davidson, Philip. *Propaganda and the American Revolution*. Chapel Hill, N. C., 1941.
- Dawson, Henry B. *The Sons of Liberty in New York*. Poughkeepsie, N. Y., 1859.
- Dickerson, Oliver M. *The Navigation Acts and the American Revolution*. Philadelphia, 1951.
- East, Robert A. *Business Enterprise in the American Revolutionary Era*. New York, 1938.
- Edwards, Samuel. *Rebel*. New York, 1974.
- Ellet, Elizabeth. *The Women of the Revolution*. New York, 1910.
- Erlanger, Steven J. *The Colonial Worker in Boston, 1775*. U. S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, New England Regional Office, Regional Report 75-Z, 1975.
- Foner, Eric. *Tom Paine and Revolutionary America*. New York, 1976.
- Foner, Philip S., editor. *The Complete Writings of Thomas Paine*. New York, 1945.
- Foner, Philip S. *History of the Labor Movement in the United States*, New York, 1947. (Филип С. Фонер. История рабочего движения в США. М., 1949.)
- Foner, Philip S. *Organized Labor and the Black Worker: 1619—1973*. New York, 1974.
- Foner, Philip S. *History of Black Americans: From Africa to the Emergence of the Cotton Kingdom*. Westport, Conn., 1975.

- Foner, Philip S. *American Labor Songs of the Nineteenth Century*. Urbana, Ill., 1975.
- Forbes, Esther. *Paul Revere and the World He Lived In*. Boston, 1942.
- Ford, Worthington, et al., editor. *Journals of the Continental Congress*. Washington, D. C., 1904—1937.
- Frothingham, Richard. *Life and Times of Joseph Warren*. Boston, 1865.
- Frothingham, Richard. *History of the Siege of Boston*. Boston, 1849.
- Gibbes, R. W., editor. *Documentary History of the American Revolution*. New York, 1855.
- Gordon, William. *The History of the Rise, Progress and Establishment of the Independence of the United States of America*. London, 1788.
- Goss, Elbridge H. *The Life of Colonel Paul Revere*. Boston, 1891.
- Hanna, William S. *Benjamin Franklin and Pennsylvania Politics*. Stanford, Calif., 1964.
- Harrington, Virginia D. *The New York Merchant on the Eve of the Revolution*. New York, 1935.
- Harris, Herbert. *American Labor*. New Haven, Conn., 1938.
- Hart, Albert B. editor. *American History Told by Contemporaries*. New York, 1898.
- Hawke, David Freeman. *Paine*. New York, 1974.
- Hawke, David Freeman. *In the Midst of a Revolution*. Philadelphia, 1961.
- Hazard, Samuel, editor. *Pennsylvania Archives*, Philadelphia, 1853.
- Henretta, James A. *The Evolution of American Society, 1700—1815*. Lexington, Mass., 1973.
- Hobsbawm, Eric. *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. New York, 1959.
- Hofstadter, Richard. *The Progressive Historians*. New York, 1968.
- Hofstadter, Richard and Wallace, Michael. *American Violence: A Documentary History*. New York, 1970.
- Hutchinson, Thomas. *History of the Province of Massachusetts Bay*. London, 1828.
- Hutson, James. *Pennsylvania Politics, 1746—1770; The Movement for Royal Government and Its Consequences*. Princeton, N. J. 1972.
- Jameson, J. Franklin. *The American Revolution Considered as a Social Movement*. Princeton, N. J., 1926.
- Jensen, Merrill. *The Articles of Confederation*. Madison, Wisc., 1959.
- Jernegan, Marcus W. *Laboring and Dependent Classes in Colonial America*, Chicago, 1931.
- Kidder, F. *History of the Boston Massacre, March 5, 1770*. Albany, N. Y., 1870.
- Kurtz, Stephen G. and Hutson, James H., editors. *Essays on the American Revolution*. Chapel Hill, N. C., 1973.

- Labaree, Benjamin W. *The Boston Tea Party*. New York, 1964.
- Labaree. *Patriots and Partisans: The Merchants of Newburyport, 1764—1815*. Cambridge, Mass., 1962.
- Leake, Isaac Q. *Memoir of the Life and Times of General John Lamb*. Albany, N. Y., 1850.
- «*Letters and Papers of Cadwallader Colden*». New York State Historical Society Collections for 1923. New York, 1923.
- Lincoln, Charles H. *The Revolutionary Movement in Pennsylvania, 1769—1776*. Philadelphia, 1901.
- Link, Eugene P. *Democratic-Republican Societies, 1790—1800*. New York, 1942.
- Lodge, Henry Cabot. editor. *The Works of Alexander Hamilton*. New York, 1904.
- Lossing, Benson J. *Pictorial Field-Book of the Revolution*. New York, 1860.
- Lynd, Staughton. *Anti-Federalism in Dutchess County*. New York, Chicago, 1962.
- McKee, Samuel J., Jr. *Labor in Colonial New York*. New York, 1935.
- McKinley, A. E. *The Suffrage Franchise in the English Colonies*. Philadelphia, 1905.
- Maier, Pauline. *From Resistance to Revolution: Colonial Radicals and the Development of American Opposition to Britain, 1765—1775*. New York, 1972.
- Main, Jackson Turner. *The Social Structure of Revolutionary America*. Princeton, N. J., 1965.
- Mark, Irving. *Agrarian Conflicts in Colonial New York, 1711—1775*. New York, 1940.
- Mason, Bernard. *The Road to Independence: The Revolutionary Movement in New York, 1773—1777*. Lexington, Ky., 1966.
- Miller, John C. *Triumph of Freedom, 1775—1783*. Boston, 1948.
- Miller, John C. *Sam Adams, Pioneer in Propaganda*. Boston, 1936.
- Miller John C. *Origins of the American Revolution*. Boston, 1943.
- Montessoro, James and John. *The Montessoro Journals*. New York Historical Society Collections. New York, 1882.
- Morais, Herbert M. *The Struggle for American Freedom*. New York, 1944.
- Morgan, Edmund S. and Helen M. *The Stamp Act Crisis: Prologue to Revolution*. Chapel Hill, N. C., 1953.
- Morris, Richard B. *The American Revolution Reconsidered*. New York, 1967.
- Morris, Richard B., editor. *The Era of the American Revolution*. New York, 1939.
- Morris, Richard B. *Government and Labor in Early America*. New York, 1946.
- Morris, Richard B. *The American Revolution, 1763—1783: A Bicentennial Collection*. New York, 1970.
- Morton, A. L., editor. *Freedom in Arms, A Selection of Leveler Writings*. New York, 1976.

- Nettels, Curtis P. *Roots of American Civilization*. New York, 1938.
- Newcomb, Benjamin H. *Franklin and Galloway: A Political Partnership*. New Haven, Conn., 1972.
- Oberholtzer, Elias P. *Robert Morris*. New York, 1903.
- O'Callaghan, E. B., editor. *Documentary History of the State of New York*. Albany, N. Y., 1850.
- O'Callaghan, E. B., editor. *Documents Relative to the Colonial History of the State of New York*. Albany, N. Y., 1856.
- Olton, Charles S. *Artisans for Independence: Philadelphia Mechanics and the American Revolution*. Syracuse, N. Y., 1975.
- Postgate, R. W. *That Devil Wilkes*. New York, 1929.
- Quarles, Benjamin. *The Negro in the American Revolution*. Chapel Hill, N. C., 1961.
- Rayback, Joseph G. *A History of American Labor*. New York, 1966.
- Reed, William B., editor. *Life and Correspondence of Joseph Reed*. Philadelphia, 1847.
- Rudé, George. *The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730—1848*. New York, 1964.
- Rudé, George. *Wilkes and Liberty*. London, 1962.
- Ryden, George H., editor. *Letters to and from Caesar Rodney, 1756—1784*. Philadelphia, 1933.
- Saunders, Frederick, editor. *Our National Jubilee. Orations, Addresses, Poems Delivered on the Fourth of July 1876 in the Several States of the Union*. New York, 1877.
- Selsam J. Paul. *The Pennsylvania Constitution of 1776*. Philadelphia, 1936.
- Shy, John W. *Toward Lexington: The Role of the British Army in the Coming of the American Revolution*. Princeton, N. J., 1965.
- Smith, Abbott Emerson. *Colonists in Bondage: White Servitude and Convict Labor in America, 1607—1776*. Chapel Hill, N. C., 1947.
- Snowden, Yates. *Notes on Labor Organization in South Carolina, 1742—1861*. Columbia, S. C., 1924.
- Sparks, Jared, editor. *Diplomatic Correspondence of the American Revolution*. Boston, 1829—1830.
- Stackhouse, A. M. Col. Timothy Matlock, n. p., 1910.
- «Tea Leaves, etc., with Introductory Notes, and Biographical Notices of the Boston Tea Party, by Francis S. Drake». Boston, 1884.
- Thayer, Theodore. *Pennsylvania Politics and the Growth of Democracy, 1740—1776*. Harrisburg, Pa., 1953.
- Thompson, E. P. *The Making of the English Working Class*. New York, 1963.
- Vance, Clarence H., editor. *Letters of a West Chester Farmer, White Plains, N. Y., 1930*.
- Van Doren, Carl. *Mutiny in January*. New York, 1943.
- Van Rensselaer, Marianna G. *History of New York in the Seventeenth Century*. New York, 1909.
- Vinton, John Adams, editor. *Deborah Sampson, The Female Soldier of the American Revolution*. Boston, 1866.
- Walsh, Richard. *Charleston's Sons of Liberty: A Study of the Artisans, 1763—1789*. Columbia, S. C., 1959.

- Walsh, Richard, editor. *The Writings of Christopher Gadsden*. Columbia, S. C., 1966.
- Warden, G. B. *Boston: 1689—1776*. Boston, 1970.
- Ware, Norman J. *Labor in Modern Industrial Society*. New York, 1935.
- Warner, Sam Bass, Jr. *The Private City: Philadelphia in Three Periods of Its Growth*. Philadelphia, 1968.
- Willard, Margaret Wheeler, editor. *Letters on the American Revolution, 1774—1776*. Boston, 1925.
- Williams, Talcott. *Labor a Hundred Years Ago*. New York, 1887.
- Williamson, Andrew. *Thomas Paine: His Life, Work and Times*. New York, 1974.
- Williamson, Chilton. *American Suffrage from Property to Democracy, 1760—1860*. Princeton, N. J., 1960.
- Winslow, Ola Elizabeth, editor. *American Broadside Verse*. New Haven, Conn., 1943.
- Young, Alfred P. *The Democratic Republicans of New York, The Origins, 1763—1797*. Chapel Hill, N. C., 1967.
- Young, Alfred, editor. *Dissent: Explorations in the History of American Radicalism*, De Kalb, Ill., 1968.
- Zobel, Hiller B. *The Boston Massacre*. New York, 1970.

Статьи

- «Account of the Grand Federal Procession in Philadelphia», — «American Museum», 4 (1788), 57—75.
- Alexander, Arthur Jr. *Pennsylvania Revolutionary Militia*. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 49 (1945), 15—25.
- Alexander, John A. *The Fort Wilson Incident*. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 3 (1974), 589—612.
- Allan, James and Day, Katherine. *Another Look at the Boston Caucus*. — «Journal of American Studies», 5 (1971), 19—42.
- Anderson, George P. *Ebenezer Mackintosh: Stamp Act Rioter and Patriot*. — «Colonial Society of Massachusetts Publications», 26 (1924—1926); 15—64, 348—361.
- Anderson, George P. *Pascal Paoli: An Inspiration to the Sons of Liberty*. — «Colonial Society of Massachusetts Publications», 26 (1924—1926), 180—210.
- Baker, Mary Roys. *Anglo-Massachusetts Trade Union Roots, 1730—1790*. — «Labor History», 14 (1973), 352—396.
- Barker, R. J. *The Daughters of Liberty*. — «American Historical Register», 1 (1894), 29—36.
- Berg, Harry D. *The Organization of Business in Colonial Philadelphia*. — «Pennsylvania History», 10 (1942), 157—177.
- Boyer, Lee R. *Lobster Backs, Liberty Boys, and Laborers in the Streets: New York's Golden Hill and Nassau Street Riots*. — «New York Historical Society Quarterly», 57 (1973), 281—307.
- Boyle, John. *Boyle's Journal of Occurrences in Boston, 1759—1778*. — «New England Historical and Genealogical Register», 84 (1930), 142—169.

- Bronner, Francis L. Marinus Willett. — «New York History», 17 (1936), 273—280.
- Brown, Robert E. Democracy in Colonial Massachusetts. — «New England Quarterly», 25 (1952), 291—313.
- Cabeen, Francis von. The Society of the Sons of Saint Tammany in Philadelphia. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 2 (1901); 433—451.
- Calkin, H. L. Pamphlets and Public Opinion During the American Revolution. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 44 (1940), 22—42.
- Cary, John. Statistical Method and the Brown Thesis on Colonial Democracy. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 20 (1963), 251—276.
- Champagne, Roger J. The Military Association of the Sons of Liberty. — «New York Historical Quarterly», 51 (1957), 344—360.
- Champagne, Roger J. New York Radicals and the Coming of Independence. — «Journal of American History», 2 (1964), 21—42.
- Champagne, Roger J. Liberty Boys and Mechanics in New York City, 1764—1774. — «Labor History», 8 (1967), 123—135.
- Champagne, Roger J. New York and the Intolerable Acts, 1774. — «New York Historical Society Proceedings», 45 (1961), 195—207.
- Champagne, Roger J. New York Politics and Independence. — «New York Historical Society Quarterly», 46 (1962), 3—19.
- Cometti, Elizabeth. Women in the American Revolution. — «New England Quarterly», 20 (1947), 329—346.
- Countryman, Edward. The Problem of the Early American Growth. — «Journal of American Studies», 7 (1973), 77—90.
- Crane, Verner W., editor. The Internal State of America' by Benjamin Franklin. — «William and Mary Quarterly», 3d Series 15 (1958), 214—227.
- Davidson, Philip. Sons of Liberty and Stamp Men. — «North Carolina Historical Review», 9 (1937), 38—56.
- Day, Alan and Katherine. Another Look at the Boston Caucus. — «Journal of American Studies», 5 (1971), 19—42.
- Dexter, F. B., editor. The Correspondence and Miscellaneous Papers of Jared Ingersoll. — «New Haven Colony Historical Society Papers», 10 (1918), 308—355.
- Dickerson, Oliver M. The Commissioner of Customs and the Boston Massacre. — «New England Quarterly», 27 (1954), 307—325.
- Edes, Henry H. Memoir of Thomas Young, B: «Publications of the Colonial Society of Massachusetts, Transactions 1906—1907», 2—53.
- Edwards, George W. New York Politics Before the American Revolution. — «Political Science Quarterly», 35 (1921), 596—602.
- Ernst, Joseph A. An Economic Interpretation of the American Revolution. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 29 (1972), 3—32.
- Ford, Worthington C., editor. John Wilkes and Boston. — «Proceedings of the Massachusetts Historical Society», 37 (1913—1914), 180—215.

Friedman, Lawrence J. and Shaffer, Arthur H. Mercy Otis Warren and the Politics of Historical Nationalism. — «New England Quarterly», 48 (1975), 194—215.

Greene, Jack P. Bridge to Revolution, The Wilkes Fund Controversy in South Carolina, 1769—1775. — «Journal of Southern History», 29 (1963), 19—52.

Grossman, Jonathan. Wage and Price Control During the American Revolution. — «Monthly Labor Review», 85 (1973), 3—9.

Gutman, Herbert G. Work, Culture and Society in Industrializing America, 1815—1919. — «American Historical Review», 88 (1973), 531—588.

Henretta, James A. Economic Development and Social Structure in Colonial Boston. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 22 (1965), 75—92.

Hooper, Richard J. The American Revolution Seen Through a Wine Glass. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 11 (1954), 52—77.

Hoyt A. H. Donations to the People of Boston Suffering under the Port Bill. — «New England Historical and Genealogical Register», 30 (1876), 368—379.

Jones, Douglas Lamar. The Strolling Poor: Transiency in Eighteenth Century Massachusetts. — «Journal of Social History», 8 (1975), 28—54.

Klein, Milton M. Democracy and Politics in Colonial New York. — «New York History», 40 (1959), 221—246.

Klein, Milton M. New York Lawyers and the Coming of the American Revolution. — «New York History», 55 (1974), 383—407.

Kraus, Michael. America and the Irish Revolutionary Movement in the Eighteenth Century v: Richard B. Morris, editor. The Era of the American Revolution, 332—348.

Kulikoff, Allan. The Progress of Inequality in Revolutionary Boston. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 28 (1971), 375—412.

Lemisch, Jesse. Jack Tar in the Streets: Merchant Seamen in the Politics of Revolutionary America. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 25 (1968), 371—407.

Lemisch, Jesse. New York's Petitions and Resolves of December 1765: Liberals vs. Radicals. — «New York Historical Society Quarterly», 49 (1965), 313—323.

Lemisch, Jesse. The American Revolution Seen from the Bottom Up v: Barton J. Bernstein, editor. Towards A New Past: Dissenting Essays in American History, 3—45.

Longley, R S. Mob Activities in Revolutionary Massachusetts. — «New England Quarterly», 6 (1933), 98—130.

Lynd, Staughton. The Mechanics in New York Politics, 1774—1788. — «Labor History», 5 (1964), 224—246.

Maier, Pauline. Revolutionary Violence and the Relevance of History. — «Journal of Interdisciplinary History», 2 (1971), 119—135.

Maier, Pauline. Coming to Terms with Samuel Adams. — «American Historical Review», 81 (1976), 12—37.

Maier, Pauline. The Charleston Mob and the Evolution

of Popular Politics in Revolutionary South Carolina, 1765—1784. — «Perspective in American History», 4 (1970), 173—198.

Main, Jackson Turner. Government by the People: The American Revolution and the Democratization of the Legislatures. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 23 (1966), 391—407.

Mark, Irving and Handlin, Oscar. Land Cases in Colonial New York, 1765—1767; The King vs. William Prendergast. — «New York University Quarterly Review», 9 (1942), 180—208.

Matthews, Albert. Joyce Junior. — «Publications Colonial Society of Massachusetts», 8 (1907), 97—101.

Miller, William. The Effects of the American Revolution on Indentured Servitude. — «Pennsylvania History», 7 (1940), 131—141.

Morais, Herbert M. The Sons of Liberty in New York v: Richard B. Morris, editor. The Era of the American Revolution, 269—289.

Morais, Herbert M. Artisan Democracy and the American Revolution. — «Science and Society», 6 (1942), 227—249.

Morgan, Edmund S. Thomas Hutchinson and the Stamp Act. — «New England Quarterly», 21 (1948), 459—463.

Morris, Richard B. Labor and Mercantilism in the Revolutionary Era v: Richard B. Morris, editor. The Era of the American Revolution, 76—139. — «Political Science Quarterly», 52 (1937), 51—85.

Morris, Richard B. The American Revolution and the Labouring Classes, Slave and Free: A Reconsideration. — «Society for the Study of Labour History Bulletin», 32 (1969), 11—13.

Nash, Gary B. The Transformation of Urban Politics 1700—1765. — «Journal of American History», 60 (1973), 605—632.

Nash, Gary B. Poverty and Poor Relief in Pre-Revolutionary Philadelphia. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 33 (1976), 3—30.

Nettels, Curtis P. British Mercantilism and the Economic Development of the Thirteen Colonies. — «Journal of Economic History», 12 (1952), 105—114.

Nettels, Curtis P. The Menace of Colonial Manufacturing, 1690—1720. — «New England Quarterly», 4 (1931), 240—266.

Newcomb, Benjamin H. Effects of the Stamp Act in Colonial Pennsylvania Politics. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 23 (1966), 257—272.

Oaks, Robert F. Philadelphia Merchants and the First Continental Congress. — «Pennsylvania History», 40 (1973), 149—168.

Olton, Charles S. Philadelphia's Mechanics in the First Decade of the Revolution, 1765—1775. — «Journal of American History», 59 (1972), 311—326.

Parker, Peter J. Rich and Poor in Philadelphia, 1709. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 99 (1975), 3—17.

Rogers, George C. Jr. The Charleston Tea Party: The Significance of December 3, 1773. — «South Carolina Historical Magazine», 75 (1974), 162—185.

Rudolph, Lloyd. The Eighteenth-Century Mob in American and Europe. — «American Quarterly», 11 (1959), 447—459.

Ryerson, R. A. Political Mobilization and the American Re-

- volution. The Resistance Movement in Philadelphia, 1765—1776. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 21 (1974), 565—588.
- Schlesinger, Arthur M. A Note on Songs as Patriot Propaganda. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 11 (1954), 78—88.
- Schlesinger, Arthur M. Political Mobs and the American Revolution, 1765—1776, Proceedings. — «American Philosophical Society», 99 (1955), 243—249.
- Seyboldt, Robert J. Trade Agreement in Colonial Boston. — «New England Quarterly», 2 (1929), 307—310.
- Shaeffer, John N. Public Consideration of the 1776 Pennsylvania Constitution. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 98 (1974), 415—437.
- Smith, C. Page. The Attack on Fort Wilson. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 78 (1954), 177—188.
- Smith, Glenn C. An Era of Non-Importation Association. — «William and Mary Quarterly», 2d Series, 40 (1932), 52—77.
- Stickley, Julia Ward. The Records of Deborah Sampson Gannett, Woman Soldier of the Revolution. — «Prologue», 4 (1972), 233—241.
- Stone, Frederick B. Philadelphia Society One Hundred Years Ago or the Reign of Continental Money. — «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 3 (1879), 380—398.
- Tolles, Frederick B. The American Revolution Considered as a Social Movement: A Re-Evaluation. — «American Historical Review», 60 (1954), 1—12.
- Towner, Lawrence W. The Indentures of Boston's Poor Apprentices, 1734—1805. — «Publications Colonial Society of Massachusetts», 43 (1956—1963), 417—434.
- Trumbull, J. H. Sons of Liberty in 1775. — «The New Englander», 25 (1892), 308—321.
- Walsh, Richard. The Charleston Mechanics: A Brief Study, 1760—1776. — «South Carolina Historical Magazine», 60 (1959), 123—144.
- Weer, Robert M. The Harmony We Were Famous For: An Interpretation of Pre-Revolutionary South Carolina Politics. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 26 (1969), 473—501.
- Williams, William Appelman. Samuel Adams: Calvinist, Mercantilist, Revolutionary. — «Studies on the Left», 1 (1960), 47—57.
- Wood, Gordon S. A Note on Mobs in the American Revolution. — «William and Mary Quarterly», 3d Series, 23 (1966), 635—642.
- Woody, Robert H. Christopher Gadsden and the Stamp Act. — «Proceedings of the South Carolina Historical Association», 1939, 3—22.
- Young, Alfred F. The Mechanics and the Jeffersonians: New York, 1789—1801. — «Labor History», 5 (1964), 247—276.
- Young, Alfred F. and Lynd, Staughton. Alter Carl Becker: The Mechanics and New York City Politics, 1774—1801. — «Labor History», 5 (1964), 215—224.
- Zimmerman, John J. Charles Thomson: The Sam Adams of Philadelphia. — «Mississippi Valley Historical Review», 45 (1958), 464—480.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие	25
1. Колониальные рабочие накануне революции	29
2. «Сыны свободы»	59
3. Кризис в связи с законом о гербовом сборе	79
4. Программа Тауншенда	109
5. Битва под Голден-хиллом и «бостонская бойня»	127
6. Борьба по вопросу о бойкоте импорта и «чаепития»	141
7. Усиление роли мастеровых	163
8. Путь к независимости	188
9. Достижение независимости	210
10. Завоевание независимости	225
Ссылки на источники	254
Библиография	282

ФИЛИП С. ФОНЕР

Рабочий класс и американская революция

ИБ № 610

Редактор *Е. Л. Левина*

Художник *И. С. Клейнгард*

Художественный редактор *В. А. Пузанков*

Технический редактор *О. Н. Черкасова*

Корректор *В. М. Лебедева*

Сдано в набор 06.09.79. Подписано в печать 16.05.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнит ура обыкновенная новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,84. Тираж 6000 экз. Заказ № 291. Цена 1 р. 20 к. Изд. №. 28307.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021. Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

Филип С. Фонер

Рабочий класс и американская революция